
Андрей Ермоленко
МАРУЛЛ
PURGATORIUM

ЭПИГРАФ 3
ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ 4
ГЛАВА 2. ГРАФ Д´ЭГЛИЗ 13
ГЛАВА 3. О РОСИНАНТЕ И БУЦЕФАЛЕ 29
ГЛАВА 4. О ВСЕЗНАНИИ И ВСЕМОГУЩЕСТВЕ 39
ГЛАВА 5. ПАЛАСИО-СИТИ 47
ГЛАВА 6. СЕЛЕСАО — РЕАЛ МАДРИД 55
ГЛАВА 7. ВЕЧЕРНИЙ ЭКСТРАКТ 72
ГЛАВА 8. ЗДОРОВЫЙ ДУХ В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ 84
ГЛАВА 9. ОТПУСК 97
ГЛАВА 10. НЕМНОГО О ПОЛИГОНАХ 108

ЭПИГРАФ

Посвящаю эту книгу всем людям нашей земли — большим и маленьким, весёлым и грустным, тем, кому сейчас хорошо и тем, у кого дождь в сердце или, быть может, гроза.
Я с большой радостью и удовольствием наблюдал и записывал за моими любимыми героями, — о чём они говорят, что делают. Надеюсь, они полюбятся и тебе, мой дорогой читатель!

Пусть эта книга будет болеутоляющим, радостью или ободрением по необходимости, когда ты будешь её читать, как послужила мне самому во время её написания.
Она появилась потому, что я сам очень хотел прочитать именно такую книгу, — но не нашёл. Пришлось браться самому. Как говорил один хороший поэт:

“Если мне не хватает песен - я пишу их.”

Приятного путешествия, мой дорогой друг-читатель!

Автор.

Ах, да… Все совпадения — намерены, и события — не вымышлены.

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ

- Уважаемый сенатор, подождите немного, господин Люцифер примет вас через несколько минут, — молодой чернявый секретарь вежливо улыбнулся и указал Маруллу на белое кожаное кресло. Сенатор еще не совсем пришел в себя, был в легком ступоре и, глупо кивнув, послушно направился к креслу. "Рекамье", — на автомате отметил он, опускаясь на превосходную кожу. Такие же кресла он видел совсем недавно в кабинете у своего заместителя и хорошо их запомнил. Да, да, в точности такие, обширные, квадратные, и на кресла-то, в общем, не похожие, скорее, небольшие диваны. Он даже, кажется, распорядился приобрести такие же для себя. Или не успел?..
А какая, в сущности, разница теперь?

Марулл огляделся. Что вообще происходит?
Он не волновался, нет. Сенатор Марулл давно избавился от этой скверной привычки. Он сидел, слегка расставив ноги и облокотив подбородок на руки, упертые в колени. Солидная поза, достойная и вместе с тем позволяющая расслабиться. Конечно, сенатор с большим удовольствием развалился бы в удобном кресле, однако на людях он никогда не позволял себе подобных вольностей. Хотя теперь... С какой, собственно, стати? Марулл откинулся на спинку, расслабился и мягкое кресло приняло его в свои объятия. Превосходная мебель. Сенатор почувствовал себя значительно лучше.
Вот только в горле пересохло...

"Не желаете ли освежиться?" - Марулл с удивлением поднял голову. "Желаю", — произнес он с прохладной интонацией, годами отшлифованной привычкой и ремеслом, — идеально, по аптекарски отмеренной смесью высокомерия,

снисхождения и расположения, — чтобы персонал чувствовал, что, позволяя себя обслуживать, сенатор оказывает ему чрезвычайную честь. Впрочем, его холодность, похоже, осталась незамеченной. Секретарь откупорил бутылку, все так же приветливо улыбаясь. "Аполлинарис", — с удовлетворением констатировал Марулл про себя. Именно то, что нужно сейчас. В другое время сенатор предпочёл бы светлое пиво для утоления жажды, однако в голове до сих пор было не совсем ясно. "То что нужно" - еще раз удовлетворенно пробормотал про себя Марулл.
Какой контраст, — подумал он, слегка усмехаясь, и глотая не ледяную и не слишком теплую воду, — с котлами кипящей серы, в которые Марулл, конечно никогда не верил, однако в глубине души все же опасался здесь встретить.
Марулл подумал, что было бы, в общем-то неплохо, если бы хозяин кабинета соизволил оказать ему внимание и почти не удивился, когда секретарь одновременно с этой мыслью встал, вновь ненавязчиво улыбнулся, и сказал, приоткрыв дверь кабинета: "Господин Люцифер ждет вас."
Ну что ж, сенатор был готов. Он поставил недопитый стакан на прелестный бидермайеровский столик и, одернув пиджак, направился в кабинет достойной, но бодрой походкой.

Ему начинало нравиться в аду.

xxx

Кабинет был просторный, выдержанный в стиле девятнадцатого века. Лакированный орех — по стенам, сверху, под ногами. Стол, столь же солидный и вместе с тем уютный, из того же дерева. На столе торчал плазменный монитор — одна из последних моделей, — отметил сенатор, при своих консервативных вкусах все же старающийся идти в ногу со временем. Карандашница, блокнот в благородном коленкоровом переплете... Ничего лишнего. Именно так обставил бы свой кабинет и сам Марулл, если бы не приходилось следуя замшелым традициям, перенимать обстановку предшественников.
За пару секунд оценив антураж, сенатор перевел взгляд на хозяина кабинета, уютно покачивающегося в кресле-качалке у камина, сразу, впрочем, вставшего, лишь только сенатор устремил на него взгляд. С широкой белозубой улыбкой он устремился ему навстречу, на ходу протягивая ладонь для рукопожатия.
- Сенатор, здравствуйте, — свободно и, похоже, искренне произнес он и умудрился растянуть улыбку еще на пару сантиметров. Марулл с холодком пожал предложенную руку и быстрым взглядом прошелся по собеседнику сверху вниз. На вид тому было

слегка за тридцать, гладкие черные волосы уложены в безукоризненную прическу и слегка приправлены гелем. Глаза... Странные глаза… - глубокие, слегка озорные и вместе с тем... Впрочем — глаза как глаза, — встряхнулся Марулл. Он нарочито равнодушно прошёл мимо молодого человека к камину и стал смотреть на ровный огонь. Выждав паузу, должную дать ему моральное превосходство, сенатор развернулся и с удивлением обнаружил, что тот его собеседник вовсе не смутился, а все так же дружелюбно смотрит на него.

- Извольте объяснить, где я, — произнес наконец сенатор, не выдержав игру в гляделки.

- Изволю, изволю, — поспешил ответить молодой человек, возвращаясь в своё кресло — качалку, — непременно изволю. Позвольте предложить вам присесть. "Рекамьер" - кажется ваша любимая марка. Не возражаете?

- Не возражаю, — сенатор и впрямь был не против присесть, решив, что хозяин кабинета обходится с ним достаточно почтительно. Марулл опустился в кресло напротив, смутно припомнив, что когда он входил в кабинет никаких кресел, помимо хозяйского, заметно не было.

- Итак, дорогой сенатор, — по простому говоря, Вы - в аду! - начал собеседник Марулла без лишних проволочек, — а вернее - в месте, которое на Земле как правило называют Чистилищем или Лимбом. Впрочем, многие ошибочно полагают, что всё это — разные места…

- Так, интересно! - сенатор попытался придать голосу побольше сарказма, — и как я сюда попал?

- Очень просто. Вы умерли, — развёл руками собеседник и откинувшись на спинку кресла начал слегка покачиваться взад-вперёд.

- Так, интересно, — повторил Марулл. - Позвольте спросить, с кем имею честь.

- Мое имя, вернее одно из них — Люцифер, — молодой человек слегка привстал и вновь опустился в кресло.

- Вы здесь главный? - уточнил сенатор.

- Ну как вам сказать? - Люцифер поерзал в кресле, затем раскурил непонятно откуда взявшуюся в руке сигару и, пару секунд внимательно поглядев на Марулла, выпустил дым в потолок. - Скорее я - наблюдатель. А главный… Главный здесь — вы! Велкам, — как говорится — ту зе Хелл!

И он широко улыбнулся.

xxx

Через несколько часов сенатор вышел кабинета, прошёл мимо дружелюбного секретаря, погружённый в свои мысли и даже не кивнул ему на прощание. Впрочем, Марулл и так давно отучил себя от проявлений чрезмерного и ненужного дружелюбия по отношению к обслуге. Он считал, что это внушало значительное уважение к нему, так как при повторных встречах персонал держался с ним особенно почтительно, боясь вызвать неудовольствие столь важной особы. Спустившись в зеркальном лифте с девятого этажа, он вышел из огромного небоскрёба и побрёл по серому, только что щедро политому дождём тротуару. Именно такая погода и соответствовала его настроению — гроза прошла, осталась лишь сырость и влажный воздух.

- Бред, — пробормотал сенатор раздражённо, — полный бред.

Он засунул руки поглубже в карманы и торопливой нервной походкой продолжил путь чуть быстрее. То, что рассказал ему недавний собеседник, было настолько невероятным, что сенатор до сих пор не мог сбить мысли в кучу и они роились у него в голове словно пчелы в улье.

Причем Люцифер, вроде бы, вовсе не говорил загадками, но напротив, старался всё объяснить сенатору понятным языком, предупредив, однако, что понять будет непросто. Сенатор сердился. Сенатор не любил загадок. Он привык контролировать все обстоятельства вокруг и с юношеских времен не испытывал чувства смятения. Однако сейчас оно все более охватывало его и у Марулла промелькнула мысль, что неплохо было бы прочистить мозги чашечкой кофе, да почернее.

Сенатор подумал о роскошном отеле недалеко от парламента, в баре которого он обычно назначал деловые встречи. Спиртного он себе, разумеется, не позволял, однако ему очень нравилась благородно-кожанная обстановка бара и сейчас он с удовольствием посидел бы в подобном месте. Сенатор даже зажмурился на мгновение, представив себе как он заходит туда, небрежно скидывает плащ на руку маленькому гардеробщику и, поправив прическу, степенно направляется за один из столиков...

Сенатор резко остановился. Зажмурился и опять открыл глаза... Этого ведь не могло быть?.. Галлюцинации? Да, нет, наверное, просто похожее здание... "Dorint Sofitel",- мерцали голубоватые буквы пятизвездочного красавца в пятидесяти метрах от сенатора. Марулл приблизился к зданию и начал медленно обходить его вокруг. Стильный черный кирпич, зеленоватые тонированные стёкла... Отель был не просто похож, он был в точности такой же…- вынужден был признать Марулл.

Всё ещё слегка ошарашенный, он завершил обход и сквозь крутящиеся двери, декорированные сухими ветвями, прошёл в мраморный холл. Внутри обстановка в точности повторяла ту, что сенатор издавна знал. То же лобби, тот же бар... Сенатор еще раз покрутил головой, словно стряхивая наваждение, однако многолетняя

привычка не удивляться, а вернее, не показывать виду, что чем-то удивлен, взяла верх и Марулл нарочито неторопливой походкой прошёл к бару.
- Ваш плащ, сэр, — сенатор почти не удивился, увидев у входа в бар низкорослого гардеробщика, который почти всегда дежурил на этом самом месте. Он с поклоном принял плащ и стремительно уволок его в полутемную глубину гардероба. Ситуация начала забавлять сенатора.
Выбрав столик в самом тёмном углу, сенатор, одёрнув пиджак, уселся в кожаное кресло и, глубоко вздохнув, немного расслабился.
- Кофе, пожалуйста, — сухо бросил он подошедшему официанту, не взглянув на него. Обычно в этом баре он тоже надевал маску снисходительной доброжелательности, однако сейчас... Он был раздражён, а в этом состоянии он иногда позволял себе подчёркнутую холодность. Никогда, впрочем, не нарушая рамок принятых в его кругах приличий.
Итак, что же наговорил этот Люцифер? - попытался вновь сосредоточиться сенатор. Он прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, решив поразмыслить над странным появлением отеля у него на пути чуть позже. - Что значит - я всемогущий? И почему это — проклятие? - сенатор помимо воли вновь начал раздражаться и, поймав себя на том, что нервно крутит в пальцах коробок спичек, взятый из хрустальной пепельницы, брезгливо положил его назад.

- Ваш кофе, сэр! - Официант согнулся над низеньким столиком и начал изящно выгружать с подноса кофе, сахарницу и молоко в красивом хромированном чайничке. Буркнув что-то невнятное, должное выразить благодарность, Марулл всыпал две ложки сахара в кофе и, нарочно громко звеня ложечкой о стекло, начал его размешивать, пытаясь сосредоточиться. Однако и на этот раз ему не удалось собраться с мыслями.

- Позволите присесть? - Подняв голову, сенатор увидел полного, степенного мужчину средних лет, стоящего перед его столиком. Бросив выразительный взгляд на пустой зал бара, сенатор после небольшой заминки ответил: Пожалуйста, — и, раздражаясь все больше, нарочито уставился в противоположную от мужчины сторону. Того, однако, это не смутило… Краем глаза сенатор видел, как он втискивается в довольно тесное кресло и поднимает руку, подзывая официанта.
- Кофе, голубчик, — проговорил он почти ласково, по-отечески взяв официанта под локоть. Затем откинулся на спинку кресла и начал довольно бесцеремонно разглядывать сенатора.
- Лион! - проговорил он в тот самый момент, когда сенатор уже готов был вскипеть как

чайник, и протянул широкую ладонь сенатору.
- Очень приятно, — выдавил из себя Марулл, нечеловеческим усилием сдержав в груди булькающее возмущение. - Однако я, с вашего позволения осмелюсь оставить собой право не представляться, и не вступать в диалог, в данный момент, признаться, весьма для меня нежелательный. Посему попрошу вас о любезности оставить меня наедине с моим кофе и моими мыслями!
Помпезный монолог сенатора не произвёл, однако, остепеняющего действия, как он замышлял. Вместо этого назвавшийся Лионом заливисто расхохотался и перегнувшись через стол, по-товарищески хлопнул ошалевшего сенатора по плечу.
- Новенький, — заключил он с видимым удовлетворением и заёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Пока Марулл, ошарашенный нахальством собеседника, приходил в себя, он с видимым удовольствием отхлебнул принесённый официантом кофе и весело взглянул на сенатора.
- Узнаю себя! - произнёс он через несколько мгновений и шутливо погрозил сенатору пальцем. - Нет ничего нового под солнцем... Да вы не обижайтесь, дружище, вы, видимо, только что от Люцифера, так что ваше состояние мне весьма знакомо и понятно.
Задорный, немного сочувствующий тон Лиона как ни странно подействовал на Марулла успокаивающе.
Для порядку буркнув "тем не менее я бы попросил воздержаться от фамильярностей", сенатор с удивлением обнаружил, что особого раздражения внутри уже не наблюдается, а его место постепенно занимает непонятно откуда взявшаяся симпатия к собеседнику.
- Признаться честно, я и впрямь немного не в себе, — проговорил Марулл сдержанно.
- Ещё бы, — усмехнулся Лион. - А отель вы стильный возвели, я оценил — добавил он, окидывая взглядом полутёмный бар. - А уж я их повидал, поверьте, немало. Как здесь, так и...
- В смысле? - не сдержавшись перебил сенатор. В каком смысле - я возвёл?
- Ага, значит вы еще не поняли. Ну, да я тоже не сразу... Лион замолчал на полуслове и, глубокомысленно приподняв брови, вновь потянулся к чашке кофе.
Сенатор с трудом подавил в себе желание слегка поторопить собеседника, и тоже взял чашку.
- Видите ли, дорогой Марулл, в месте, где вы находитесь, если это вообще можно назвать местом, — продолжил наконец Лион, отхлебнув кофе и с удовольствием цокнув языком — объяснить что-то довольно трудно… гораздо проще предоставить человеку самому выяснять. Поверьте, я вовсе не имею цели вас запутать — шутливо поднял он руки, видя, что сенатор поморщился, — вы и впрямь будете постепенно

находить ответы на ваши вопросы... и множество новых вопросов, — добавил собеседник Марулла, вздохнув.
- Я уверен, что разумный человек все может объяснить другому разумному человеку, господин Лион! - проговорил сенатор учительским тоном, — при условии, конечно, что он владеет информацией в полном объеме — не удержался он от шпильки.
- Хм, ну что ж, давайте попробуем, дорогой друг, — не стал возражать Лион, — спрашивайте!
Сенатор отодвинул недопитый кофе и коротко задумался: - Ну вот, элементарный вопрос — что означала ваша фраза "вы возвели стильный отель"?
- Только то, что мне понравился отель, который вы построили, — в глазах Лиона появились смешинки.
- Ну довольно, Лион, — сенатор вновь начал сердиться — что вы имеете в виду под "вы построили"?
- Я же говорю — это непросто объяснить, сенатор. - Лион развел руками. - Но причиной появления здесь этого отеля были вы.
- Я?
- Вы, дружище.
- Но как? Каким образом?
- Вот этого я не знаю… Скорее всего, вы просто захотели, чтобы он был здесь.
- Что? Я захотел, чтобы здесь был отель? - саркастически проговорил сенатор. - Впрочем... - Марулл вспомнил, что у него была смутная мысль выпить кофе именно здесь... - Хм… - сенатор замолчал и уставился к себе в чашку. - Но какая связь?
- Самая прямая,- ответил Лион, благодушно улыбаясь. - Вот я, например, хочу кофе. - Нет, нет, — он поймал вскинувшуюся было руку сенатора, — не будем тревожить официанта. Я хочу кофе прямо сейчас, на этот столик.
- Но как?... - вымолвил пораженный Марулл, глядя на то как Лион преспокойно отхлёбывает из появившейся прямо из пустоты чашки.
- Как — не знаю, — охотно объяснил Лион, улыбаясь. - Однако таковы здесь законы. - Лион откинулся на спинку кресла, забросил довольно пухлую ногу за другую и, с видимым удовольствием посматривая на ошарашенного сенатора, продолжил пить кофе.
- То есть вы хотите сказать… - начал сенатор, постепенно выходя из оцепенения, но снова застрял на середине предложения.
- Ну, да, друг мой, — позвольте называть вас так — пришёл на помощь Лион, — вы тоже можете делать подобные трюки, разумеется. В конце концов — отель — чья работа? А что, как я уже говорил — весьма со вкусом, стильно, благородно, но без лишней вычурности. Вы бы посмотрели, какой кошмар возводят здесь некоторые.

Людям порой кажется, чем больше золота, тем красивее. А так как с материалом проблем тут нет, то и выходит не пойми что. Я надеюсь, вы испортитесь нескоро...
- А почему вы столь уверены, что я испорчусь? - вновь вскинулся сенатор, которого задел самоуверенный тон собеседника.
- Все здесь портятся, друг мой, — без особого сожаления в голосе сказал Лион, ставя пустую чашку на маленький стеклянный столик.
- Отчего же? - спросил сенатор, с неудовольствием уловив неприемлемое для своего достоинства юношеское любопытство в собственном голосе.
- Хм… Это один из тех самых вопросов, сенатор… Может быть, свобода пьянит, безнаказанность, всемогущество. Возможность всё иметь, ничего не делая… А может быть наоборот, от осознания безнадежности люди ожесточаются.
- Безнадёжности? - поднял брови сенатор. - О чем вы, господин Лион? Имея всё, о какой безнадёжности может идти речь? Или я не правильно понял, что означает это всемогущество? Оно ограничено?
- Увы, нет, — усмехнулся Лион. - Всемогущество самое что ни на есть настоящее. В том и проблема.
Сенатору начинал надоедать разговор. Было ощущение, что его хотят каким-то образом провести, да еще ко всему эта абсолютная нереальность происходящего и его новоиспечённый "друг" отвечающий вопросами на вопрос и ровным счётом ничего не проясняющий. Видимо придётся разбираться самому — пришёл к выводу сенатор.
- А я вам о чём толкую, — прервал его размышления голос Лиона, — конечно, самому. И когда вы хоть что-то начнёте понимать, то согласитесь со мной, что объяснить всё это не так-то просто. И тогда вы прибежите ко мне и будете...
- Позвольте, господин Лион! - резко перебил сенатор.
- Просто Лион, — не обиделся тот, изящным жестом вынимая из воздуха толстую сигару.
- Да как бы вас не звали, вы что, читаете мысли?
- Да, разумеется, — не смутился собеседник Марулла.
- Ничего разумеющегося я в этом не вижу! - вскипел Марулл, — злоупотреблять моим неведением в некоторых аспектах здешнего существования...
- Ну, не возбуждайтесь так, друг мой, прошу вас, — Лион вновь поднял пухлые руки, как бы защищаясь от сенатора, — поверьте мне, я вовсе не хотел вас огорчить, а просто ускорил процесс коммуникации.
- Вы просто поступили бестактно! - сенатор, однако, как ни странно, успокоился.
- Кроме того, вы не только можете делать то же самое, но и...
- Никогда себе такого не позволю, — высокомерно прервал Лиона Марулл, поправляя галстук привычным жестом.

Ну, сдаюсь, сдаюсь, простите, Марулл, — Лион состроил жалостливую гримаску и протянул сенатору извлечённую из воздуха сигару, — раскурим трубку мира в знак примирения. И пусть она будет свидетельством между нами до тех пор, — пафосно проговорил Лион, мгновенно изменив тон, — пока вы сами, сенатор Марулл, не прочитаете чьих-нибудь мыслей и не простите старого бестактного философа.
- Как я уже сказал, никогда себе такого не позволю, — проговорил сенатор вновь остывая. Наступила короткая заминка. Сенатор всё еще сердился и, несмотря на то, что изнутри его распирало любопытство, решил, что прерывать паузу первому будет ниже его достоинства. Поэтому он сделал вид, что тщательно перемешивает ложечкой уже довольно прохладный кофе.
Ваш кофе остыл, дружище, — похоже у Лиона не было проблем с чувством собственного достоинства. «Дружище!» - что за фамильярность, — фыркнул сенатор, однако на этот раз про себя.
Что ж, хочу новый, — с вызовом сказал он. - Немедленно на этот столик!
Марулл даже не понял, в какой момент появился кофе — когда он закончил фразу или ещё в процессе... Но кофе действительно возник прямо перед ним. Сенатор не смог скрыть изумления и на этот раз. - Невероятно, — выдохнул он. Впрочем, устыдившись своего невольного возгласа, он вновь сделал безразличное лицо и добавил: - Впрочем, чего еще ожидать от этого дикого места...
Лион, улыбаясь, смотрел на Марулла, прихлёбывая из своей чашки.
Сенатор, давайте дружить, — неожиданно предложил он. - Вы правда очень приятный собеседник. Солидный мужчина, и, вместе с тем ребёнок в вас еще не умер окончательно. Простите, что говорю так прямо, но, вы знаете... С друзьями здесь туговато.
Сенатор уже собирался было в очередной раз оскорбиться по поводу «ребёнка», но в тоне Лиона было что-то, какая-то подкупающая искренность, печаль... Сенатор сам не понимал что, однако это что-то остановило резкий отпор, который он собирался дать. Вместо этого он почувствовал себя немного неловко. Слегка откашлявшись, он нерешительно начал:
- Видите ли, Лион, я не привык играть словом дружба...
- Я понимаю, — прервал Марулла Лион, вновь широко улыбаясь. - Мне просто доставило большое удовольствие общение с вами и я хотел бы его продолжить. Так что если не возражаете...
Ну, в общем, не возражаю, — пробормотал сенатор. - Времени у меня тут, похоже, хоть отбавляй.
Времени, дорогой мой друг, тут нет вовсе, — усмехнулся Лион, — так что у нас и впрямь, простите за парадокс, его очень много. Что ж, думаю, вам нужно побыть

одному какое-то — опять простите за парадокс — время... А потом я жду вас к себе в гости.
Лион протянул сенатору через стол широкую ладонь и, вновь тепло улыбнувшись, неторопливо вышел из бара.
Сенатор незаметно проводил Лиона взглядом, затем медленно откинулся на спинку кресла — именно такого как нужно - и протяжно выдохнул. Похоже, что спешить ему было некуда, да и вообще куда-либо идти не было никакой нужды. Никаких встреч, никаких бумаг — Марулл почувствовал нарастающий дискомфорт. Раздражённо фыркнув, он вытащил из воздуха зажжённую сигарету и глубоко затянулся.

ГЛАВА 2. ГРАФ Д´ЭГЛИЗ

Будильник негромко пищал на ночном столике, сенатор медленно потягивался и, по многолетней привычке, не вставая, прикидывал, чем будет заполнен сегодняшний день. Конечно, в будильнике совершенно не было нужды. Так же как, впрочем, и в самой спальне, да, сказать по правде, и спать сенатору было совершенно необязательно. Но Марулл всё-таки решил придерживаться своих прижизненных обычаев, скрупулёзно вёл счёт дням и часам, и старался существовать так, как привык в течение последних лет.
Леон посмеивался над сенатором, и, во время их вечерних бесед, уверял, что вскоре тот сам откажется от этих неудобств и оценит свободу от всяких временных рамок и оков несовершенства человеческого тела, вроде потребности в сне. Сам Лион однако не чурался привычных земных радостей и с удовольствием предавался различным гастрономическим изыскам каждый раз, когда они с Маруллом встречались.
Однако Марулл сознательно следил за временем, дисциплинированно ложился в постель не позже одиннадцати вечера и вставал в семь утра. Поэтому он точно знал, что находится… ммм… скажем — ЗДЕСЬ — ровно две недели! Сегодня пятница, две недели со дня смерти. — Н-да, ну и бред, — раздражённо подумал сенатор, заводя часы на левом запястье. Он ещё раз потянулся, затем резко сел на кровати и, воткнув ноги в пушистые зелёные тапки, отправился на кухню варить кофе в джезве.
Марулл стоял у плиты, помешивая кофе специальной медной ложечкой, когда раздался звонок телефона из соседней комнаты. Ну да, Лион, конечно, — у них на сегодня как обычно запланировано чаепитие, плавно переходящее в ужин. Сенатор с досадой подумал, что опять воспользовался “этими дурацкими способностями”, чтобы определить звонящего и, чертыхнувшись, выключил плиту, убрал джезву на деревянную подставочку и отправился к телефону.

- Ну что, друг мой, — раздался в трубке как всегда добродушный голос Лиона, — ещё не отказались от ваших привычек варить себе кофе по утрам и разговаривать по этому раритетному ящику господина Бэлла?
- Ну, во-первых, — моментально вскипая заговорил сенатор, — я неоднократно просил вас, Леон, не подглядывать в мой дом! А во вторых, если вам небезразличны наши отношения, имейте снисхождение к моим привычкам, а также сознательным решениям, которые я, будучи хоть…
- Ах, полноте, полноте сенатор, — как всегда, обезоруживающе добродушно прервал Марулла Лион. — Уговор есть уговор, — я никуда не подглядываю, просто я тоже установил себе часы, идущие синхронно с вашими, и знаю, что в это время вы, будучи человеком привычки, всегда варите себе кофе. По моим расчётам вы как раз должны были его сварить и сидеть с чашечкой в саду, — вот я и позвонил. Так что, без обид, друг мой. Кроме того вы в любой момент можете и сами сделать так, чтобы я не мог, как вы выразились, “подглядывать в ваш дом”, так как наше всемогущество — как мы уже выяснили — заканчивается, когда речь заходит о воле другого человека.
- Да, хххммхррр — сенатор моментально остыл и неопределённо хмыкнул в трубку. — Чем обязан звонку, Лион?
- Да вот, хочу спросить, могу ли я сегодня прийти с другом? Весьма интересная и колоритная личность, уверяю вас!
- Что за личность? — подозрительно спросил Марулл и, зажав трубку ухом, бросил тоскливый взгляд сквозь открытую кухонную дверь на остывающую джезву, — Эээ, Лион, вы не возражаете, если я перезвоню через пять минут? — Вы всё-таки ошиблись в ваших подсчётах и кофе я ещё не доварил.
- Да бросьте, Марулл, — в голосе Лиона вдруг прорезалась так раздражающая сенатора снисходительность — возьмите телефон с собой на кухню, а ещё лучше, перенеситесь прямо в сад с горячей чашкой. Мне бы так не хотелось прерывать нашу беседу — это то немногое, что имеет смысл в этом месте. Как говорил Уистен Хью Оден: “Если два человека встречаются и беседуют, то цель этой беседы — не обменяться информацией или вызвать эмоции, а скрыть за словами ту пустоту, то молчание и одиночество, в которых человек существует.” Как точно, а? Только тут начинаешь осознавать, как он был прав!
- Ну, с этим можно поспорить, — ворчливо возразил сенатор.
- Давайте, давайте поспорим, — оживился в трубке Лион.
- Поспорим после того, как я сварю себе кофе. Сам! — отрезал сенатор. — А потом вам перезвоню. Всего хорошего!
Сенатор положил трубку и, почувствовав себя победителем, отправился на кухню. Кофе, конечно, уже наполовину остыл. Сенатор вздохнул и воровато оглянувшись, на

секунду зажмурился и, подхватив моментально задымившуюся джезву и свою любимую чашку, отправился в сад.

Сад, разумеется, был именно таким, о котором сенатор мечтал последние лет двадцать своей жизни. А если точнее — точной копией его собственного сада в особняке близ Лондона, выполненный, однако, с безупречностью, которой он не мог добиться от своих садовников. Идеально ровная живая изгородь, прямые как стрелы дорожки, засыпанные белым песком и выложенные желтоватыми, абсолютно одинаковыми камнями по сторонам. Цветы росли именно там где им положено, в том количестве, которое соответствовало настроению сенатора на данный момент. Сегодня начали распускаться гладиолусы. Марулл подошёл к ним и задумчиво любовался их стройными стеблями, из которых пробивались алые, розовые и оранжевые лепестки. Сенатор любил цветы, однако никогда не позволял себе долго смотреть на них. Он считал это несолидным. Однако тут… Что теперь? Сенатор даже позволил себе улыбнутся и ещё какое-то время разглядывал гладиолусы, прихлёбывая неостывающий кофе из большой голубой чашки.
Затем глубоко вздохнул и направился к развесистому клёну в южном углу сада. Ну как — южному… Сенатор решил считать его южным. Старый клён был в саду на особом положении — ему единственному не было предписано, как расти, куда пускать свои ветви и где вспучивать землю мощными корнями. На Земле клён было строго запрещено трогать садовникам, да и тут, хотя сад выглядел сообразно желаниям Марулла без всяких садовников, — клён был предоставлен сам себе и рос как хотел. Может быть, именно поэтому, сенатора тянуло чаще всего именно сюда, в его развесистую тень?

Сенатор прислонился спиной к тёплому от солнца шершавому стволу и задумчиво тянул кофе, размышляя, что делать и как жить — ну, в смысле — существовать, дальше. Он поймал себя на мысли, что думы о покинутой Земле посещают его всё реже. Чего уж там, если честно, то и вообще не посещают. Как-то прочно и, кажется, насовсем в нём утвердилось осознание того, насколько неважными, пустыми и смешными были в сущности вещи, ради которых он жил, боролся, переживал… Беспокойства за родных отчего-то тоже не было. Может быть, просто потому, что теперь стало ясно, что концом их пути станет то же, что и с ним теперь? Так зачем за них переживать? А зачем вообще это всё было? Зачем эти пятьдесят шесть лет мучений, соблазнов, сражений, болезней, переживаний, если финал будет вот таким? Почему бы Творцу было сразу не создать его прямо тут? Кстати… о Творце… Сенатор вдруг сообразил, что пообщавшись с Люцифером, он до сих пор не встречался,

собственно, с Создателем. И никаких попыток увидеться с сенатором со стороны Бога тоже пока не наблюдалось. Хм…
Сенатор задумчиво пожевал губами. Собственно, кто может ответить на его вопросы лучше Бога? Как он сразу не сообразил. Только вот как с Ним связаться? Вспомнив о своём всемогуществе, сенатор уже почти что принял решение просто пожелать встречу с Создателем, но в последний момент что-то остановило его. — Хмм, — сказал он сам себе. Если Творцу по каким-то причинам пока было недосуг общаться со мной, вероятно у Него на это есть основания… Спрошу у Лиона, — решил он, отгоняя назойливую мысль, что желанию встречи с Творцом помешало странноватое ощущение уж очень смахивающее на боязнь. Кстати… Лион!.. Я же обещал ему перезвонить, — подавив в себе невольную радость от того, что можно переключиться с некомфортных мыслей на дружескую беседу, он поднёс к уху трубку радиотелефона — некий компромиссный вариант, на который он скрепя сердце уговорил сам себя, — и в трубке сразу же загудел добродушный басок Лиона:
- Друууг мой, я невероятно рад Вас слышать. Вы не забыли обо мне и это наполняет меня искренней радостью!
- Да, Лион, я… Я тоже очень рад, — сдержанно сказал сенатор, с удивлением отмечая и в себе некий всплеск радости.
- Так вот, я навещу Вас сегодня вечером с другом. Замечательная личность, поверьте старику! Довольно давно тут находится, похоже, уже нашёл себя в полной мере. Разгадал, так сказать, смысл жизни, взял его за рога и наслаждается процессом.
- Очень интересно, — протянул сенатор. — Похоже, Вы говорите о философе, мечтателе, и, кажется, практике. Не сомневаюсь, что это очень приятная личность!
- Отвратительная! — тут же ответил Леон. — Нахал, бездельник и самодур. В общем, он вам однозначно понравится! — закончил он, и, не дав задохнувшемуся от возмущения сенатору вставить ни слова, оборвал разговор. — До вечера, мой дорогой, до вечера!... И в трубке послышались гудки отбоя.
- Вообще-то, уважаемый Лион, я ещё не счёл разговор оконченным, — раздражённо проговорил Марулл, глядя на гудящую трубку. — Вот тебе и всемогущество! Каждый первый творит что хочет, а ты — терпи!
Впрочем, вспомнив, что и он сам может творить что хочет, сенатор слегка успокоился. Кроме того, он сообразил, что при первом телефонном разговоре именно он бросил трубку, не дослушав Леона и тот, кажется, вовсе не был обиженным. Впрочем, не потому ли он поступил с сенатором также в этот раз? Марулл вновь подозрительно уставился на телефон, а затем со вздохом опустил его в карман халата и от души приложился к чашке.

Делать было совершенно нечего. И зачем только сенатор назначил встречу на вечер? Опять ходить по саду, выравнивать дорожки или делать бессмысленные фокусы, проверяя свои способности? Убедившись, что может создать себе абсолютно всё, что только можно представить, оказаться в любом месте, которое можно пожелать, ему на удивление быстро это наскучило, и главным развлечением стало вечернее общение с новым другом. Но вот беда, чем теперь заниматься до вечера?
Сенатор поглядел на часы. Четверть девятого утра… Вот ведь незадача. У него накопилось столько вопросов, да и новым гостем, что ни говори, Лион его заинтриговал.
Может предложить Лиону прийти пораньше? А вдруг у него дела? А вдруг дела у его друга?
Сенатор поморщился, вспомнив, что это по сути не имеет никакого значения, и ход времени на земной манер он организовал себе сам. А местные старожилы каким-то образом прекрасно обходятся без счёта часов и минут, и удивительным образом умудряются повсюду появляться когда нужно и успевать всё, что хочется.
А какого чёрта, собственно? — сказал себе сенатор решительно. Он щёлкнул пальцами, и, на мгновение задумавшись, устремил взгляд на появившийся перед ним на садовом столе смокинг. Идти в спальню, снимать халат и облачаться в вечернюю одежду решительно не хотелось и сенатор, вновь на всякий случай оглянувшись, щёлкнул пальцами ещё раз. Через мгновение, поправив бабочку, и оглядев себя с головы до ног в появившемся перед ним зеркале, Марулл уселся на садовую скамейку и, прикрыв глаза, проговорил: А теперь… Теперь да будет вечер!

И стал вечер.

…

Были сумерки, и в свете почти зашедшего солнца сенатор увидел, как в конце сада открылась калитка и две неясных фигуры, войдя, направились к сенатору. Впрочем, оказалось достаточным лишь мимолётного пожелания, чтобы сенатор смог прекрасно разглядеть обоих вошедших. Пухлого невысокого Лиона сложно было не узнать и без этого, а вот на его спутнике сенатор остановил свой взгляд более пристально, пользуясь секундами, пока оба гостя продвигались к нему, неспешно шагая по идеально ровной дорожке. Оба были одеты в строгие костюмы, на шее Лиона красовалась чёрная бабочка с небольшим алмазом посередине, а его спутник — высокий, прекрасно сложенный, с загорелым лицом, казался ещё выше из-за надетого на голову громоздкого цилиндра, в котором его силуэт напомнил Маруллу Авраама

Линкольна с классических американских изображений. Издалека, из-за гибкой походки и стремительности движений ему показалось, что спутник Лиона очень молод, однако, когда тот подошёл ближе и Марулл смог разглядеть лицо, он увидел, что тому на вид ему не менее сорока, а скорее около пятидесяти лет. В руке он держал трость, на которую, впрочем, не опирался, а указывал ею Лиону то на клумбу гладиолусов, то на грядку земляники, говоря ему что-то вполголоса.

Сенатор с удовольствием отметил, что и Лион сегодня снизошёл до того, чтобы одеться подобным образом, зная, как сенатор чтит правила традиционного этикета. Марулл уже несколько раз намекал другу, приходящему на встречи то в простых черных брюках и рубашке, а то и вовсе в джинсах и свитере, что строгий костюм или смокинг демонстрируют по его мнению уважение к собеседнику. Лион обычно только посмеивался, однако сегодня не только облачился в костюм сам, но и, очевидно, попросил об этом своего спутника.

Гости приблизились и сенатор, встав, направился им навстречу.

- Добрый вечер, господа, — негромко произнёс он, протягивая руку Лиону.

- Друг мой, здравствуйте, — с теплотой и явной радостью ответил тот, широко улыбаясь и, ответив на рукопожатие, сдавил другой рукой плечо сенатора. На объятия он, секунду поколебавшись, не решился, видимо, увидев торжественно-официальное выражение лица Марулла, — знакомьтесь, — это мой друг, о котором я Вам говорил, — граф д`Эглиз.

- Очень рад, сенатор Марулл — сказал сенатор, высвобождаясь от рукопожатия Лиона и стараясь придать своему лицу выражение сдержанного радушия, достоинства и лёгкой снисходительности. Впрочем, заряд хлопнул вхолостую, так как собеседник лишь мельком взглянул на Марулла, сунул ему крепкую ладонь и продолжил оглядывать сад.

- д`Эглиз. — представился он просто, — Слушайте, а что это у вас за хрень посреди сада?

- Вы о клёне?- удивлённо поднял брови сенатор.

- Да, это дерево. Клён, значит? Хм…

- Чем оно Вас заинтересовало, — спросил сенатор, слегка напрягшись.

- Ну как же… д`Эглиз приблизился к дереву и, задрав голову, с интересом стал его осматривать, — у Вас тут всё такое правильное, ровненькое, прям тошнит, — а дерево — корявое и несимметричное. Неаккуратненько! — заключил он после небольшой паузы и, переглянувшись с Лионом внезапно громко рассмеялся. Лион тоже улыбнулся, видимо какой-то, лишь им обоим понятной шутке.

Сенатора, само собой, покоробило бесцеремонное начало разговора, он недовольно засопел, однако решил не позволить раздражению счесть его негостеприимным и

протянув руку в направлении трёх плетёных кресел, стоящих вокруг небольшого столика, сказал: — Присаживайтесь, господа, Лион, друг мой, спасибо, что нашли… ммм… время для визита, граф д`Эглиз, чувствуйте себя как дома, очень рад знакомству! Лион рассказывал о вас лишь хорошее, хоть и немного.

- Хорошее? Обо мне? Лион? — я себе представляю, — засмеялся д`Эглиз, пружинисто садясь в одно из кресел и закидывая длинную ногу за ногу, — интересно…- Он бросил взгляд на Лиона и на мгновение, казалось, задумался. — Нахал, бездельник и самодур! — процитировал он. — Что ж, лестная рекомендация, спасибо, дружище, — и он вновь заразительно засмеялся. — Впрочем, нельзя не отметить — весьма точная. Так и есть! Нахал, самодур — это определённо мои главные достоинства, ну и бездельник — само собой, тоже, как, впрочем, и все остальные здесь находящиеся.

- Я смотрю, — сказал сенатор, степенно опускаясь в соседнее кресло, — читать мысли друг друга между вами моветоном не считается?

— Ха! Об чём вы говорите! Конечно, не считается, — весело ответил д`Эглиз, — так гораздо проще общаться, поверьте!

- Я уже пытался убедить в этом нашего дорогого Марулла, — вступил в разговор Лион, в свою очередь садясь в кресло и раскуривая взявшуюся из воздуха трубку. По саду поплыл сладковатый запах табака смешанного с кусочками сухого чернослива — любимой смеси Лиона. — Но он пока ещё в тисках мирских предубеждений.

- Не предубеждений, — возразил сенатор, — а элементарных правил вежливости и порядочности!

- Было очень вежливо и порядочно с вашей стороны, дружище, — ухмыльнулся д`Эглиз, — только что втирать мне, что этот пройдоха Лион говорил обо мне что-то хорошее!

Сенатор слегка покраснел… А ведь верно, — пронеслась у него мысль, — я слукавил просто по привычке, ради соблюдения каких-то правил вежливости, а по сути просто соврал, и тут это моментально раскрывается. Хм… Надо быть осторожнее…

- Не осторожнее, а просто наплевать на все условности и на то, что там кто про Вас подумает, — я так считаю, — сказал д`Эглиз, мановением руки превративший свой садовый стул в кресло качалку и немедленно начавший раскачиваться взад-вперёд.

- Мои мысли попрошу не читать!, — взвился Марулл, — я в состоянии сам решить, какую информацию я желаю дать моим собеседникам, а какую — нет!

- Дружище, да какие проблемы? Закройтесь, да и всё. Вы тут устанете объяснять всем и каждому, какая Вы мимоза.

- Я попрошу вас воздержаться от подобных эпитетов, — проговорил сенатор, чувствуя, что вновь начинает раздражаться, — мы не настолько близко знакомы, чтобы Ваше обращение “дружище” или уж тем более “мимоза”...

- О, Боже, — простонал д`Эглиз, бессильно обвиснув в кресле, и устремляя глаза в небо, — Марулл, какой Вы зануда! Лион, как вы ещё не окочурились с ним от тоски? Мы общаемся всего пару минут и уже чувствую, что заражаюсь вирусом добропорядочности. Тут работать и работать.
- Ну, знаете! — Марулл приподнялся в кресле, гневно глядя на д`Эглиза. — Вы, сударь… Вы…
- Хам и самодур, — Вам же Лион уже сообщил.
- Вот именно! — возмущённо проговорил сенатор!
- За это его и любим, — посмеиваясь отозвался со своего кресла Лион.
- Марулл, — вдруг посерьёзнев сказал д`Эглиз, и, уперев локти в колени, устремил доброжелательный взгляд на сенатора, — не сердитесь, прошу Вас. Я думаю, Вы очень скоро придёте к осознанию того, что тут каждый может быть таким каким хочет, совершенно не опасаясь молвы, мнения окружающих, последствий и тому подобных условностей, — Вы мне весьма симпатичны, хотя и внушаете безусловную… хм… жалость Вашей зажатостью. Думаю, мы подружимся! Примите первый совет как от Вашего нового друга, — и д`Эглиз чуть пододвинув кресло к Маруллу, положил руку ему на плечо, — будьте таким какой Вы есть и плевать на то, что про вас подумают. Вам теперь абсолютно нечего терять, дружище!
- Что ж, извольте, — сенатор совершенно неожиданно для самого себя решил принять вызов, — должен признаться, Вы мне тоже отчего-то симпатичны. Как это не удивительно, учитывая ваши манеры. Однако я уже почти готов вышвырнуть Вас отсюда за Ваше панибратство и не удивлюсь, если Вас регулярно исключают из разных приличных компаний!
- Ну вот! Вот! — д`Эглиз явно обрадовался откровенности сенатора, — согласитесь, что говорить то, что думаешь несказанно лучше, чем занудствовать! — Он откинулся на спинку кресла и проговорил: — Что-то тут становится темновато, вы не находите, друзья?
В саду и впрямь окончательно стемнело и были видны лишь силуэты сидящих в креслах собеседников.
- Я открыл хороший способ, — решил похвастаться Марулл, — достаточно лишь пожелать видеть в темноте и вы…
- Способов куча, — прервал его д`Эглиз, — и вы, старина, разумеется, выбрали самый скучный из них, — подумайте, умоляю, как можно решить этот вопрос поинтереснее!
Сенатор принял твёрдое решение не обижаться, тем более, ему весьма понравилось следовать совету д`Эглиза и говорить то, что лежит на сердце, а не пропускать всё через фильтры того, как что воспримут, какое мнение о нём сложится, какие последствия для статуса это повлечёт и так далее. Марулл прислушивался к этому

незнакомому или, скорее, давно забытому ощущению детской непосредственности, искренности. Граф, казалось, за минуту смог поколебать в сенаторе то, что годами сковывало, связывало и заставляло его быть вовсе не тем, кем ему хотелось. Марулл прямо высказал графу то, что он думает, и вместо натянутости между ними напротив возникло что-то тёплое, доброе, дружеское… Поразительно, — подумал сенатор. Почему я не попробовал этого раньше?...

- Сенатор, Вы с нами? — с лёгким беспокойством спросил Лион.

- Да, простите, я немного задумался, — ответил сенатор. Он слегка потряс головой, — что ж, — сказал он, — вы просите избрать менее скучный способ разогнать темноту? Извольте!

Он на секунду закрыл глаза, замер… И сквозь сомкнутые веки увидел, что вокруг стало гораздо светлее. Он открыл глаза и улыбнулся… Да, точно так как он хотел! Сад наполнили медленно порхающие, похожие на медуз, огоньки. Он видел подобных в каком-то фантастическом фильме, — и теперь решил осветить сад таким образом, — розовые, сиреневые, белые и ярко-зелёные, они кружились в чарующем танце, пролетая меж ветвей клёна, между засыпающими гладиолусами и переливались разными оттенками, однако сад при этом непостижимым образом оставался освещён ровным розоватым светом.

- Красота, — одобрительно прищёлкнул языком д`Эглиз, — Марулл, да Вы — романтик

- Я говорил, — с улыбкой сказал Лион, — в этом ржавом сундуке запрятано много сокровищ, граф!

- Хм… — хмыкнул сенатор… — Слова собеседников были ему приятны, несмотря на сомнительную комплиментарность в метафоре Лиона. — Этот сундук и сам не такой уж и ржавый, — сказал он. На себя посмотрите, господа, — добавил он неожиданно для самого себя.

- Да, мы ужасны, — самокритично признал д`Эглиз, любуясь полётом светлячков у себя над головой, — а особенно этот дурацкий маскарад, в который нас втиснул гостеприимный Марулл. — Лион, дружище, я больше не выдержу, — он хлопнул в ладоши и моментально оказался в потёртых джинсах, красной клетчатой рубахе и ковбойской шляпе. — Уффф, — выдохнул он и с явным удовольствием потянулся в кресле. — Неужели Вам доставляет удовольствие запихивать себя в эту консервную банку, Марулл?

Сенатор уже хотел по привычке холодно возразить, сказав что-то вроде того, что существуют правила приличия и уважения к хозяину дома, который имеет право выражать пожелания о дресс — коде на своём приёме, однако заставил себя промолчать и, сделав глубокий вдох, решил опробовать свою новообретённую

способность и сказать то, что думает на самом деле... А что он собственно думает на самом деле? Марулл с удивлением осознал, что он и вправду никогда и не задавал себе этот вопрос — а нравится ли ему носить смокинг? Это настолько его поразило, что он зажмурился и медленно проговорил: погодите, граф, прошу Вас… Я сейчас попытаюсь сказать Вам правду…

В саду повисла неожиданная тишина. Лион внимательно смотрел на сенатора исподлобья, д`Эглиз сидел совершенно неподвижно…

- Нет… — наконец нерешительно проговорил сенатор… Нет… Чёрт возьми, мне не нравится носить смокинг! И видят небеса, — продолжил он всё более крепнущим голосом, — я его, по правде, вообще, ненавижу не меньше Вас, граф…

Сенатор замолк и тишина, казалось, стала осязаемой. Он почти ощущал кожей, что происходит что-то чрезвычайно важное, и его собеседники тоже этим прониклись и почтительно отдают дань этой тишине, не оскорбляя важность момента ни малейшим звуком.

- Браво, — наконец проговорил Лион глухо… — Браво, друг мой… Две недели! Вам понадобилось две недели на то, чего многие не достигают и за годы.

- Что ж, осталось приодеть нашего модника, — раздался весёлый голос д`Эглиза и напряжение моментально спало,

- Ну уж нет, — проговорил сенатор, — я сам!

- Конечно, конечно, сам, — вскинул руки д`Эглиз, — глядя на созданных Вами светлячков я не сомневаюсь, что Вы справитесь!

- Сенатор на мгновение задумался и постарался, углубившись в себя понять, во что он на самом деле хочет быть одет. Это оказалось не так просто, — Марулл настолько привык думать, какое впечатление должен произвести, а не о том, чего в действительности хочет, что у него не сразу получилось на этом сосредоточиться. Ощущение было непривычным, невероятным, — он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО может одеться так, как ему удобно и приятно! И никто не будет вправе его осудить, сделать какие-то выводы о нём, а если и сделает, сенатор вправе не обращать на это никакого внимание. Это ощущение свободы было столь опьяняющим, что сенатора захлестнула волна необъяснимой радости. Свобода! — думал он, — Боже мой! Какой потрясающий вкус у свободы! И я, кажется, начинаю понимать, что это вообще такое!

Я хочу… Я хочу… Да… Кажется, так… Именно так…

- Ну вот, раздался над его ухом голос д`Эглиза, — стал типа человек. Браво ещё раз! За это надо выпить!

Марулл открыл глаза и оглядел себя. Поношенная, потёртая рубаха в клетку, простые хлопковые штаны и… Да! Подтяжки! — Боже, как я люблю подтяжки, — прошептал сенатор, слегка оттянув их большими пальцами и со щелчком отпустив. Вот так!

Свободно и легко!
И он улыбнулся.

…

После довольно продолжительной паузы, во время который каждый из троих собеседников пребывал в своих мыслях, д`Эглиз наконец прервал молчание, встал с кресла, громко, с хрустом потянулся и сказал: — Ну что ж, господа, давайте немного пройдёмся, у меня уже ноги затекли.
У Марулла ничего не затекло, напротив, он ощущал необыкновенный уют и с радостью провёл бы в кресле хоть весь вечер, однако ему не хотелось портить гармонию, напротив, он обнаружил в себе искреннее желание сделать д`Эглизу приятное и он с готовностью поднялся с кресла.
- Ах, граф, — с деланным страданием в голосе простонал Лион, — вот ведь непоседливый человек. Так хорошо сидели… Беседовали…
- Спокойствие, Лион, — беседовать мы можем и дальше, — давайте, дружище, давайте, поднимайтесь, растрясёте немного ваш драгоценный жирок, — от вас не убудет. Не принуждайте меня заставить кресло исчезнуть из-под Вас как в прошлый раз!
- О, нет, Вы себе этого больше не позволите, — возразил ему Лион с наигранным гневом…
- Да, не позволю, — с сожалением вздохнул д`Эглиз, — Вы, негодник, чересчур злоупотребляете Вашим всемогуществом. — Но прошу Вас по дружбе, давайте прогуляемся по этому чудесному саду или, знаете что? Давайте сыграем партию в дартс!
- В дартс? — удивился сенатор.
- Ну да. В дартс. Такая игра, — нужно кидать дротики в круглую мишень и…
- Разумеется, я знаю, что такое дартс! — Я — англичанин, — чопорно проговорил сенатор, — только вот у меня… Сенатор чуть не брякнул “у меня нет дартса”, — но вовремя сообразил, что скажет глупость и попытался более осмысленно закончить фразу, — у меня… ммм… давно не было практики. Вышло не сильно лучше, но собеседники, похоже, вежливо не заметили неуклюжести слов сенатора.
- Что ж, позвольте, — д`Эглиз взмахнул рукой, перед друзьями появилась большая круглая мишень и электронное табло рядом, на котором зажглись строки с цифрами — три раза по 501. — Нужно указать имена игроков, — сказал граф и рядом с каждой строкой возникли имена.
- Мастер, Лентяй и Зануда, — прочитал Марулл. Очень вежливо! — пробормотал он,

чувствуя, однако, что его губы растягиваются в улыбке. — Вам не кажется, друг мой — обратился он к Лиону — что нужно слегка подправить имена?
- Несомненно надо подправить, — приблизился к ним Лион, — а то, помилуйте, какой же я Мастер? Он прищурился и надписи сменились на: Хвастун, Философ и Новичок.
- Вот так будет лучше, — сказал он, — а главное, сразу понятно, кто есть кто.
- Что ж, я, похоже, Новичок, — это справедливо, — сказал сенатор, — изволите начинать, джентльмены?
- Давайте Вы первый, сенатор, — сказал д`Эглиз, — должна же быть у вас хоть какая-то тень надежды на победу. И он передал Маруллу три серебристых дротика. Сенатор взвесил их в руке, — хм… то, что надо. Тяжёленькие, идеально сбалансированные. Что ж… Марулл неплохо играл в дартс при жизни, и пару раз ему даже удавалось закончить раунд пятнадцатью дротиками, что было весьма неплохо для компаний, в которых ему доводилось играть. Марулл прищурился, прицелился в тройную двадцатку и легко размахнувшись пустил дротик. Точно в цель! Сенатор улыбнулся, взвесил в руке второй и запустил в мишень. Дротик опять попал в точности туда, куда Марулл целился… У сенатора всего пару раз в жизни получалось попасть дважды подряд в тройную двадцатку и его начали одолевать некоторые подозрения. Впрочем, третий дротик уже был готов к броску и сенатор, почти не целясь, пустил его в мишень. Тот вонзился рядом с первыми двумя с лёгким щелчком ударив оперением об оперение.
— Нда… — разочарованно протянул д`Эглиз, уперев руки в бока — вот уж не думал, что вы совершенно не умеете играть!
- В каком смысле? — удивился сенатор, — тройная двадцатка, граф! — Не уверен, что многие смогут это повторить…
- Смогут, смогут, — проворчал д`Эглиз, — подходя к мишени и выдёргивая из неё дротики, — сможет каждый первый, господин зануда! Лион, вы что, не научили сенатора играть? У вас было две недели, боже мой, чем вы занимались? Неужели из-за Вашей душеспасительной трепотни у вас не хватило времени ни на что толковое?
- Да, каюсь, мы ещё не дошли до игр, — сокрушённо проговорил Лион и взял сенатора за плечо, — однако это дело поправимое, д`Эглиз, уверяю Вас, мы сегодня же составим вам достойную партию! — и обратившись к ничего не понимающему сенатору он со своей неизменной улыбкой сказал, — Марулл, друг мой! Не забывайте, где мы находимся и по каким законам существуем.
- Поясните, Лион, я Вас не понимаю. Но с радостью готов выслушать. Что Вы имеете в виду.
- Друг мой, Вы обладаете абсолютным всемогуществом и Ваши желания имеют

свойство исполняться моментально.
- Да, разумеется. Это я уже понял. И что? — спросил сенатор, начиная, впрочем, догадываться к чему клонит Лион.
- Ну, думаю, вы и сами сможете ответить на вопрос, что произойдёт, если Вы, взяв три дротика, захотите, чтобы они попали точно туда, куда Вам хочется.
- Хм… Ну… Разумеется, они туда и попадут.
- Разумеется, — грустно сказал Лион, пожимая плечами. Вам дано всемогущество без подвоха, дорогой друг. Ваша воля исполняется именно так как вы и в самом деле хотите. Как, впрочем, и наша, — с чуть заметным оттенком печали вздохнул он, заложив руки в карманы.
- Момент, момент, — нахмурился сенатор, попеременно глядя то на Лиона, то на д`Эглиза, — в чём же тогда вообще смысл играть в дартс? Если сталкиваются три всемогущества, мы же все трое можем пожелать всегда попадать точно в цель, верно? Какой же тогда интерес?
- Абсолютно никакого, — сказал д`Эглиз, — честно говоря, я ожидал, что вы это сообразите до того, как столь виртуозно выбьете три тройных двадцатки!
- Так, а как же тогда? — вскричал сенатор. — Получается, Вы меня разыграли? Соревноваться вообще не имеет никакого смысла?
- Имеет, друг мой, имеет, — улыбнулся Лион и, подняв палец, продолжил — если Вы намеренно ограничите своё всемогущество!
- Это как? Что же мне, нарочно бить мимо цели, чтобы игра стала интереснее?
- Нет, дружище, это тоже убило бы всякий интерес, — терпеливо сказал Лион, взяв сенатора под локоть, — специально бить мимо цели — не нужно, да и имеет столько же смысла, сколько и бить всегда точно в цель, — если попадание зависит только от Вашего желания — грош цена такой игре. Чтобы игра получилась интересной, мы все трое должны сознательно уменьшить свои способности.
- А разве это не одно и то же, что и поддаваться? — спросил сенатор.
- Мы очень хотим верить, что нет, — вздохнул Лион.
- Совершенно точно — нет, — подал голос д`Эглиз, — не слушайте этого старого нытика, — смотрите, всё просто, — на время нашей с вами игры мы принимаем решение играть на том уровне, который у нас был при жизни. Полагаю, он у нас примерно равный. Ясно?
- Ну… — пробормотал Марулл, — вроде ясно… Что ж, давайте попытаемся.
— Он вновь взял дротики в руку, выбрал один из них, размахнулся, прицелился и выпустил его в мишень. На этот раз дротик воткнулся на сантиметр выше намеченной цели. Сенатор сосредоточился и искренне попытался как мог хорошо прицелится, при этом сознательно проговорив в мыслях, что хочет пользоваться исключительно

умением, которое у него было на Земле. Второй дротик ушёл ещё выше чем первый.
- Ну, ну, дружище, поддаваться тоже не нужно, — услышал он насмешливый голос д`Эглиза над ухом, — или Вы и впрямь так отвратительно играете?
В сенаторе заиграла гордыня, однако он подавил в себе низменное желание всё же воспользоваться читингом при третьем броске и вновь бросил дротик исключительно с отпущенным ему дарованием и приобретенным при жизни умением. Третий дротик вошёл существенно ниже цели, однако тоже попал в двадцатку, хоть и не в тройную.
- Три по двадцать, — не так уж плохо, — проговорил Лион, похлопывая сенатора по плечу.
- Так-с, ну давайте-ка я, — с азартом сказал д`Эглиз, расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки. Добавим немного света! — Светлячки вокруг мишени замерцали чуть ярче, и д`Эглиз, прищурившись замахнулся дротиком.
- Постойте-ка, — сказал сенатор, — простите, друг мой, д`Эглиз, я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей порядочности, но… так сказать для общего развития и понимания правил, по которым нам тут приходится жить, — как я могу быть уверен, что…
- Что я играю честно? — перебил его д`Эглиз, не переставая целиться — это очень просто, дружище! Ради этого вопроса не стоило сбивать мне так хорошо взятый прицел, — и он выпустил дротик, со свистом вонзившийся в поле с цифрой “18”. Ну вот, — огорчённо сказал он. — Господа, не болтайте под руку! Или это ваша тактика, Марулл? Если так, то я на вас обижусь.
- Нет, нет, что Вы, ни в коей мере! — поспешил оправдаться сенатор, слишком поздно сообразив, что д`Эглиз явно говорит не всерьёз. — Цельтесь на здоровье, я буду нем как рыба, обещаю Вам.
- Ну вот ещё, — ворчливо сказал Лион, — учитесь, граф, целиться под давлением, — а я пока объясню сенатору главное правило, по которому мы тут, собственно, существуем. Это не займёт много времени, так как мы его уже не раз с Вами упоминали.
- Свобода воли? — спросил сенатор.
- Совершенно верно, свобода воли каждого из нас, — торжественно провозгласил Лион, поглядывая на д`Эглиза, целившегося вторым дротиком. Иначе говоря наше всемогущество абсолютно и безгранично до тех пор, пока не вступает в конфликт с волей другого человека. Вы не можете предпринять по отношению к нему ничего, чего он не хотел бы. — Иначе говоря, если Вы хотите кого-то обмануть, а тот этого не желает, то у Вас это не выйдет.
- Интересно, — протянул сенатор, — а если я захочу, скажем, стукнуть кого-нибудь по голове?
- То у вас это получится исключительно, если этот самый другой не будет возражать. А

если он захочет, то может навсегда оградить себя от общения с Вами. И Вы не сможете абсолютно ничего с этим сделать, — развёл руками Лион. — Впрочем и Вы сами имеете всю власть не позволить никому сделать против Вашей воли что-либо по отношению к Вам!

Вот Вы, например, хотите, чтобы д`Эглиз играл с Вами честно?

- Конечно, — сказал сенатор, — и я его обыграю абсолютно честно! Иначе какой интерес?

- Ну это ещё бабушка надвое сказала, — сказал д`Эглиз и всадил дротик в тройную двадцатку? Видали, сенатор? Это Вам не мелочь по карманам тырить?

- Что? — удивился Марулл

- Не обращайте внимания, — засмеялся д`Эглиз, — это такая присказка из одного старого азиатского фильма.

- Ну так вот, — продолжил Лион, — при всём своём всемогуществе д`Эглиз не может пожелать обмануть Вас. Вернее, пожелать-то он может, но так как это влияние напрямую на вас, то Вы можете его заблокировать. И сразу узнаете, если граф обманывает и использует читинг.

- Хм… Нда… Немного радости в таком всемогуществе, — протянул сенатор, призадумавшись.

- Ага, вы, кажется, начинаете понимать, как нас развели, дружище, — весело проговорил д`Эглиз, целясь третьим дротиком, — ценность всемогущества существенно падает с ростом количества обладающих им дураков вокруг вас, не так ли? Если все вокруг всемогущи — получается, никто не всемогущ, а, сенатор?

Мысль сенатору совершенно не понравилась, и он помрачнел…

- Какое-то фальшивое всемогущество, — сказал он через пару секунд, тряхнув головой, — неполноценное!

- Ну, как сказать, — улыбнулся Лион, подходя к мишени и вытаскивая дротики, — полагаю, оно точно такое же, какое и у самого Бога.

— Эта мысль показалась сенатору очень важной, кроме того он вспомнил, что как раз и собирался спросить у Лиона насчёт Бога.

- Поясните, Лион, — попросил он, подходя к другу поближе.

- Извольте, — философ встал на линию перед мишенью, долго смотрел на неё, а потом внезапно выпустил все три дротика один за другим, почти без паузы. Двадцать, двадцать, шестьдесят!

- Ого! — сказал сенатор, невольно приподняв брови.

- Так вот, — продолжил Лион, подходя к мишени и вновь вытаскивая дротики, чтобы передать их сенатору, — абсолютно всемогущий Бог оградил своё всемогущество волей человека на земле. И не может заставить человека сделать ничего, что человек

ему не позволяет. Это же основа христианской веры, Марулл, вы что, не читали Священное Писание?
- Ну как…- смутился сенатор, — что-то читал, конечно… Евангелие… Псалтирь.
- Ну так там эта мысль вполне чётко прослеживается, друг мой. Если представить себе, что вся ерунда творится на Земле по воле Творца, и Он в состоянии моментально всё исправить, но не делает этого, — большой вопрос, захочется ли верить в такого странного Бога, столь жестокого к своим творениям…
- Так и почему же происходит эта самая “ерунда”? — спросил сенатор, беря дротики из руки Лиона.
- Видите ли, друг мой… — начал Лион, но его прервал весёлый голос д`Эглиза, подошедшего к философу сзади и приобнявшего за плечи — Сенатор, прежде чем наш дорогой Лион закатит вам лекцию на полчаса, из которой Вы всё равно ничего не поймёте — слушайте историю:
- Приходят люди к Богу и говорят: Господи, отчего всё так ужасно? Отчего в мире войны, убийства, насилие?
Бог удивлённо говорит: А вам что, это всё не нравится?
- Ну конечно нет, Господи!
- Ну так не делайте этого!
И д`Эглиз громко расхохотался. Лион тоже улыбнулся, однако сквозь эту улыбку сенатор вновь уловил грусть: Что ж, сенатор, приходится признать, что эта притча частично передаёт суть…
Великий Бог творит небо, землю, всё на земле, а затем — человека, по образу и подобию своему. Человека, способного вместить невместимое, объять необъятное…
По образу и подобию… — повторил Лион задумчиво. И дальше — Бог даёт человеку свободу — выбрать жизнь с Богом, в послушании и благословении, либо — жить, самостоятельно решая, что хорошо, а что — плохо.
— Это вы откуда знаете, Лион? — спросил сенатор. Диалог настолько захватил его, что он забыл о зажатых в кулаке дротиках и взволнованно продолжил: это Вы узнали тут?
- Ну что Вы, друг мой, — протянул Лион, — это всё написано в первой же главе Библии, — Бог посадил в райском саду дерево познания добра и зла, но запретил человеку есть с этого дерева.
- Ага, запретил, значит? — воскликнул Д´Эглиз, отошедший к небольшой розовой клумбе в середине сада и с неудовольствием оглядывая идеально симметричный розовый куст — то бишь, всемогуществом-то, выходит, воспользовался по полной? И указал человеку на его место!
- Запретил, но дерево-то посадил, — веско сказал Лион. Дерево оставил в зоне

досягаемости и никак и ничем не оградил. То есть, у человека был свободный выбор — есть с этого дерева или нет. В этом и есть глубочайший смысл, — Бог знал, как для человека будет лучше. Он не скрывал этого от человека, предостерёг его… Но выбор пойти другой дорогой ему был дан с самого начала. Выбор честный, без подвоха. Когда человек этот выбор сделал, Бог не стал пользоваться всемогуществом, чтобы вернуть его. Он бесконечно уважает наш выбор, сенатор.

- Хм… я готов с вами согласиться, что данное нам всемогущество примерно такое же, — задумчиво сказал сенатор.

- Да, Марулл, Вы можете делать абсолютно всё, что Вам вздумается, однако не можете принудить другого даже в малости.

- Но ведь Бог-то может? — возразил сенатор. Он же может создать обстоятельства, которые иначе как принуждением не назовешь?

- Ой ли? — прищурился Лион, — видите ли…

- Это всё очень хорошо, господа, раздался из глубины сада голос д`Эглиза — вас дико интересно слушать и всё такое, но позвольте напомнить, что мы играем. Или вы сдаётесь, команда зануд?

Сенатор вздохнул и подошёл к линии для броска.

ГЛАВА 3. О РОСИНАНТЕ И БУЦЕФАЛЕ

Марулл стоял перед зеркалом в ванной комнате и чистил зубы, периодически поглядывая на большие часы, стоящие на полке. Ровно через две с половиной минуты он закончил, прополоскал рот и вытер его белым вафельным полотенцем.

Сенатор упрямо продолжал поддерживать иллюзию прежней жизни хотя бы даже и исключительно распорядком дня. Он продолжал считать часы, заставлял себя спать, просыпался в определённое время по будильнику, брился и чистил зубы, прежде чем выпить кофе и войти в новый день. Говоря откровенно, он периодически нарушал собственные правила, заставляя время то идти быстрее, то напротив, замедляя его бег.

Вчерашний вечер, к примеру, сенатор существенно удлинил, так как искренне наслаждался общением с Лионом и новообретённым другом, графом д`Эглизом. Никаких срочных дел у Марулла теперь, само собой, не было, его не подгоняли никакие обязанности, срочные дела, физиологические потребности, так отчего не сделать вечер немного продолжительнее?

Сенатор хмыкнул, чувствуя, что находится на грани проигрыша десяти долларов. Именно на эту сумму д`Эглиз вчера заключил с ним пари, о том, что не пройдёт и

месяца, как сенатор оставит “эту фигню” и будет жить без всякого времени “как все нормальные люди”.
- Ну уж нет, д`Эглиз, — упрямо сказал сенатор и погрозил пальцем своему отражению в зеркале, — порядок должен быть! Иначе мы тут совсем погрязнем в хаосе.
Сенатор щёлкнул выключателем, гася свет в ванной и прошёл в кухню, чтобы сварить себе кофе и обдумать планы на сегодня. Первые дни своего пребывания здесь, он подумывал о том, чтобы завести прислугу, какую-нибудь леди средних лет, которая бы вставала за час до него, варила кофе и готовила ему завтрак, но что-то удерживало его от того, чтобы сотворить живого человека. Теперь же сенатора коробило от самой мысли — создать служанку для разыгрывания спектакля, когда он может сотворить и кофе и завтрак мановением руки. Да даже и вовсе без мановения. Вовсе отказываться от условностей сенатор, однако, был не намерен, а вернее — пока не готов. Он прополоскал джезву, которую не помыл вчера, наполнил её водой из крана, насыпал кофе из пакета и поставил на огонь. Взгляд его упал на холодильник, где магнитиком с изображением Тауэра — точно таком как в его лондонском доме — были прикреплены две картонные полоски.
Сенатор хлопнул себя по лбу! Как же он мог забыть о подарке д`Эглиза! Вопрос с планами на сегодня моментально прояснился. Он должен заехать за д`Эглизом и они вместе поедут на футбол!
Что за футбол может быть в месте, где Марулл находился, сенатор представления не имел, однако он намедни обещал д`Эглизу не пользоваться возможностью всезнания и не лишать его удовольствия самому всё ему рассказать по дороге на стадион.
Будучи с детства поклонником “Арсенала”, сенатор в молодости совершил страшный грех, перейдя в стан болельщиков “Челси”, исключительно из-за того, что не пристало британскому сенатору болеть за грубых и шумных “Канониров”. Это предательство мучило сенатора всю жизнь и, попади он сейчас назад, в Лондон, со своими новыми знаниями и обретённой свободой от условностей и людских мнений, он бы без раздумий сорвал синюю футболку с фамилией ненавистного Лэмпарда, носимую им последние годы при посещении “Стэмфорд Бридж”, и с гордостью надел бы трико Бергкампа, Анри или Иена Райта и вернулся бы в родные пенаты “Хайбери”.
Сенатор обожал футбол, гул стадиона, толпы болельщиков, таинство, происходящее на поле, и потому весьма опасался разочарования от сегодняшнего дня. Что за радость смотреть футбол, где играют всемогущие игроки? Кстати, кто вообще играет? д`Эглиз лишь напустил туману, заявив “вам понравится, дружище, не сомневайтесь, не будь я граф д`Эглиз! Впрочем, если откровенно, я на самом-то деле не граф и вовсе не д`Эглиз, но вы всё равно не сомневайтесь!”.
Сенатор повертел в руках подаренные д`Эглизом билеты, на которых был нарисован

красиво переливающийся футбольный мяч, но не было никакой информации, что обычно стоит на билетах. Весь текст д`Эглиз с билетов убрал, заявив, что иначе не будет сюрприза, а он хочет полюбоваться на лицо сенатора, когда тот окажется на стадионе и увидит, кто же будет участвовать в игре.

Марулл бросил ещё один взгляд на часы и отправился собираться, с лёгким раздражением вспомнив вчерашний насмешливый ответ д`Эглиза на вопрос, во сколько и куда за ним заехать,

- Дружище, Вы всё время забываете, где мы находимся и какими способностями обладаем, — сказал он тогда, покровительственно похлопав сенатора по плечу. — Вы заезжаете ко мне, когда захотите, а я приму вас, когда захочу я. И это чудесным образом получится совершенно одновременно!

Сенатор, однако, упёрся и настоял на том, чтобы договориться о точном времени и д`Эглизу пришлось, пожав плечами, уступить. — Ладно, сенатор, пусть будет шесть вечера! Что ни сделаешь для друга. Всё равно у меня будет шесть вечера, когда я сам захочу.

То, что вчера сенатор записал себе в маленькие победы, сегодня показалось ему явной глупостью и он мрачно посмотрел на будильник, показывающий восемь утра.

- Ну и что теперь делать до вечера? — спросил он сам себя. Досадливо крякнув, он залпом выпил кофе, снял с холодильника два билета и сунул в карман брюк. Затем вздохнул, на секунду прикрыл глаза и, глянув на часы, на которых было без пяти минут пять, сказал сам себе: Ну, пора!

Марулл вышел из дома и подошёл к гаражу, в котором стоял его пятилетний “Вольво XC30”. Он и здесь упрямился и чуть серьёзно не поссорился с д`Эглизом, который вчера вечером, сгибаясь от хохота, обсуждал с Лионом его автомобиль. Чуткий Лион смеяться, разумеется, не стал, напротив, укорил графа, напомнив, что сенатор находится здесь совсем недавно, а привычные, земные вещи помогают легче привыкнуть к новым реалиям.

- Пройдёт совсем немного времени и наш сенатор будет ездить на нормальной машине, д`Эглиз, — сказал он, вогнав сенатора в ещё большую краску сочувствующим тоном, которым он произнёс эти слова.

- Это и есть нормальная машина! — отчеканил сенатор, — я вполне в состоянии создать другую, но выбрал эту, потому что она мне нравится! Уж поверьте, граф, я и на Земле мог себе позволить любую машину, и раз у меня в гараже эта — на то есть свои причины!

- Ну, да, ну да, дружище, — весело отвечал д`Эглиз, — не бейте только. Надеюсь, Вы не собираетесь заезжать за мной завтра на этом позорище?

- Собираюсь именно на нём, — возразил сенатор, — это прекрасный автомобиль, и

если Вас что-то не устраивает, Вы можете себе выбрать иного спутника на завтрашний матч.
- Что вы, что вы, сенатор, — иного спутника я на матч не хочу, — замахал руками д`Эглиз, — Лион на футболе будет, как обычно, засыпать, а больше кандидатов у меня и нет...
- Да, это и впрямь необъяснимый факт, — едко сказал сенатор, — в общем, граф, тем более, Вам придётся ехать на этом автомобиле. Поверьте, он очень хорош!
- Верю, верю, — ответил д`Эглиз зевая, — только учтите, я надену солнечные очки, чтобы меня никто не узнал, когда я буду выходить из вашего антикварного ведра.
Сенатор слегка улыбнулся, вспомнив вчерашний диалог. Конечно, д`Эглиз — нахал… Но, может быть, не стоило так яро отстаивать своё право на выбор транспорта? В конце концов, они ведь действительно едут вдвоём… Эх, была не была… Сенатор старался всегда избегать вычурности, но… Только ради д`Эглиза, — сказал он про себя и нажал кнопку, открывающую дверь гаража. Дверь медленно поползла вверх, открывая взору сенатора белый Роллс-Ройс Фантом — кабриолет. В точности такую машину сенатор видел вроде бы у какого-то футболиста, кажется, у Криштиану… Ну, пусть теперь д`Эглиз посмеет пикнуть, — подумал он, садясь в автомобиль и выруливая на тихую пустую дорогу, — долг дружбе уплачен, надеюсь граф оценит мою жертву… Марулл втопил педаль газа и с блаженством ощутил, как мягко и мощно автомобиль рванул с места.
- О, Боже, я как последний идиот ездил на антикварном ведре! — прошептал он, с восторгом вцепившись в руль.

ххх

К дому д`Эглиза — на удивление скромному бунгало, утопающему в зелени, — Марулл подъехал без четверти шесть, точно так, как он и планировал. Сенатор намеревался провести пятнадцать минут в автомобиле, разглядывая и ощупывая кнопки, рычажки и тумблеры. Салон был выдержан в столь любимом сенатором стиле — смеси благородной старины, классики автомобильного жанра снаружи и новейших технологий внутри. Марулл начал с удовольствием крутить регулятор громкости радио, однако насладиться ощущениями не успел. Почти одновременно с ним к дому подъехал красный Феррари — кабриолет, из которого выскочил д`Эглиз в шортах и майке, а также вышла женщина средних лет, одетая в спортивный костюм и кроссовки.
- Эй, дорогая, — закричал граф, поднимая солнечные очки на лоб при виде припарковавшегося возле дома сенатора. — Смотри, какая машина! Марулл, что за прелесть! Вы делаете гигантские успехи! Зацени, Бесс, — свершилось чудо! Я исцелил

убогого! Пересесть со старого Росинанта сразу на горячего красавца Буцефала — это ли не подвиг духа!

- Уже начинаю об этом понемногу жалеть, — сказал сенатор, спеша выйти из машины. При виде дамы он выпрямил осанку, его рука дёрнулась поправить галстук, однако сенатор успел вспомнить, что одет в простую льняную рубашку и лёгкие брюки, без всяких галстуков.
- Машина очаровательна, как и джентльмен, приехавший на ней, — женщина полной достоинства походкой подошла к сенатору вслед за д`Эглизом и протянула руку, всем своим обликом вызвав у Марулла необъяснимое почтение: добрый вечер, сенатор. Я — Беатрис, добавила она после чуть заметной паузы.
Засмущавшийся Марулл чуть покраснел, заметив, что нарушил все правила этикета, не представившись первым, и с лёгким поклоном бережно пожал протянутую руку.
- Марулл, — сказал он, — к Вашим услугам, леди Беатрис.
- Леди Беатрис, — засмеялась его собеседница лёгким мелодичным смехом, — благодарю вас, Марулл, — и обернувшись к д`Эглизу проговорила: вот, мой милый! Бери пример! Леди Беатрис! А не: “Эй, дорогая!” или “Зацени, Бесс!”
- Да, Марулл знатный позёр, — заявил д`Эглиз, улыбаясь до ушей и загребая сенатора в объятия, — не сомневался, что он вам понравится. По крайней мере, до той поры пока вы не начнёте с ним диалог.
- Уже начала, как видите, — заметила Бесс, улыбаясь, — и пока не вижу причин менять своё мнение. Она вновь обратилась к сенатору: — Я бы сказала вам: простите моего мужа за бесцеремонность, но раз уж вы до сих пор не в ссоре, то, полагаю, уже смирились и полюбили его как есть.
- Человеку со вкусом это вовсе не сложно, — сказал д`Эглиз, — в конце концов, тут утверждают, что меня создал Бог, а Он вроде как барахла не делает! То, что я прекрасен — это не бахвальство, а теологический факт! Более совершенным созданием является лишь моя любимая жена, да и то, лишь потому, что Творец создал её позже чем меня.
Она, соответственно, более поздняя модель! — добавил он.
- Тебе стоило остановиться на предпоследнем предложении, тогда получился бы неплохой комплимент, а не выписка из техпаспорта, мой дорогой, — Бесс поглядела на графа, и во взгляде её читалась любовь и нежность.
- Вы, как всегда, правы, леди Беатрис, — признал д`Эглиз, беря жену под руку, другой рукой обняв сенатора за плечо и легонько направил обоих в сторону дома. — Марулл, дайте мне двадцать минут — видите, я тоже из уважения говорю вашим языком и пользуюсь дурацким измерением времени! — так вот, дайте мне двадцать минут на

душ и сборы, и мы рванём!
- Обратите внимание, — смеясь надо много вы тоже остаётесь рабом условностей, — заметил сенатор, — могли бы щелчком пальцев стать чистым и ароматно пахнущим, но нет — вам нужно целых двадцать минут на душ!
- Вы с ума сошли, сенатор! — возмущенно проговорил д`Эглиз, — не принять душ после тренировки? Настоящей, осмелюсь заметить, тренировки, с потом, болью и недержанием кишечника во время приседаний!
- Фу, милый, — поморщилась Бесс.
- Ну, родная, как есть, — развёл руками д`Эглиз, открывая входную дверь, — куда ж деваться от суровой правды жизни.
При этих словах д`Эглиз распахнул дверь и первым шумно ввалился в дом. Располагайтесь, дружище, крикнул он, махнув рукой на диван, стоящий в гостиной.
- Что ж, господа, — сказала Бесс — я пойду к себе, наверх. — Джентльмены, желаю вам хорошо Вам провести время вместе. Сенатор, очень рада знакомству, — и хозяйка кивком головы попрощалась с Маруллом, — Ваша радость не достигает и половины моего удовольствия от знакомства с Вами, — проговорил он ей вслед, вновь ощутив, что испытывает к Бесс необъяснимое почтение.
- Не знал, что вы женаты, — сказал он, повернувшись к д`Эглизу.
- Удивлены? — со смехом воскликнул д`Эглиз, зашвыривая в угол спортивную сумку, снятую с плеча — что со мной кто-то выдерживает совместную жизнь? Он устремился в ванную, откуда через пару секунд донесся шум воды и веселое пофыркивание, так как дверь д`Эглиз решил не закрывать. Сенатор уселся на предложенный ранее диван, проводив взглядом уходящую наверх по круглой лесенке Бесс и только тут сообразил, что снаружи дом был одноэтажным.
- Представляете сенатор, — раздался голос д`Эглиза из ванной, — что сегодня учинила моя благоверная? —- Были мы только что на тренировке. Ну, отправил я ее на аэробику, а сам, значит, грудь пошёл забивать. Пока размялся, пока то сё... — Граф зафыркал из ванной, видимо обливаясь холодной водой, и после короткой паузы продолжил — Жму я, значит, девяносто от груди. В четырнадцатый раз. Без подстраховки, так что можете себе представить... Тут — такой нежный хлопок по плечу и голос прямо в ухо: "А вот и я, любимый!". — Вода перестала течь и граф заговорил немного подрагивающим голосом, видимо растираясь. — Ха, дорогой мой дружище Марулл, как я не уронил эту груду железа, для меня — загадка. Ну прост-таки не понимаю, как я ее удержал. Вокруг, главное, все ржут, а я — красный как помидор с девяноста килограммами на полусогнутых руках... Выжал, конечно, но с трудом, с трудом, — закончил граф, появляясь в комнате в мохнатом голубом халате и с бутылкой "Швепса". Марулл в первый раз обратил внимание, что широкие плечи графа

создают достаточно внушительное дополнение к его волевому лицу и, немного поёрзав для виду на кресле, увеличил на пару сантиметров свои собственные.
Граф тем временем рухнул вниз, на мгновенно образовавшееся из воздуха кресло и взглядом сорвал крышечку с бутылки. Сделав несколько глотков, он откинулся на спинку кресла, услужливо отогнувшуюся назад и расслабленно пробормотал: О-о-о, сенатор, вы не представляете, как я себя сейчас замечательно чувствую, — здоровым и крепким!
Сенатор не смог сдержать улыбки: — Для этого обязательно было мучить себя в тренажерном зале несколько часов? Ведь тот же результат достигается здесь щелчком пальцев, — Марулл расправил внезапно ставшие могучими плечи и, резко повернув голову, молодецки хрустнул позвонками.
- Вы о чем, сенатор? — Д´Эглиз изумленно взглянул на Сенатора, — Иметь моментальный результат и заработать результат — вовсе не одно и то же! Ну да вы же из новичков, — проговорил граф после короткой паузы, вновь расслабляясь, — Вам еще предстоит это понять... И так как сенатор предпочел промолчать на эту реплику, продолжил, — вам еще уйму всего предстоит узнать, Марулл... И это не то знание, которое приобретается щелчком пальцев!
Сенатора уязвил тон графа и он, в свою очередь напустив на себя снисходительный вид, пыхнул появившейся в правой руке сигарой, заложил ногу за ногу и нравоучительно заговорил: — Разумеется, граф, иметь результат можно разными путями. Однако человек мудрый не усложняет процесс его получения. Если мне нужно съесть суп, я возьму ложку, и не буду хлебать его китайскими палочками только потому, что так — сложнее. Мои плечи, как вы заметили, теперь не меньше ваших, а что касается рельефа живота, то если я закатаю рубашку, вы убедитесь...
- Веселый смех д`Эглиза прервал монолог сенатора: Ах, оставьте друг мой! — проговорил он, все так же расслабленно полулёжа в кресле с закрытыми глазами. — Предоставьте пухляшу Лиону делать вам комплименты по поводу внешности! У него это несомненно славно получается! Увы, сенатор, — граф перестал смеяться и, приподняв голову, бросил на сенатора веселый взгляд. — Накачанные плечи — это не результат. Настоящий результат — не то, что ты получаешь, а то, каким ты становишься! Я имею в виду не объем бицепса, конечно. Щелкнув пальцами вы и впрямь будете шире шкафа, это верно. Но в вас самом не изменится ровным счетом ничего. Не будет сладкого привкуса победы на устах, не будет ощущения заслуженности награды, не вырастет уверенность... Просто... — граф коротко задумался — Бахвальство! — выбрал он нужное слово, вогнав в краску сенатора, который воспользовался тем, что граф все еще держал глаза закрытыми и вернул плечам нормальные размеры.

- Однако если ты каждый день в течение года дисциплинируешь себя, заставляешь идти на тренировку, ворочать железо, через боль, пот, через не хочу, как вы думаете, изменитесь ли вы за этот год?
- Да-а-а... Неуверенно протянул сенатор.
- Разумеется, да, — уверенно проговорил Д´Эглиз. — Вы изменитесь духовно, вы станете сильнее и увереннее в себе. Имея на руках лишь результат вы убеждаете себя лишь в том, что можете иметь все просто так. И как вы думаете, что подобная власть делает из людей через пару десятков лет? Духовных уродов, сенатор! Когда они исчерпывают собственный запас фантазий на тему "Что я еще могу иметь", — достаточно, кстати, скудный, не говоря уже о том, что, в большинстве своем, довольно отталкивающий, — то пухнут со скуки, не понимая: лишь изменив себя, ты приобретаешь что-то настоящее! — Граф помолчал пару мгновений, затем, внезапно вскочив с кресла, возбужденно продолжил, — это то, что у тебя никто не может отнять! Конечно, у вас тут никто ничего не может отнять — подумав мгновение, сказал он сам себе, — однако здесь речь о другом, дорогой мой сенатор. Вы можете пожелать себе все что угодно, кроме того, чтобы изменить свой дух! Вы можете пожелать себе вставать каждый день в шесть утра и не хотеть спать, но вы не можете таким образом сделать себя дисциплинированным. Вы можете щелчком пальцев сдержать эмоции, но это не сделает вас хорошим слушателем. Вы можете, в конце концов, расширить себе плечи, но это не принесет вам ни капли удовлетворения, а восхищенные взгляды наивных дамочек очень скоро начнут вас раздражать. Уж поверьте мне, я знаю, — усмехнулся Д´Эглиз, на секунду прекратив расхаживать по комнате.
Сколько раз, еще там — граф ткнул пальцем вниз, — мы думали, что знаем, чего хотим для счастья, и, получив это, оказывались у разбитого корыта. А почему? — спросил он и, без паузы продолжил, — а потому, дражайший из сенаторов, что мы так устроены — человека удовлетворяет не изменение внешних обстоятельств, а изменение его самого! Пусть девяносто девять процентов людей и не отдают себе в этом отчет! И поэтому, поэтому, Марулл, столько несчастных людей наивно думают, что получив что-то, обретут благодать.
Поэтому люди разочаровываются в деньгах и кричат, что не в них, мол, счастье. Люди ставят цели, достигают их, но счастливыми не становятся. Как результат, они перестают ставить цели! Мудр тот, кто видит, что цель — не в самой цели, а в ее достижении, потому что тогда изменяешься ты. — Граф шумно выдохнул и, чуть виновато взглянув на погруженного в раздумья сенатора, аккуратно сел в кресло и взял из воздуха новую бутылку "Швепса".
- Ну, ну, не кисните, дружище, — ободряюще проговорил Д´Эглиз, — всем здесь надлежит через подобные откровения пройти. Однако помните, мой друг, — Д´Эглиз

сделал шумный глоток и, причмокнув, устремил взгляд прямо в глаза Маруллу — любое знание, приносящее печаль, говорящее нам что-то неприятное о нас самих, это — знание, которое может нас изменить. Принимая это знание о несовершенстве своих поступков и привычек, осознав нужду в изменении, мы делаем первый шаг к росту нашей личности. Некоторые называют это покаянием, — закончил граф и, замолчав, на мгновение погрузился в раздумья.

- Что ж, — воскликнул он внезапно, резко вставая с кресла и, совершив молниеносный разворот на 360 градусов предстал перед сенатором в сливочно — белой футбольной форме с золотыми полосками на плечах, — А? Как вам, Марулл? — спросил он с видимым удовольствием оглядывая себя, — я, вроде, готов к старту.

- Да ладно, — протянул Марулл, в котором проснулся гордый английский болельщик, — Вы поедете в форме “Реала”? Серьёзно? Вот уж не думал, что вы — мадридиста…

- Ну, во-первых, сенатор, — с важностью поднял палец д`Эглиз, — это не просто какая-то там форма Реала, а форма сезона 2011/2012 года, самая изящная в истории по мнению многих! Я, правда, больше ценю форму 2003го, в которой играли “Галактикос”... Вы, кстати, знаете, кто это? Сможете их перечислить, не прибегая ко всеведению?

- Разумеется, — сказал сенатор с достоинством. Я — как я уже имел честь ответить — англичанин. А англичанин обязан знать врага в лицо, — Галактикос — это четвёрка: Зидан, Роналдо, Фигу и уведённый хитростью и золотом из Манчестера Бэкхем!

- Точно, точно, — одобрительно засмеялся д`Эглиз, — почти правильно! — Но не льстите себе и Англии, записывая кривоногого Бэкхема в этот список, — четвёртым я назову Оуэна. Хотя, он тоже англичанин…

Нет, сенатор, не угадали, я не мадридиста. С детства болею за Милан и моё сердце принадлежит ему. Но сегодня, в виде исключения… Во-первых, это действительно потрясающе красивая форма, во-вторых, она очень идёт такому спортивному и изящному джентльмену как я, ну а в-третьих и в самых главных, — сегодня мы идём смотреть именно на “Реал”.

- Да, ладно! — изумился сенатор, — как это? — Вы создадите для нас футбольный матч с участием “Реала”?

- Ну вот ещё, — хмыкнул д`Эглиз, — такие важные вещи как футбольное таинство нужно доверять профессионалам, — пойдёмте, Марулл, по дороге расскажу вам всё, что вы хотите знать и даже гораздо больше. Мне не терпится отправиться в путь на Вашем “Роллсе”.

Марулл с д`Эглизом вышли из дома. Бесс, к некоторому удивлению сенатора, не спустилась, чтобы проститься с мужем, которого это, впрочем, похоже, совершенно не смутило.

Граф, восхищённо цокая языком, обошёл автомобиль, затем остановился у водительской двери, и посмотрел на сенатора, состроив жалобную гримаску. Маруллу пришлось начать усиленную борьбу с собой — он уже с нетерпением предвкушал момент, когда снова сядет за руль красавца — Фантома, и недвусмысленная просьба д`Эглиза уступить ему водительское место застала его врасплох. Ехать на пассажирском сидении — это был совершенно не тот сценарий, на который Марулл настроился.

- Ну же, дружище, — крикнул д`Эглиз, молитвенно складывая руки, — вы ещё накатаетесь на этом сундуке, а я — кто знает, смогу ли себе такой когда-либо позволить?

- Очень остроумно, — буркнул сенатор и, кинув д`Эглизу ключ, направился к пассажирскому месту, — я надеюсь, граф, Вы понимаете, что порядочность и узы дружбы налагают на Вас ответную любезность в будущем. Вы должны мне желание!

- Ха! — весело сказал граф и запрыгнул в кабриолет, упершись ладонями о бортик двери, — это говорит мне человек, который ещё вчера собирался до скончания веков кататься на старой облезлой телеге! — Если бы не я, вы бы и не подумали создать себе нормальную машину. Но я смотрю, Вы не сильно-то скучаете по вашей “Вольво”. Ничего, от вас не убудет, вы можете кататься на “Фантоме” целую вечность минус один день.

- Минус полдня! — категорически отрезал сенатор, открывая дверь и аккуратно усаживаясь на бордовое кожаное сидение, — обратно поведу я!

- Справедливо, — кивнул д`Эглиз, — обратно поедем тихонечко и степенно как подобает замшелым британским пенсионерам.

- Марулл насмешливо фыркнул, не без удовольствия глядя на д`Эглиза, который восхищённо осматривал панель управления, и поглаживал руль мощными мозолистыми руками. Граф завёл мотор и как мальчишка радостно засмеялся, с явным наслаждением прислушиваясь к его утробному урчанию.

- Эта машина Вам идёт, д`Эглиз, — вынужден был признать Марулл с улыбкой.

- Благодарю, дружище, — отозвался тот, — Вы и впрямь доставили мне огромное удовольствие. Затем внезапно заглушил двигатель, пару секунд смотрел прямо перед собой, а затем, повернувшись к сенатору, продолжил, неожиданно серьёзно, — спасибо, что уступили моей просьбе. Я очень это ценю, правда!

- Так… не за что, — смущённо пробормотал Марулл, поражённый внезапной сменой интонации графа…

д`Эглизу тоже, похоже, стало, немного неловко, он быстро отвернулся от сенатора, вновь завёл мотор и мягко направил автомобиль в путь.

ГЛАВА 4. О ВСЕЗНАНИИ И ВСЕМОГУЩЕСТВЕ

Граф д`Эглиз с сенатором быстро выехали на скоростную трассу и некоторое время ехали молча, наслаждаясь скоростью, встречным ветром и громким рёвом мотора. Впрочем, рёв сенатор решил слегка приглушить, так как он мешал бы беседе.

- Вы готовы открыть мне тайну, куда мы едем, граф? — спросил Марулл.

- Точно, — хлопнул себя по лбу д`Эглиз, — я же взял с Вас обещание, что Вы не будете узнавать сами. Дорогой сенатор, я никак не могу привыкнуть, что существуют политики, которые держат своё слово!

- Нет таких, — улыбнулся Марулл, — я, по крайней мере, о подобных не слыхал, — но в данном случае, полагаю, это было и в моих интересах, так что я с нетерпением жду Ваш рассказ.

- Да, с удовольствием, дружище! Ну, во-первых, мы с Вами едем в Паласио-Сити. Насколько я понял из рассказов Лиона, это будет первый полигон, который Вы посетите.

- Полигон? — переспросил Марулл, — что значит “полигон”?

- Это, сенатор, то, чем занимается тут каждый второй и, как я подозреваю, чем скоро займётесь и вы!

- О чём это Вы? — заинтересованно спросил сенатор, подняв руку, чтобы прикрыться от садящегося и бьющего в глаза встречного солнца.

д`Эглиз бросил на Марулла короткий взгляд и тот почувствовал, что на носу у него появились солнечные очки. Причём столь качественные, что позволяли комфортно видеть и дорогу, и собеседника, приглушив солнечные лучи именно настолько, насколько нужно.

- Благодарю, друг мой, Вы очень внимательны, — сказал он д`Эглизу, улыбнувшись.

- Что есть, то есть, — самодовольно ответил граф, — теперь мы можем считать, что я рассчитался с вами за “Фантом”.

- Ну уж нет, — запротестовал сенатор, — так просто Вы не отделаетесь!

- Ладно, — легко согласился д`Эглиз и вжав педаль в пол, пошёл на обгон довольно резвой спортивной Ауди, маячившей перед ними. — Да, так вот. Полигоны. Как Вы знаете, мы с Вами обладаем абсолютным всемогуществом до тех пор, пока не наталкиваемся на свободу воли другого человека. Вернее, пока не вступаем с ней в конфликт. Однако как Вы верно заметили во время игры в дартс давеча в саду, жизнь всемогущего человека вместе с кучей других всемогущих людей не так уж и весела. Поэтому многие со временем создают территорию, большую или малую, где действуют исключительно его правила. И допускают туда лишь тех, кто с этими правилами соглашается.

- Зачем отправляться на какой-то чужой полигон и ограничивать своё всемогущество? — удивился Марулл.
- Ха, — дорогой сенатор, — сказал д`Эглиз, с удовольствием глядя на остающуюся по правому борту “Ауди” — можете не отправляться, кто ж вас заставляет? Но со временем Вы убедитесь, что без добровольного ограничения Вашего всемогущества и всезнания ваша жизнь превратится в сущий кошмар!
- С чего бы это? — недоверчиво спросил Марулл.
- Ну вот Вам конкретный пример, — футбол, — сказал д`Эглиз, вновь перестраиваясь в правый ряд и сбрасывая скорость, — вы бы хотели смотреть игру, зная наперёд, чем она закончится? А зная, когда и кто забьёт гол, кто — травмируется, более того, имея полную информацию о каждом пасе, обгоне, передвижении каждого игрока? О движении ветра, о том, наконец, как и когда сломается каждая травинка под ногами футболиста? Зная всё это, вам будет интересно смотреть матч?
- Марулл представил себе подобный опыт и содрогнулся, — ну нет, — сказал он, — это было бы ужасно.
— Разумеется, ужасно, — согласно кивнул д`Эглиз, — именно поэтому практически все, кого я знаю, — а знаю я, как вы понимаете — почти каждого, — так вот, практически все используют свои способности в очень ограниченном объёме!
- Ну… не знаю… — пробормотал сенатор. — Всезнание — это одно дело, но от способности создать себе Роллс-Ройс я отказываться смысла не вижу.
- И я не вижу, — кивнул д`Эглиз, — но мы в меньшинстве, дорогой мой друг… Мы в меньшинстве, и что-то мне подсказывает, что и скоро и для вас Всемогущество станет тесновато. Да-да, не смейтесь, Марулл! Ограничение всемогущества и всезнания — это дорога, на которую со временем выходит каждый. Ну, почти каждый, за исключением пары идиотов, пытающихся заполнить пустоту внутри себя всё новыми и новыми развлечениями..- Кстати, вот Вам вопрос, Марулл, что Вы думаете о Всеведении Божьем?
— В смысле? — удивился сенатор.
- В самом прямом смысле! Знает ли Бог всё? Иначе говоря, знает ли Он наперёд все поступки каждого человека на земле или нет, как Вы думаете?
- Хм… Полагаю… Ну, то есть, я был довольно-таки твёрдо уверен, что — да. Он же — Бог, Он всё знает наперёд.
— А как же совместить это со свободой воли? — спросил д`Эглиз, — ведь если Бог всеведущ, получается, он сотворил, скажем, Гитлера, зная наперёд, что тот развяжет самую кровавую войну в истории и убьёт шесть миллионов евреев?
- Ну… Хм… — Сенатор задумался. — Вы меня озадачили, граф… Хотя, погодите! Мы же говорим о свободе воли. Соответственно, когда Бог творил Гитлера, была

вероятность, что тот выберет путь добра и станет кем-то вроде Матери Терезы!
- Я бы на вашем месте не идеализировал Мать Терезу, — хмыкнул д`Эглиз, — ну да ладно, для вашего примера сойдёт, — ну, и что дальше?
- Ну как, что дальше… Гитлер мог выбрать одно, а выбрал другое… Если упрощённо… — сказал сенатор.
- Верно! Так всё-таки, Бог заранее знал, что Гитлер выберет погубить в страшной войне 70 миллионов людей или не знал? Если знал, но всё равно его сотворил, — что же это за любящий добрый Бог такой? А если не знал, то появляются вопросы к его Всемогуществу, ну либо к Всеведению, не так ли?
- Вы меня запутали, д`Эглиз, — честно признался Марулл, что же получается, Бог всемогущ, но не всеведущ? Разве так может быть?
- Ну, как сказать, — пожал плечами д`Эглиз, — теолог Ричард Доукинс сказал бы вам, что, — всеведущий Бог — абсолютно бессильный Бог.
- Как это? — вновь удивился сенатор.
- Ну, подумайте сами, — рассудительно проговорил д`Эглиз, внимательно глядя на дорогу, где стало гораздо больше машин, едущих в ту же сторону, — если Бог знает всё, то знает и абсолютно всё будущее, так?
- Так, — сказал сенатор.
- Значит, Бог знает и то, что сделает сам, каждый Свой поступок и действие, верно?
- Ну… — задумался сенатор.
- Ну вот, — продолжил граф, — а если Бог знает абсолютно всё, что Он сделает и когда, то Он, получается, абсолютно бессилен поступить как-то по другому, верно? Иначе, получается, он неправильно знал что-то заранее?
- Ээээ…. — Сенатор изо всех сил старался не потерять нить логики его друга.
- Ну вот…
— Так что вот-то? — жалобно спросил сенатор, — какой ответ? Всемогущ Бог или нет? Всеведущ или не всеведущ?
- А кто ж Его знает, — пожал плечами д`Эглиз, — у Него не спросишь.
- А почему, кстати? — спросил Марулл. — Ведь если я захочу пообщаться с Богом…
- У Вас это не выйдет, дружище, — закончил д`Эглиз.
- Почему это? Опять пробоина во всемогуществе?
- Вовсе нет, сенатор, никакой пробоины… Всё та же свобода воли…
- А при чём тут свобода воли? — не понял сенатор.
- А при том, дорогой друг, — ответил д`Эглиз, — что она есть и у Бога в той же мере, что и у нас. Вернее, у нас в той же мере, что и у Него. И Он по каким-то причинам общаться с нами не желает. Мы можем, дружище, лишь разговаривать с Вами о Нём.
- Ну хорошо, не желает, так не желает, — раздражённо сказал сенатор, — может быть,

это ещё изменится. Может быть, мы должны что-то познать или там, в чём-нибудь раскаяться.
- д`Эглиз бросил на сенатора взгляд, показавшийся тому довольно странным, — какая-то смесь грусти и снисходительности, — но ничего не сказал.
- Ну ладно, д`Эглиз, а Вы сами-то как думаете, всеведущ Бог или нет? Знает ли Он заранее всё, что произойдёт на земле?
- Могу Вам высказать моё мнение, дружище, — ответил д`Эглиз, облокотившись на дверцу машины и держа руль одной рукой, — подчеркну — исключительно моё, а стало быть — совершенно правильное мнение. На мой взгляд, ответ тут нужно искать не в какой-то теологии или мистике, а чисто в эмоциональной области.
- Как это?
- А вот так это, — заявил д`Эглиз, лихо закладывая поворот и съезжая со скоростной трассы, — мы только что выяснили, что нет ничего хуже просмотра матча, если знаешь наперёд, что в нём будет и чем всё закончится. А если ещё представить, что Вы сами этот матч организовываете, заранее знаете, где и когда вмешаетесь, — да вы удавитесь скорее, чем устроите себе такое развлечение. А так как Создатель любезно сообщил, что мы созданы по Его образу и подобию, — то полагаю, что и Богу подобная перспектива была бы весьма противна, — смотреть на мир, зная всё, что и как будет происходить… Да ещё и зная наперёд все собственные поступки… Очень сомневаюсь, в общем, дружище. Поэтому мой ответ — нет. Бог дал людям, возможность творить всё, что захотят, и с интересом за ними наблюдает, периодически вмешиваясь в ход истории. А может и не вмешиваясь, не знаю… — сказал он самокритично. — Потому что тогда непонятно опять же, почему Он, если мог, не вмешался, когда миллионы людей сжигали в концлагерных печах Аушвица.
— Ну… Может быть, Он вмешался, — робко предположил сенатор, — ведь многие спаслись? Один Шиндлер вон почти тысячу евреев спас!
- Хорош Всемогущий Бог, — хмыкнул д`Эглиз, — если максимум на что хватило Его всемогущества, так это на то, чтобы спасти горстку несчастных, позволив миллионам умереть страшной смертью! Нет, дружище, тут либо нужно верить, что по каким-то причинам, скажем, из-за той же свободы воли, Бог сам себе установил барьер, и не мог вмешаться, либо нужно представить себе Бога жутким бездушным существом, для которого нет никаких проблем создать мир, заранее зная, сколько крови и зла там будет. А потом спокойно наблюдать за этим всем! А мне, почему-то, кажется, что Он не такой, — добавил граф после паузы.
Какое-то время спутники ехали молча. Тем временем начало темнеть. Сенатор решил вернуться к футбольной теме.
- Граф, Вы начали рассказывать про полигон, на который мы едем, — сказал он, вновь

слегка приглушая шум мотора и свист ветра вокруг.
- Ах да! В общем, мы едем в Паласио-Сити, на полигон к Падросу и Хулиану Полосина.
- Аааааа, как я сразу не сообразил, — воскликнул Марулл! — это же братья — основатели мадридского “Реала”?
- Совершенно верно, дружище. Именно они. Они воздвигли город, который живёт и дышит футболом, где живут многие футбольные звёзды, да и много всяких другие знаменитостей, — и устраивают футбольные соревнования с довольно жёсткими рамками.
- Это какими рамками? — заинтересовался сенатор.
- Ну, начать с того, что стадион, который находится в центре города и является его сердцем и душой, — вмещает ровно сто одну тысячу зрителей, и ни одним больше! Так что можете себе представить, дружище, как непросто мне было достать для вас билетик.
- Шутите? — недоверчиво усмехнулся Марулл, — ведь можно было просто захотеть иметь любое количество билетов.
- Не в Паласиос-Сити, — покачал головой д`Эглиз, — не на чужом полигоне. Их территория — их правила. Конечно, братья могли бы пускать на каждый матч миллионы желающих, для каждого из которых стадион выглядел бы как совершенно обычный стотысячник, но для них важна достоверность, дружище. Поэтому — сто одна тысяча билетов, из них — чуть меньше восьмидесяти тысяч — постоянные посетители с абонементами и, сами, понимаете, это люди, которые каждый раз действительно являются на игру, не болеют, не умирают и не уезжают в отпуск. Ещё тысчёнку-другую билетов выдают особым ВИПам, чтобы те могли приглашать друзей, наши билеты как раз из них, кстати… И тысяч двадцать — в свободном доступе, который братья распределяют лично на каждый организованный ими матч.
- Лично распределяют двадцать тысяч билетов? — прищурился сенатор.
- Ну да, а что такого? — легко сказал д`Эглиз и, ухмыльнувшись, поглядел на Марулла, — они тут достаточно давно, чтобы отвыкнуть от дурацких условностей и привязок ко времени. Поверьте, они по имени знают каждого, кого допускают на свои игры.
- Меня не знают, — заметил сенатор.
- Будьте уверены, что знают, засмеялся д`Эглиз. — Впрочем, как Вы помните, Вы можете закрыть любую информацию о себе, если захотите. Правда, тогда и на матч не попадёте, так что я бы не рисковал.
- Нет, нет, поспешно сказал Марулл, — пожалуйста, пусть знают кто я, мне скрывать, как бы, нечего.
- Вот и ладненько, — удовлетворённо ответил д`Эглиз.
- Так значит мы едем на стадион, на футбольный матч, который организован этими

братьями. Вы сказали, что играть будет “Реал”?
- О, да, — сегодня будет чудесный матч, Марулл. Золотой состав “Реала” всех времён против сборной Бразилии Чемпионата Мира 1962 года.
- Да ладно! Вы меня не разыгрываете? — ахнул сенатор, — как это возможно? А, впрочем, возможно, разумеется, — сразу сообразил он. — Погодите, но ведь я, будучи всемогущ, и сам могу организовать такой матч щелчком пальцев. Могу создать и стадион, и зрителей, и любого футболиста, не так ли? Зачем мне ехать на чей-то полигон, да ещё и рискуя вообще не достать билета…
- Безусловно, сенатор, — кивнул д`Эглиз. — Можете организовать всё это щелчком пальцев. Можете создать команду из игроков сборной Бразилии 1962 года, однако… он замолчал, явно желая, чтобы Марулл продолжил его мысль…
- Ну да, — сразу сообразил сенатор, — я могу, и это могут быть идеальные копии всех этих футболистов, но…
- Совершенно верно, — копии, но не они сами! — следуя нашему главному правилу — “Свободе воли” — хором закончили д`Эглиз и сенатор.
- Стало быть, братья Паласиос приглашают настоящих игроков? И они должны дать своё согласие на участие?
- Совершенно верно, Марулл, совершенно верно! Сегодня вы увидите не какую-то дешёвую постановку с нарисованными игроками. На поле выйдут самые что ни на есть настоящие Зито, Амарильо, Марио Загалло, Гарринча, само собой, — в своих молодых, полных сил телах, которые они имели в 1962 году.
- А Пеле! — воскликнул Марулл, — неужели я увижу воочию игру молодого Пеле?
- Увы, нет, — огорчил его д`Эглиз, — Пеле мы не увидим…
- Отчего же, — всплеснул руками сенатор, — как же так? Он не хочет участвовать в таких играх?
- Дело в том, сенатор, что Пеле здесь нет…
- Как — нет? В каком это смысле — нет? — спросил Марулл. — А где он?
- Ну… Как ни странно, не все футболисты попадают в ад, — Эдсона Арантиса ду Насименту по крайней мере тут никто никогда не видел. Может быть, конечно, Пеле сам по каким-то причинам не желает ни с кем общаться, но что-то мне подсказывает, что он действительно не здесь… — д`Эглиз пожевал губами и пожал плечами, явно надеясь сменить тему, но не зная, как это сделать не слишком нарочито.
- Ну, предположим, — сказал сенатор, — но ведь можно на его место пригласить абсолютно точную копию, которая будет иметь его память, его умения, его внешность… И он выйдет на поле, а разницы никто и не заметит.
- Хм, — улыбнулся д`Эглиз, — мы возвращаемся к вопросу о том, почему бы самому не сделать вообще всю игру — она может быть точной копией той, что организовывают

братья. Но если вы будете знать — это не настоящий Пеле, — да, точь-в-точь, такой же, но не он, — пойдёте Вы на него смотреть?
- Ну… нет, — признал сенатор. Мне это будет казаться… ну… святотатством что ли… Или по крайней мере фальшивкой.
- То-то же! Современные художники вполне в состоянии написать точную копию Моны Лизы, или по крайней мере, неотличимую простым человеком от настоящей. Но пойдёте ли Вы в Лувр смотреть на хорошую, замечательную копию, созданную большим мастером?
Ну а уж если Вы всемогущи, друг мой, вам уже и подавно не нужны копии. Вы цените только оригинал, только то, чего не можете добиться своей властью, — согласие свободной личности сделать что-то для Вас. Вы помните, я поблагодарил за то, что Вы позволили мне сесть за руль?
- Да, — задумчиво сказал сенатор, который, кажется, начал лучше что-то понимать…
- Ну вот и весь ответ, — сказал д`Эглиз, — на вопрос, отчего на игры к братьям столь сложно попасть. А нам повезло… скажем так… по знакомству…
- Так мы, значит, увидим игру чемпионской сборной Бразилии против Реала, — мечтательно проговорил сенатор, закидывая руки за голову и обратив взгляд в закатное небо, — вот это да! А что за состав будет у “Реала”? Какого года?
- Аааа, — с явным удовольствием протянул д`Эглиз, поглядывая на спидометр, — “Реал” выставит состав легенд, за который проголосовали десять тысяч самых верных мадридиста! И это не просто какие-то десять тысяч, — большинство из них бывшие игроки, легенды футбола, комментаторы, тренеры… Такое голосование проводится регулярно, но состав почти не меняется. На стадионе увидите, — обещал он, — не буду портить Вам сюрприз, кроме того, посмотрим, сможете ли Вы всех узнать.
- Эх, поскорее бы, — мечтательно сказал Марулл, — это ж надо! Наверняка будет Зубастик Рональдо — полный сил, со здоровыми коленями, Альфредо ди Стефано, возможно, Пушкаш… Сенатор заёрзал на сидении и сказал: дорогой д`Эглиз, а не ускорить ли нам немного нашу дорогу?
- Мон шери, мы ограничены исключительно нашими желаниями, — отозвался д`Эглиз, а посему — раз Вы так хотите, то извольте, — мы уже подъезжаем к городу! Зацените вид, — он того стоит!
Автомобиль, который последние четверть часа взбирался на высокую, довольно крутую гору в потоке других машин, внезапно оказался на её вершине и взору сенатора предстало поистине великолепное зрелище: Внизу, прямо перед ними, окружённый кольцом высоких гор, лежал, сверкающий в наступающих сумерках, город. В самом центре его, подобно сердцу, бился, пульсировал живым насосом, огромный ярко освещённый стадион, от которого артериями и капиллярами расходились по городу

широкие проспекты и маленькие улочки. Граница города казалась — а может, и действительно была — идеально круглой, весь город состоял из небольших, максимум двух- или трёхэтажных домов и особняков, утопающих в зелени подобно бунгало д`Эглиза. Подсветка на улицах тоже была исключительно в зелёных тонах, — оттенков от мятного до изумрудного, и город сразу напомнил сенатору прочитанную в детстве книгу о стране Оз. Лишь светящиеся стены стадиона пульсировали попеременно то белым светом, то жёлто-зелёными переливами, отдавая дань главным героям предстоящего футбольного сражения.

“Фантом” плавно спускался с горы, и сенатор смог всласть насладиться видом футбольного города. — Смотрите, Марулл, — указал граф рукой на приближающуюся ярко-зелёную линию света на асфальте. Когда мы её пересечём, — вот, уже пересекли… Поздравляю, дружище, Вы на территории Паласиос-Сити! Попробуйте-ка использовать Ваши способности!

- А что попробовать? — спросил сенатор.

- Ну что угодно. Заставьте, например, исчезнуть вооон то дерево.

Сенатор попробовал и с удивлением обнаружил, что его желания не спешат исполняться. Это так его напугало, что он судорожно вцепился в сиденье и беспомощно уставился на д`Эглиза.

- Граф, а что если кто-то захочет причинить нам вред или навсегда оставить здесь, без нашего всемогущества? — взволнованно спросил он. — Положим, мы поссоримся с братьями Паласиос и они захотят нас, скажем, ну… посадить в тюрьму, например.

д`Эглиз расхохотался: Что Вы, сенатор, — даже если такая глупость придёт им в голову, у них ничего не выйдет. Вспомните наш принцип…

“Свобода воли” — проговорил сенатор.

Ага… Вы не в силах что-то здесь поменять без желания хозяев, но и вам тут причинить малейший вред без Вашего желания совершенно невозможно. Кроме того, вы можете в любой момент оказаться за пределами их полигона. Так что расслабьтесь, Марулл, не то потеряете всё удовольствие.

Сенатору всё же было немного тревожно. Прикрыв глаза, он пожелал оказаться у себя дома и в тот же миг очутился в своём любимом кресле-качалке у камина, где уютно потрескивал огонь. Сенатор взглядом потушил его, затем, кинув взгляд в сад, убрал и немедленно вернул на место старый клён.

- Фома неверующий, — раздался сзади весёлый голос д`Эглиза. Сенатор повернул голову и увидел графа, насмешливо смотрящего на него, засунув руки в карманы шорт. — Ну что, предлагаю теперь вернуться в наш, вернее, разумеется — в ВАШ “Фантом” и продолжить путь…

Сенатор согласно кивнул и моментально вновь оказался на пассажирском сиденье

“Роллс-Ройса” рядом с д`Эглизом. Город медленно надвигался на них и казался огромным спрутом, глотающим несколькими ртами стаи светлячков — автомобилей, стекающихся к нему с разных сторон по склонам гор.

ГЛАВА 5. ПАЛАСИО-СИТИ

- Что ж, Марулл, у меня хорошие новости, — бодро заявил д`Эглиз, когда они уже подъезжали к самому городу, — братья Паласиос такие же ненормальные как и вы: в городе чётко работает отсчёт времени, — матч начнётся ровно через сорок две минуты, — он указал на цифры, парящие в воздухе возле каждого фонарного столба, — как раз успеем заехать за Лёней!
- За каким Лёней? — удивился сенатор, — вы имеете в виду Лиона?
- Упаси Бог, — поёжился д`Эглиз, — Лион и футбол совместимы примерно так же как я и… скажем, поэзия, — сенатору показалось, что аналогию с поэзией граф упомянул с какой-то странной ноткой горечи, однако тот сразу же весело продолжил — нет, это мой знакомый, который, собственно, и раздобыл нам контрамарочки. Абонемента у меня, разумеется, нет.
- И что же это за Лёня? — спросил Марулл.
— Интереснейший экземпляр, — ответил д`Эглиз, вертя головой, видимо, вспоминая дорогу, — один из тех, кто, по крайней мере, с виду, полностью отказался от использования своего всемогущества и всезнания.
- Полностью? — поразился сенатор, — но зачем?
- А кто ж его, болезного, знает? — ответил д`Эглиз, подняв глаза к небу — понятия не имею, полностью или нет, и уж тем более не знаю, зачем. Лёня не очень разговорчив, впрочем — Вы и сами скоро увидите.

д`Эглиз подрулил к небольшому коттеджу на окраине города, вытащил из кармана мобильный телефон, который, видимо что-то вспомнив, тут же убрал назад.
- Совсем забыл, — сказал он сенатору, открывая дверцу машины, — у Лёни нет мобильного телефона и вообще связаться с ним можно только по электронной почте, да и то не всегда. Мысли, разумеется, он тоже заблокировал.
- Какой разумный человек, — не удержался от похвалы сенатор...
- Нда… разумный… — не очень уверенно ответил д`Эглиз и пошёл по направлению к домику, — сенатор, подождите в машине, дружище, — не знаю, как Лёня отреагирует на незнакомца, о котором я его не предупредил. Впрочем, раз он дал мне два билета, должен сообразить, что я буду не один… Но лучше оставайтесь там!
— Хм… — подобные предосторожности немного смутили Марулла, но пробудили в

нём тем большее любопытство к загадочному Лёне. Долго ждать не пришлось, д`Эглиз вышел из домика почти сразу после того как зашёл. Сопровождал его мужчина лет пятидесяти, среднего роста, одетый в слегка потёртый коричневый костюм и рубашку с галстуком, с большой спортивной сумкой на плече, в которой явно было что-то тяжёлое. Выйдя из домика, он закрыл за собой дверь, тщательно запер её на два замка и, опустив довольно внушительную связку ключей в карман пиджака, направился вслед за графом.

- д`Эглиз тем временем достиг машины и запрыгнул за руль, а сенатор сообразил, что было бы неплохо проявить вежливость и уступить новому спутнику переднее сиденье. Он вышел из машины и обратился к подошедшему человеку:

- Добрый вечер! Я так понимаю, Вы — Лёня? Я сенатор Марулл, — можно просто Марулл.

- Да, вам сказали верно, меня зовут Лёня, можно просто Леонид, — ответил человек без тени эмоций, каким-то безжизненным, металлическим голосом. У сенатора создалось впечатление, что его мысли находятся где-то в другом месте. Быть может потому, что взгляд нового знакомого лишь на секунду задержавшись на сенаторе, теперь блуждал вокруг, будто бы изучая окрестности.

Сенатор чуть замялся и возникла неловкая пауза, которую Лёня, впрочем, без всякого стеснения нарушил, невозмутимо произнеся всё так же без эмоций:

- Я бы хотел сесть в автомобиль и отправиться на стадион. Матч начнётся через двадцать четыре минуты, а мне хотелось бы успеть ознакомиться с составом судейства и заказать себе хот дог.

- Да-да, конечно, — засуетился Марулл, отчего-то начавший испытывать перед Лёней Необъяснимый трепет, — ах, да, вы бы хотели сесть спереди?

- Нет, — сказал Лёня, немного подумав — заднее сидение меня вполне устроит. Я использую время поездки, чтобы дочитать статью. Я как раз дошёл до первого игрового года Стюарта Пирса. — После этих слов Лёня повернулся к машине и, обнаружив, что в ней всего две двери, растерянно обернулся к Маруллу. — Каким образом мне лучше всего попасть на моё место?, — спросил он — Ведь у автомобиля отсутствуют задние двери?

- Ээээ, — пробормотал сенатор, сообразив, что понятия не имеет, как откидывается сидение и, чуть зажмурившись, изо всех сил пожелал это узнать, втайне надеясь, что братья Паласиос не ограничили в своём городе и эту способность. С облегчением вздохнув, он нащупал правильную кнопку и, откинув сидение, почтительно отступил в сторону.

Ни слова не говоря, Лёня забрался на заднее сидение, снял с плеча сумку, расстегнул молнию, извлёк огромный бумажный том, раскрыл его в месте, заложенном газетным

листом, аккуратно сложил его вчетверо, положил во внутренний карман пиджака и, извлекши из футляра очки в роговой оправе, надел их и углубился в чтение.
- Садитесь, Марулл, — не зависайте, — раздался нетерпеливый голос д`Эглиза, уже заводящего мотор. — Успеете ещё налюбоваться на читающего Лёню, он этим занимается постоянно. Напоминаю, что тут нам нужно следить за временем!
- Сенатор быстро занял своё место в “Фантоме” и тот рванул с места, едва сенатор успел захлопнуть дверцу.
- А кто такой Стюарт Пирс? — спросил Марулл полушёпотом, наклонившись к уху графа.
- Можете говорить громко, — отозвался тот во весь голос, — не волнуйтесь за Лёню, отвлечь его не так просто!
- Я слышал Ваш вопрос, — неожиданно сказал Лёня с заднего сидения, поднимая глаза на Марулла. Он аккуратно вытащил сложенную газету, положил на прежнее место и закрыл пухлую книгу, по корешку которой сенатор определил двадцать шестой том энциклопедии “Британника” на русском языке. — Стюарт Пирс — это известнейший английский футболист, занимающий четвертое место по количеству матчей, сыгранных за Ноттингем Форрест. Я могу привести более подробную информацию о нём и статистику его выступлений, когда закончу с чтением статьи. Рад, что Вы заинтересовались, — добавил он, подождал пару секунд, и, увидев, что дополнительных вопросов у сенатора не имеется, вновь раскрыл “Британнику”, вытащил закладку, аккуратно убрал её во внутренний карман пиджака и погрузился в чтение.
- Сенатор, расширив глаза, бросил взгляд на д`Эглиза.
- Сам в шоке! — нарочито громким шёпотом ответил тот... — А ещё в галстуке на футбол! — закатил он глаза, — до такого не додумались даже Вы, Марулл! А ведь Лёня — член клуба восьмидесяти тысяч! И в таком виде он ходит на каждый матч! Как братья его не выперли со стадиона — в голове не укладывается.
Лёня вновь отвлёкся от чтения, заложил закладку, закрыл книгу и, сняв очки, строго посмотрел на д`Эглиза: — Костюмом, граф, я подчёркиваю моё уважение к футбольному состязанию и спорту в целом, — произнёс он бесцветным голосом, — у братьев Паласиос нет оснований выгонять меня со стадиона. — Лёня опять надел очки, раскрыл книгу, вытащил закладку и, на мгновение задумавшись, обратился к Маруллу с д`Эглизом. — Вы можете продолжать беседу, не боясь мне помешать, я поставлю звуковую защиту, чтобы не отвлекаться от изучения статьи в оставшиеся семнадцать минут нашей поездки. Он опять уткнулся в книгу и сенатор почувствовал громадное облегчение от того, что его разговор с графом теперь не будет отвлекать Лёню.

- Ну вот, а говорили, полностью отказался от всемогущества, — шепнул он д`Эглизу, забыв, что Лёня теперь его не слышит. — Скажите, граф, — спросил он погромче, поглядывая по сторонам на изумрудные улицы, по которым они ехали к центру города, — вы не знаете, зачем Лёня читает “Британнику”, если братья Паласиос не ограничили способности всеведения в этом городе?
- Ну, во-первых, всё же ограничили, — ответил д`Эглиз, дёргая за рычаг автоматической коробки передач, — чёрт! Всё хорошо в этой машине, но никак не могу привыкнуть к дурацкому автомату, — он щёлкнул пальцами, с явным удовлетворением выжал появившееся под его левой ногой сцепление и начал в видимым удовольствием переключать передачи. — Ограничили на стадионе, — продолжил он, — там вы попадёте в условия, схожие с земными, можете догадаться для чего.
- Ага, — сказал сенатор, у которого манипуляции д`Эглиза с трансмиссией вызвали улыбку, — видимо, чтобы никто не мог узнать, как закончится матч?
- Разумеется, — ответил д`Эглиз, — во-первых из любви к искусству, а во-вторых иначе теряет всякий смысл тотализатор.
- Тотализатор? — удивился Марулл, — а... в чём смысл тотализатора здесь? Какой толк в том, чтобы выиграть деньги? Или чисто спортивный интерес?
- Ну нет, — ответил д`Эглиз, — вы что, не знаете человеческой природы? — Спортивного интереса без реального выигрыша никакого нет, — однако Вы правы, — играть на деньги тоже было бы абсолютной глупостью. Ставки делают на другие вещи, дружище.
- На какие? — заинтересовался Марулл.
- Разумеется, на что, что неподвластно нашему всемогуществу, — то бишь то, что имеет ценность на полигонах других людей. — Те же билеты на футбол, к примеру. Вы думаете, Лёня мне их уступил по большой любви?
- Ах вот оно что, — улыбнулся Марулл, — так Вы их выиграли у Лёни?
- Да, выиграл. Я поставил годовой абонемент в мой спортзал против двух билетов на футбол. Был уверен, что на последнем Классико Марадона забьёт минимум два.
- И он забил?
- Вы представляете, дружище, — вздохнул д`Эглиз, — отдал три голевые и заработал пенальти, а голов — ни одного!
- Так как же Вы выиграли?
- Лёня был уверен, что Диего забьёт не меньше трёх, — засмеялся д`Эглиз.
- Хм… — задумался сенатор, — честно говоря, Лёня не похож на человека, который стремится выиграть годовой абонемент в спортзал… Как это он согласился на Вашу ставку?
- Обижаете, сенатор, — усмехнулся д`Эглиз, — разумеется, он бы не согласился! Но я

настоял на том, чтобы мы ставили вслепую! Я-то, разумеется, знал, что он может предложить. А Лёня пребывает в уверенности, что упустил что-то очень ценное. А это значит, у меня есть шанс выудить из него в будущем ещё парочку билетов, так что тс-с-с-с…

Тем временем, “Фантом” приблизился к стадиону.

- Надеюсь, с парковкой проблем не будет, — заволновался сенатор, поглядывая на цифры, горевшие на стенах стадиона, — до игры оставалось меньше десяти минут, — а ведь нам ещё надо добраться до наших мест.

- Не волнуйтесь, Марулл, — за пределами стадиона проблем у нас не возникнет, — братья всё же не садисты и с Вашим имуществом Вы можете делать всё, что Вам заблагорассудится.

- И что мне делать с машиной? — беспомощно спросил Марулл...

- Ох, сенатор, — вздохнул д`Эглиз, — я вас люблю! С Вами я себя чувствую как минимум Эйнштейном! Ну это же элементарно! Заставим машину исчезнуть и все дела. Выходим, Лёня! — крикнул он, прижавшись к обочине у самого стадиона и обернувшись назад. Впрочем, Лёня был готов. Он уже убрал книгу в сумку и сидел, выпрямившись и глядя прямо перед собой. Сенатор помог ему выбраться, но прежде чем д`Эглиз успел что-то сделать с его машиной, улыбнулся, театрально хлопнул в ладоши и, нагнувшись поднял с земли маленький брелок, точную копию “Роллс Ройса”.

- Можно и так, — ухмыльнулся д`Эглиз и, хлопнув сенатора по плечу, сказал, — что ж, дружище, добро пожаловать на “Эстадио Иммортале”!

Сенатор, повернувшись, поднял голову, пытаясь охватить стадион взглядом.

- Престо, престо, — прикрикнул граф, подталкивая Марулла ко входу в огромные ворота стадиона, — давайте поспешим, сенатор, а то Лёня останется без хот дога и никогда нас с собой больше не возьмёт.

- Я не считаю хот дог необходимостью, — возразил Лёня, поправляя на плече сумку и ускоряя шаг, — и вовсе не связываю его получение с будущими походами на стадион, — для меня важнее отношение к игре тех, за кого я несу ответственность, передав билеты!

- Отношение будет в высшей степени уважительное, — пообещал д`Эглиз. По крайней мере, за себя я ручаюсь... А вот насчёт сенатора не знаю, — погрустнев добавил он, — как бы Марулл чего-нибудь не отмочил…

- Есть такая вероятность? — заволновался Лёня, в первый раз проявив видимые эмоции, и подозрительно поглядев на Марулла — вы не говорили мне о подобном риске, граф! Да и сенатор производит весьма приличное впечатление. Вы, наверное, меня опять пытаетесь разыграть, но я склонен Вам не верить. Одет сенатор солидно, хоть и без галстука. Видно серьёзное отношение знатока, а не зеваки вроде вас,

вырядившегося в форму 2013 года… Сезона, когда хвастливо украсив форму золотыми полосками, Реал уступил ла Лигу Барселоне, попутно проиграв Малаге, Хетафе и Гренаде, отдал Кубок Атлетико, а в Лиге Чемпионов позорно влетел в полуфинале Дортмунду со счётом четыре — один!

В голосе Лёни засквозило такое презрение, что Марулл на месте д`Эглиза провалился бы сквозь землю от стыда.

Однако д`Эглиз ничуть не смутился. — Зато форма красивая, Лёня, — ответил он, — и кроме того, она мне чрезвычайно идёт, а издали так вообще я в ней похож на Криштиану. Так что плевать на четыре — один от Дортмунда, я сегодня буду в ней и точка!с

За разговорами спутники, ведомые Лёней, добрались до своих мест, номера которых проявились на билетах Марулла и д`Эглиза. Места были не самые удачные, далеко от поля, сзади и чуть наискосок от футбольных ворот. Кроме того, свободными были лишь два места, всё вокруг было уже занято.

- Вот Ваши места, — приятного просмотра, — произнёс Лёня и, бросив взгляд на огромное табло с часами, направился по проходу в направлении середины стадиона.

- А что, Лёня разве не будет сидеть с нами? — удивился сенатор.

- Кто? Лёня? — засмеялся д`Эглиз, — обижаете! Лёня — ВИП-Персона, будет располагаться по самому центру, на средней высоте. Это для убогих вроде нас такие билеты, откуда ни черта не видно.

- Не, ну это же бред, — воскликнул Марулл раздражённо, — неужели нельзя было сделать, чтобы всем было нормально видно?

- Вы забыли, Марулл? — покачал головой д`Эглиз, — фишка заключается в полном соответствии реалиям! Выбор невелик — сидите и ешьте, что дают, либо идите к себе и делайте стадион по Вашему разумению. Но поверьте, даже эти места не так уж плохи, — будет трансляция на больших табло, да и главное тут, собственно, атмосфера и дыхание стадиона, а не чтобы хорошо видно было. Вот, я для вас захватил вувузелу. Держите!

И д`Эглиз вынул из кармана две дуделки, одну из которых передал Маруллу.

- Ну уж нет, — решительно оказался сенатор, — помню, эти штуки меня жутко раздражали на Чемпионате Мира в Африке, — по телевизору даже комментаторов толком слышно не было!

- Так в этом же весь цимес! — воодушевлённо воскликнул д`Эглиз, — он приложил вувузелу к губам и издал противный дребезжащий звук, на который обернулись сразу несколько десятков человек с передних рядов. Один из них показался сенатору знакомым, но он был слишком озабочен выходкой д`Эглиза, чтобы об этом размышлять.

- Граф, прошу вас, — зашипел он на д`Эглиза, — уберите эту штуку!
- Ах, Марулл, — д`Эглиз кисло поморщился, — не умеете Вы развлекаться… Лучше бы я сел с Лёней, честное слово.
- Полагаю, Лёня бы Вас за вувузелу сразу четвертовал!
- Да, это верно, — легко согласился д`Эглиз, — с другой стороны, это избавило бы меня от необходимости провести два часа рядом с занудой.
Вувузелу, он, впрочем, убрал. Сенатор выдохнул и стал осматриваться.
На столь огромном стадионе Марулл ещё никогда не бывал. Жёлто-зелёный сектор затянул A Taça do Mundo é Nossa, что вызвало свист одетых в белое болельщиков, которых было примерно столько же. д`Эглиз сунул два пальца в рот и громко пронзительно засвистел.
Марулл закатил глаза и отвернулся от графа, разглядывая стадион. Атмосфера была потрясающая, лица людей светились радостным ожиданием, переругивание болельщиков Бразилии и Реала носили вполне добродушный характер. В их белом секторе тут и там виднелись жёлтые шляпы и футболки, Некоторые компании состояли из болельщиков разных команд. Сенатор только тут с ужасом заметил, что в рубашке и брюках он на стадионе, похоже, один. Ну, то есть, вдвоём с Лёней.
Марулл решил принять соответствующий вид и только тут вспомнил, что его способности на стадионе не подействуют. Он тихо застонал, закрыв лицо рукой. — Ну что за невезение? И почему д`Эглиз не обратил на это его внимание? Ведь знал же, негодяй, что на стадионе будет уже не переодеться…
Тем временем вокруг резко стало ещё громче и Марулл увидел, как из тоннелей начинают выходить команды в белых и жёлтых формах,
- О, Боже, — проговорил сенатор, — у него резко пересохло во рту и он изо всех сил вытянул шею, стараясь разглядеть, кто же именно выходит на поле. С такого расстояния лиц было, увы не различить и сенатору пришлось обратить взор на огромный экран, показывающий футболистов крупным планом.
Сначала камера медленно прошлась по игрокам сборной Бразилии, — по лицам, которые сенатор до сих пор видел только в старой хронике, да на фотографиях соответствующего качества.
На табло слева от экрана зажёгся состав команд, а в динамиках диктор громовым голосом начал объявлять фамилии, после каждой из которых следовали овации: Жилмар, Сантос Нилтон, Сантос Джалма, Рамос Мауро, Зозимо, Диди, Зито, Загалло, Гарринча, Вава, Амарилдо.
Сенатор смотрел на легенд футбола и восторженно аплодировал вместе со всем стадионом, приветствуя каждого игрока. После представления Амарилдо он ненадолго расстроился, так и не услышав имени Пеле, на что всё же втайне надеялся, несмотря

на слова д`Эглиза, однако затем вспомнил, что в 1962 году чемпионат для Пеле закончился из-за травмы ещё на групповой фазе, и подумал, что историческая достоверность, в общем, соблюдена. Тем более есть Гарринча! Сенатор привстал, пытаясь разглядеть своего любимого после Пеле бразильца — и увидел его, разминающегося на газоне, как и полагается, слегка прихрамывающего, в то время как диктор начал объявлять состав Реала. Марулл затаил дыхание:

- Вратарь, — Икер Касильяс, — объявил он. — Что ж, ожидаемо, — отметил сенатор, бешено захлопав в ладоши. Защита — Мигель Чендо, Фернандо Йерро, Серхио Рамос и Роберто Карлос! — сенатор облегчённо выдохнул, — хорошо, что не Марсело, — крикнул он д`Эглизу. Тот, однако, сенатора в этом вопросе, похоже, поддерживать не собирался, неопределённо пожал плечами, однако в дискуссию вступать не стал. Центральный полузащитник — Пирри! — огласил диктор. Кто? — удивился сенатор.

- Да вы что, Марулл, — ответил д`Эглиз, пытаясь перекричать рёв стадиона, — не знаете эту легенду? Играя на позиции либеро, он заколотил больше ста мячей, — Лёня бы сказал вам, сколько именно. Увидите, — крутой игрок!

- Зинедин Зидан! — огласил диктор и стадион вновь взорвался приветственными криками.

- Смотри-ка, Зидан ещё волосатый — радостно крикнул сенатор графу, — его ладони уже начали болеть, но уделить великому французу меньше аплодисментов чем предыдущим игрокам сенатор счёл себя не в праве.

- Атакующие полузащитники — Альфредо ди Стефано, Криштиану Роналду и Франсиско Хенто! — раздалось в динамиках.

Сенатор испытал лёгкое злорадство, услышав, что Криштиану представили не отдельно, а наряду с остальными. Судя по кислому выражению лица португальца, взятого крупным планом, тот тоже был не в восторге от упоминания вместе с другими, да ещё и не самым последним. Марулл, как и многие, восхищался игрой и стабильностью Криштиану, не принимал участия в глупых спорах “Месси или Роналду”, однако всё же недолюбливал за самолюбование.

- Так, вроде десятерых огласили, — крикнул он д`Эглизу. Остаётся нападающий. Зубастик, разумеется?

- И наконец, капитан команды — Рауль Гонсалес Бланко!

- Эх ты, — Марулл крякнул от досады. Конечно! Рауль! Но, чёрт возьми, почему нет Иль Феномено? Неужели он слабее чем, скажем, Хенто?

- Как легенда “Реала”, Хенто, полагаю, явно достойнее, — ответил д`Эглиз, который тоже встал, как и все окружающие их болельщики и хлопал в ладоши, — вспомните, он единственный в истории шестикратный победитель кубка Чемпионов! А Роналдо попал в Реал уже на спаде, с лишним весом и постоянными проблемами с коленями.

Никакого сомнения, этот состав — однозначно самый легендарный, сенатор!

Ладно, честно говоря, я и так счастлив, — крикнул в ответ сенатор, не переставая аплодировать, — я до сих пор не могу поверить, какую игру сейчас увижу!
Кстати, интересно, судья достойный? Кто будет судить матч, вы не в курсе?
- Ну, не Тофик же Бахрамов, — фыркнул д`Эглиз, — Коллина, разумеется, — бессменный судья на всех играх братьев! А вот кто его помощники — это интересный вопрос, они всегда разные. Поговаривали, что сегодня будут Майкл Оливер и Кашшаи, — сами понимаете, бразильцы резко против...
— Отчего? — удивился Марулл, — ах да, красная Буффону… Помню, помню, он тогда назвал Оливера “человеком с мусорной корзиной вместо сердца”.
- Точно, точно… Для болельщиков Реала он с тех пор что-то вроде талисмана. Кстати, оказался мировым мужиком! И с Буффоном они теперь не разлей вода. Вот, гляньте.
- Камера, которая перестала показывать игроков на поле, начала выхватывать людей на трибунах, и сейчас действительно показывала Буффона, мило беседующего с сидящим рядом Майклом Оливером.
- Приятно видеть, — обрадованно сказал сенатор. Выходит, Оливер всё же не входит в судейскую группу сегодня. — Интересно, кто из знаменитостей ещё тут есть?
— В перерыве покажут побольше, — отозвался д`Эглиз, а пока тут есть дела поважнее.
И действительно, — камера переместилась на знаменитое лицо и легендарную лысину великого рефери. Коллина стоял возле центрального круга вместе с капитанами обеих команд — Раулем и Мауро Родосом, и в этот момент подбрасывал монетку. Очевидно, первая сегодняшняя дуэль осталось за легендой Реала, так как Рауль, тряхнув головой, указал на ворота, за которыми находились Марулл и д`Эглиз, а бразилец знаком показал своим сокомандникам, чтобы они готовились первыми разыгрывать мяч. Капитаны пожали друг другу руки, с улыбкой перекинулись парой фраз и. коротко обнявшись, разошлись к своим командам.
Стадион глухо загудел, постепенно наращивая громкость, достигшую своего апогея, когда Пьер-Луиджи Коллина дал свисток и Гарринча ткнул мяч в сторону Амарилдо. Игра началась.

ГЛАВА 6. СЕЛЕСАО — РЕАЛ МАДРИД

Сенатор напряжённо всматривался то в футбольное поле, то в экран, показывающий

игроков крупным планом. Бразильцы, владеющие мячом, сразу пошли в атаку. Причём, как показалось сенатору, именно “пошли”, а не побежали.
- Почему они такие медленные? — с волнением спросил он у д`Эглиза? — ощущение, что еле ноги волочат!
Граф улыбнулся: дружище, это — сборная 1962 года. Тогда, во-первых, все играли так, а во-вторых — не забывайте о физподготовке, — к игрокам в те годы были совсем иные требования. Мало кто из мировых звёзд футбола был столь же выносливым как рядовые игроки 21. века из условной второй Бундеслиги.
- Этот “Реал” их просто похоронит, — обречённо сказал Марулл, глядя на то как бразильцы неспешно перекатывают друг другу мяч, медленно приближаясь к штрафной Мадрида.
- А вот тут не спешите, дружище, — возразил д`Эглиз, — вы ещё не видели скорости ди Стефано и Хенто, — они, как вы помните, из той же эпохи. что и бразильцы. Добрая половина этого “Реала” будет ходить по полю пешком весь матч. Причём не только старая гвардия, — хмыкнул он, указав на одинокую фигурку Криштиану, наблюдавшего за атакой соперника, стоя возле центрального круга, уперев руки в бока. Кроме того… Так, погодите…
- Стадион зашумел, так как события на поле стали молниеносно развиваться. Получив мяч возле штрафной, Гарринча вдруг резко ускорился, словно с его ног спали гири. Лёгким и изящным финтом он убрал стоящего на пути Роберто Карлоса, который, не сумев предугадать его движение, пролетел мимо в напрасном подкате, и рванул к воротам Касильяса. Остальные бразильцы тоже словно преобразились. Амарильдо и Вава вбежали в штрафную, где со своим небольшим ростом сразу затерялись на фоне могучих Рамоса и Йерро.
- Что они делают? — воскликнул сенатор, — у них же нет шансов выиграть верх! Только не навес, Гарринча!
Но Гарринча и не думал делать навес. Ворвавшись в штрафную, он вынудил Йерро оставить опёку двух других нападающих и, сделав ложный замах, попытался разобраться с ним так же как и с Роберто Карлосом. Легендарный испанец, однако, не купился и спокойно, но очень внимательно следил за Гарринча, готовый в любой момент пойти в отбор или заблокировать удар. Бразилец сообразил, что взять Йерро на понт не выйдет и отдал изящный пас пяткой назад, за пределы штрафной, где его подхватил Зито. Йерро устремился к нему, так как Роберто Карлос ещё не успел подняться, а Зито, элегантно уйдя вправо, отправил мяч мимо защитника обратно Гарринча. Тот принял его почти у самых ворот, один на один против Касильяса, который уже расставил руки, присел и был готов отражать удар. Стадион взревел, но сквозь этот рёв кинжалом прорезался судейский свисток.

- Офсайд! — заорал сенатор, и досадливо рванул на себе пиджак, — ну как так-то? Кто там судит на линии, так его растак?
- Спокойно, сенатор, — крикнул д`Эглиз, заглушая шум стадиона, и от души смеясь, — если вы болеете за бразилов, то выбрали неправильный цвет одежды. Марулл покосился на свою белую рубашку и раздражённо застегнул пиджак.
- Между прочим, могли бы и предупредить, — крикнул он в ответ, вспомнив недавнюю обиду, — я полагал, что смогу переодеться прямо на стадионе, а вы не сказали, что это будет невозможно!
- Ничего, ничего, Вам очень идёт сливочный цвет, — ответил д`Эглиз. — На линии, кстати, судит Маркус Мерк из Германии.
- Хороший судья, — вынужден был признать Марулл, — значит, верим, что и впрямь был офсайд. Кстати, я удивлён, но рад, что Мерк и Коллина тут, с нами, как Вы считаете, д`Эглиз?
- Разве не очевидно, что все футбольные судьи попадают в ад? — ответил д`Эглиз. — Ладно, Марулл, давайте смотреть игру.
Инициатива тем временем была у “Реала”. Несмотря на слова графа о “хождении пешком”, разница в скорости двух команд почувствовалась сразу, едва мяч оказался у игроков королевского клуба. Разыгрывая со своей половины поля, они сразу включили скорость, которую Селесао выдали лишь у чужой штрафной.
Как раскалённый нож сквозь масло пройдя центр поля, Пирри устремился к воротам соперника.
- Ничего себе, — восхитился Марулл, — вы были правы, Пирри — зверь! — Вроде защитник, а гляньте, уже почти у ворот бразильцев!
д`Эглиз только улыбнулся. Впрочем, долго держать мяч Пирри не стал и, отпасовав Зинедину Зидану, немного отбежал назад. Француз, окинув быстрым взглядом поле, лёгким парашютом перевёл игру на правый край. Пас был вовсе не обостряющим, но таким точным и изящным, что Марулл залюбовался. Мяч плавно опустился прямо на ногу Хенто, набегавшего справа, а тот решил навесить на Криштиану, который изо всех сил сигнализировал рукой, что готов принять передачу и ударить по воротам. Хенто прицелился и сделал идеальный навес в центр штрафной. Мяч ещё был в полёте, Роналду разбегался, не сводя с него глаз, а сенатор уже возбуждённо повернулся к д`Эглизу и крикнул: Это, гол, дружище! Сейчас будет гол!
Криштиану взмыл в воздух, оставив низкорослых бразильцев абсолютно без шансов добраться до мяча, и с чудовищной силой пробил головой.
Сенатор хоть и не любил Роналду, в это мгновение не мог не залюбоваться его плавным полётом, мощью и неотвратимостью, которую излучал португалец, летевший к мячу.

Роналду ударил довольно бесхитростно, в самый центр ворот, но даже если бы вратарь стоял прямо у мяча на пути, он, вероятно, улетел бы в ворота вместе с ним, — столь мощным был удар. Однако Жилмар стоял чуть левее и среагировать на подобную пушку шансов у него просто не было. Мяч влетел в ворота, стадион взорвался рёвом и овациями, а Криштиану уже бежал через футбольное поле к трибунам, целуя эмблему “Реала” у себя на груди.

- Так не надо было в “Ювентус” уходить, — проворчал Марулл, не переставая, однако аплодировать... Криштиану добежал до края поля, подпрыгнул, развернулся и исторг из груди своё знаменитое “Си-и-и-иии-!”

- Я ж говорил, — уныло сказал Марулл, — “Реал” просто уничтожит этих пешеходов… Хорошо бы им потренировать выносливость, да посидеть на диете некоторым… Гляньте, какое брюшко у Загалло! Тогда, глядишь, в ответной игре и будут шансы!

- Это и есть ответная игра, — сказал д`Эглиз.

- Да? И какой же счёт был в первой? — поинтересовался Марулл с некоторым опасением.

- 4-2 в пользу “Селесао”, дружище — и граф похлопал изумлённого сенатора по плечу. — Я же говорил, не спешите с выводами. Всё же эта команда не просто так выиграла Чемпионат Мира, да ещё и без своей главной звезды.

Сенатору сложно было себе представить, что столь медлительные бразильцы смогут противопоставить мощи “Реала” с Криштиану на острие, но всё же решил не терять надежды.

Бразильцы тем временем разыграли мяч и вновь неспешно направились к воротам Касильяса. На этот раз атака шла через левый край, охраняемый Чендо. Сенатор только вздохнул, будучи не в состоянии представить, что сможет противопоставить полноватый Загалло, продвигающий мяч, испанцу, который в отличие от Роберто Карлоса, игравшего справа, был именно кровным защитником, а не нападающим, играющим в защите. Он не станет делать картинных, но бестолковых подкатов. Загалло, впрочем, похоже, знал это и без сенатора, так как даже и не пробовал вступать в борьбу с Чендо, а перевёл мяч в центр на Диди. И тут началась магия. Сенатор потом долго пытался вспомнить, что же именно произошло, — каким-то совершенно невероятным, чудесным образом, мяч словно ожил. Быстрыми, резкими пасами он перемещался то влево, то вправо, то вперёд, то назад, ныряя между линиями, порой словно огибая игроков, маняще пролетая мимо “сливочных” и всякий раз оказываясь в ногах у бразильцев. В этом бешеном круговороте, казалось, потерялась вся линия защиты “Реала”, игроки которой некоторое время беспомощно пытались перехватить мяч, но быстро сдались и просто держали строй, стараясь не пустить бразильцев к воротам. Однако остановить надвигающуюся лавину не было

никакой возможности и вскоре рванувшийся вперёд Рамос обнажил в обороне брешь, где тут же оказался Амарильдо. Он изящно принял мяч, бережно положенный ему прямо в ногу Гарринча, развернулся и, коротко размахнувшись, отправил его в нижний левый угол ворот. Гол!

- Гоооол! — взревел стадион.

- А-а-а-а-а! — не помня себя от радости заорал сенатор. — Вы видели? — кричал он д`Эглизу, хватаясь за голову! — Вы видели?? Волшебники! Волшебники! А-а-а-а-а!

- д`Эглиз, один из немногих зрителей, оставшихся сидеть на своём месте, смеясь, качал головой. — Видел, видел, Марулл. Как бы у вас инсульта не случилось от радости!

- Это. Очень. Круто!! — возбуждённо сказал сенатор и в порыве эмоций обнял друга за плечи. — Я ваш должник, д`Эглиз! Спасибо, спасибо, дружище, что привели меня сюда!

- Ах, не за что, не за что, сенатор. Следить за вами не менее интересно чем за матчем, — ответил д`Эглиз.

Матч продолжился. Селесао и клуб легенд Мадрида попеременно атаковали, однако успеха не имели. “Реал” давил мощью, скоростью и преимуществом в физике, бразильцы изящно отбивались, не давая делать навесы в штрафную и тем самым нейтрализовав Криштиану. “Реал” перестроился и игра шла в основном на Рауля и ди Стефано, которые однако, постоянно увязали в уступающей им в скорости, но очень умелой защите бразильцев. Те же со своей стороны тоже пока не могли вторично проломить оборону королевского клуба, хотя вновь провели несколько изящных мастерских атак, и когда Пьер-Луиджи Коллина, глянув на часы, дал свисток на перерыв, табло по-прежнему показывало счёт 1-1.

- Уффффф, — откинулся на спинку сидения сенатор, — вот это матч! Магия против физики! Класс!

- Согласен, дружище, согласен, — ответил д`Эглиз, обмахиваясь откуда-то взятым листом картона словно веером. И впрямь, несмотря на зашедшее солнце, было очень жарко и сенатор, так и не снявший пиджак, чувствовал, что мокрая от пота рубашка прилипла к спине.

Тем временем, проведать друзей в перерыве подошёл Лёня. Сенатор был очень рад его видеть, так как жаждал поделиться впечатлениями.

- Как у вас дела? — осведомился Лёня невозмутимо, стоя в проходе и наклоняясь над головами друзей, чтобы его было слышно.

- Всё замечательно, Лёня, — я просто счастлив, — ответил Марулл улыбаясь, — признаться, чувствую себя мальчишкой. Жаль только, что не получилось увидеть Пеле. Ах, да, и Зубастика Роналдо, конечно. Впрочем, д`Эглиз меня убедил, что Хенто

предпочли ему по праву.
- Хенто тут ни при чём, — пожал плечами Лёня. — Иль Феномено в голосовании обошёл Криштиану Роналду.
- Вот как? Отчего же тогда играет португалец, а не он? — удивлённо спросил Марулл.
- Против Бразилии? — в свою очередь изумился Лёня. — Да никогда в жизни. Это Роберто Карлос не такой принципиальный, чтобы не играть против своей сборной. А Роналдо...
Луи́с Наза́риу ди Ли́ма, которого Вы столь уничижительно называете Зубастиком, играет за легенд “Реала” во всех других матчах вместо Криштиану, обычно на позиции ложной, а не чистой девятки, так как Рауль и Альфредо ди Стефано, разумеется — на острие. Впрочем, увидеть Иль Феномено Вы вполне можете, он сидит на несколько рядов впереди вас.
Сенатор запоздало сообразил, чьё именно лицо показалось ему знакомым и наклонился вперёд, пытаясь высмотреть в рядах болельщиков Роналдо, что было не так просто со спины.
- Вот он, дружище, — пришёл на помощь д`Эглиз указывая на грузную фигуру, одетую в жёлто-зелёную бразильскую футболку со сливочно-белыми рукавами. Этим легендарный нападающий, видимо, всё же отдавал дань уважения своему клубу, будучи не в силах болеть против Бразилии.
- Эххх, — вздохнул Марулл, — что ж, может быть, увижу его ещё на какой-нибудь игре…
- Вполне возможно, — отозвался д`Эглиз, — ведь Лёня, несомненно, захочет отыграться на ставках, не так ли?
- Я охотно с вами сыграю, граф д`Эглиз, — ответил Лёня. Однако мне всё же хотелось бы более точно знать, что именно Вы выставляете в качестве лота. На билеты сюда, как вы знаете, охотников очень много.
- Ну что ж, справедливо, отозвался д`Эглиз, и, немного подумав, лукаво улыбнулся и сказал: Я ставлю годовой абонемент на посещение совершенно эксклюзивного, индивидуального вида спорта с нарастающей сложностью. Гарантирую полное эмоциональное и физиологическое вовлечение в процесс!
Лёня задумался. — Мне не нравятся ваши условия, граф, — с сомнением сказал он, поправляя галстук, — слишком большой простор для интерпретаций. И зная вашу любовь к розыгрышам, я подозреваю, что ваша ставка может оказаться пустышкой.
- В таком случае, Лёня, быть может вы сыграете со мной? — спросил Марулл.
- А что готовы поставить вы? — заинтересовался Лёня.
- Ну… Не знаю..., — честно признался сенатор. А на что бы вы согласились, Лёня?
- Что ж, — сказал Лёня, подумав, я был бы готов сыграть с Вами, если Вашей ставкой

будет обещание на следующую игру сопроводить меня и обсудить после матча его важнейшие события за чашкой чая.
- И только-то? — удивился Марулл, — с большим удовольствием, Лёня, — более того, я согласен на это без всякой ставки и буду очень рад подобной возможности.
- Марулл, — крикнул д`Эглиз смеясь, — вы не знаете, на что соглашаетесь! Вам интересно будет слушать весь вечер о том, насколько влажность воздуха по мнению Лёни повлияла на артериальное давление игроков и тем самым нивелировала преимущество одной команды над другой?
- А почему бы и не послушать? — улыбнулся сенатор, — Лёня, я — ваш на следующий же матч, на который Вы решите меня пригласить.
- Мне это доставляет радость, — великодушно сообщил Лёня, — кстати, как бы Вы оценили текущий матч?
- Оооо, это прекрасно — искренне ответил сенатор.
Лёня явно ждал более развёрнутого ответа и его брови удивлённо поползли вверх, когда он увидел, что развивать мысль сенатор не спешит. Он решил продолжить разговор сам:
- Но вы, конечно, обратили внимание, что бразильцы сделали на шестнадцать передач больше “Реала”, пробежав, однако, существенно меньше — в среднем, около четырёх километров на игрока? Между прочим, это меньше чем пробегали даже голкиперы в Премьер-Лиге начала двухтысячных годов!
- Ээээ, — не обратил внимания, — сказал Марулл, и увидел по лёниному взгляду, что сильно упал в его глазах, — честно говоря, я просто... Эээ… наслаждался игрой.
- Наслаждались игрой, не следя за статистикой? — спросил Лёня, глядя на Марулла поверх очков.
Марулл не успел ответить, его спасло то, что зрители на стадионе внезапно оживились и разразились овациями, увидев, что игроки вновь выходят на поле.
- Что ж, увидимся после матча, — сказал Лёня. Никуда не уходите, я сам к вам подойду по окончании и вы отвезёте меня домой.
- Есть, шеф, — отозвался д`Эглиз и вскинул руку подзывая разносчицу мороженого, — дайте нам, милая, шоколадное и кокосовое, — попросил он.
Девушка не глядя запустила руку в лоток, висевший у неё на груди и, достав оттуда две порции мороженого, протянула графу.
- Честно говоря, я не люблю ни шоколадное, ни кокосовое, — сказал сенатор.
- А при чём тут вы? — удивился д`Эглиз, — эти два — мои, а если вы, обжора, тоже хотите сладкого, то пользуйтесь моментом. — И он с удовольствием запустил зубы в шоколадное мороженое в вафельном стаканчике.
— Извините, — закричал сенатор уже начавшей уходить от них девушке, — можно

мне тоже? Можно ванильное?
- Ванильного нет, — довольно неприветливо отозвалась та, заглянув в свой лоток.
- А какое есть? — спросил Марулл. Он начинал чувствовать дискомфорт, лишившись привычного всемогущества.
- Шоколадное. И Кокосовое. — равнодушно сказала продавщица, глядя мимо сенатора.
- Хорошо, давайте кокосовое.
Девушка глубоко вздохнув выудила из лотка стаканчик и передала его Маруллу.
- Спасибо, — сказал тот, сопроводив благодарность вежливой улыбкой.
Но разносчица не оценила его дружелюбие, так как сразу отвернулась и пошла дальше по проходу.
Сенатор тоже впился в мороженое зубами и нашёл, что оно вполне достойное. — Отчего я раньше не любил кокосовое? — спросил себя сенатор и, после некоторых размышлений, вынужден был себе признаться, что он его попросту никогда не пробовал. С детства привыкнув к одному сорту, Марулл не воспринимал всерьёз, что мороженое с другим вкусом — это тоже мороженое. — Насколько всё же мы рабы условностей, — подумал он, — и насколько печально, что нужно было умереть, чтобы начать это осознавать. Он наклонился к д`Эглизу, который попеременно откусывал то от одной, то от другой порции. — Прекрасное мороженое, — сказал он, — замечательная идея, граф!
- Заходите ещё, — кивнул д`Эглиз, — как только вам понадобится избавиться ещё от какой-нибудь скрепы, — обращайтесь. Мороженое, впрочем, так себе... Я угощу вас как-нибудь настоящим, итальянским, а не этой стадионной шнягой.
Впрочем, мороженое граф уплетал с заметным удовольствием. — Кстати, Марулл, — сказал он, вытягивая руку со стаканчиками уже начинающего подтаивать лакомства, чтобы не закапать шорты — раз уж Лёня даёт вам билет на халяву, а меня оставляет вовсе без шанса попасть на матч, — давайте заключим какое-нибудь пари с вами!
- Что ж, — ответил Марулл, поразмыслив, — почему бы и нет?
- Мою ставку вы знаете, — сказал д`Эглиз.
- Абонемент в спортзал? Вы шутите? — недоверчиво спросил сенатор.
- Вовсе нет, отнюдь.
- Да ну вас! Ерундой заниматься, — отмахнулся Марулл. — Я готов выиграть пари, чтобы не брать ваш абонемент.
- Ловлю на слове, — обрадовался д`Эглиз, — если вы выиграете, то не возьмёте мой абонемент, зато если проиграете, то будете целый год дисциплинированно ходить туда.
- Вы же в курсе, что год я могу прокрутить за секунду? — сказал Марулл.

- Я в курсе, что Вы этого не сделаете, — ответил д`Эглиз, опрокидывая оба стаканчика и выливая в рот остатки растаявшего мороженого, — слишком уж вы любите условности… Ну, так кто сегодня победит?
- Что ж, — сказал сенатор. Я поставлю на бразильцев, больно уж они мне нравятся. При всей моей любви к Зидану, — добавил он.
- Ладно, — легко согласился д`Эглиз, — ставлю на сливочных.
Камера тем временем выхватывала из зрительских рядов всё новые лица, некоторые из которых были Маруллу знакомы. Он с удивлением узнал в стройном черноволосом красавце с яркой чернобровой спутницей молодого Флорентино Переса лет тридцати пяти на вид, который, смеясь, переговаривался о чём-то с сидящим рядом Жозе Моуриньо.
- Кстати, а кто тренирует команды? — спросил он у д`Эглиза.
- Бразилию, разумеется, Морейра Айморе, которые и тренировал их в 62м году, — ответил тот. Ну а Реал… Ни за что не отгадаете!
- Не отгадаю, — согласился сенатор, хотя, погодите… Я, пожалуй, поставлю на Мигеля Муньоса. Он тренировал “Реал” дольше всех, наверняка имеет огромный авторитет... Кроме того, Зидан — на поле, значит, не он… Да, я скажу — Муньос!
- Нет, дружище. Вы не поверите, но главный тренер… А впрочем, — смотрите сами — и он указал на скамейку запасных, с которой как раз встал лысый человек в костюме и, оживлённо жестикулируя у кромки поля, что-то говорил Альфредо ди Стефано.
- Не может быть! — ошеломлённо сказал сенатор и даже протёр глаза. Невероятно! Гвардиола? Тренирует “Реал”??!
- Да, мой друг, — смеясь ответил д`Эглиз.
- Но почему? — воскликнул Марулл, всплеснув руками. — Это выше моего понимания. Ведь есть столько гениальных тренеров в истории “Реала”, — тот же Муньос, Анчелотти, дель Боске! Моуриньо, наконец! Как они могли взять главным тренером легенду Барсы?? И ещё невероятнее — как он мог согласиться???
- Это джентльменское соглашение между Барсой и Реалом, — ответил д`Эглиз, — так как тренером можно выбрать лишь одного, то предпочти они кого-то из легенд “Реала”, то вызвали бы кровную обиду остальных. Да и болельщики бы разделились и устроили бы междуусобицу. Так, кстати, поначалу и было, и чуть не кончилось тем, что и тренеры и игроки вообще начали отказываться участвовать в играх, настаивая на своих протеже.
Тогда и было найдено соломоново решение, — на одной из встреч футболистов и тренеров с братьями Паласиос, Жерар Пике от отчаяния, скорее в шутку предложил, — а давайте "Реал" будут тренировать бывшие тренеры “Барсы”, и наоборот. Как ни странно, это предложение всех устроило. Болельщики, поворчав, тоже согласились на

этот компромисс, если выбор состава останется за ними. Так и живём. А Муньос и дель Боске по очереди тренируют Барсу.
- А остальные? — спросил Марулл.
- Ну вы же сами видите, — кивнул д`Эглиз на экран, вновь выхвативший Моуриньо, пребывающем, судя по выражению лица, в прекрасном настроении, — они не особо рвутся... Тренировать-то нужно по-настоящему...
- А Гвардиолу как уговорили?
- А Гвардиола проиграл Пересу на тотализаторе, — усмехнулся д`Эглиз.
- Откуда вы знаете такие тонкости, — спросил сенатор, — или они не закрывали эту информацию от других?
- Ещё как закрывали, — сказал д`Эглиз, отправляя в рот сморщенный вафельный стаканчик и, быстро проглотив его, добавил, — но у нас же есть Лёня. Он в теме, как вы успели заметить, и из него не так сложно выудить информацию, если правильно с ним обращаться.
- А как с ним правильно обращаться? — с интересом спросил Марулл.
- Задавать прямые вопросы, — пожал плечами д`Эглиз. Слыхали такую старую шутку? Встречаются две подруги, одна другой говорит:
— Вы зачем рассказали синьоре Монтани, что я встречаюсь с маркизом Висконте?
- Ох, простите, моя дорогая, но синьора Монтани из меня это выпытала.
- Как выпытала?
- Ну... Спросила, чего нового...
И д`Эглиз первым расхохотался. Сенатор добродушно вторил ему. Тем временем Криштиану Роналду и ди Стефано уже расположились в центральном круге, игроки обеих команд заняли свои позиции и Пьер-Луиджи Коллина дал свисток к началу второго тайма. Сенатор мгновенно переключился с разговора на происходящие на поле события.

После перерыва игра приобрела совершенно иной характер. Похоже было, что бразильцев вполне устраивает ничья: они ещё ленивее чем в первом тайме перекатывали мяч друг другу. Вспомнив, что первую игру Селесао выиграли 4-2, Марулл сообразил, что, скорее всего, бразильцы играют на удержание счёта. Зато мадридский "Реал" соглашаться с ничьей не собирался. Их напор становился всё мощнее, атаки всё опаснее и злее. Участились свистки и появились первые жёлтые карточки бразильским защитникам, которым всё сложнее становилось сдерживать трио Хенто, Рауля и ди Стефано. Они раз за разом находили пространство между линиями и уже не единожды опасно пробили по воротам. Счёт, однако, до семидесятой минуты оставался прежним, зато потом "Реал" с промежутком в пару минут забил

сразу два. И как забил!
Два угловых подряд, заработанных ди Стефано, после которых мяч нашёл голову Зидана. Стадион ревел в экстазе! "Зизу, Зизу” — скандировали болельщики.
- Как символично, — крикнул д`Эглиз, который тоже наконец-то по-настоящему увлёкся игрой и стоял рядом с сенатором, вцепившись в поручни. — Вы помните, Марулл? Финал Чемпионата мира в Париже и два таких же гола от Зидана после угловых!
- И тоже против Бразилии! — закричал сенатор, не в силах сдержать восторг, хоть и продолжал болеть за Селесао.
- Ага! Батя зарешал! — и д`Эглиз согнул руку в локте, демонстрируя объёмный крепкий бицепс. — Марулл, благодаря Зидану Вы всё ближе к годовому абонементу!
- Ещё не вечер, — возразил Марулл. — остаётся пятнадцать минут, да ещё наверняка добавят немного!
Тем временем бразильцы, похоже, бесславно проигрывать подобным образом вовсе не собирались. Они вновь включили режим командной магии и к девяностой минуте под рёв трибун сравняли счёт.
- Опять символизм, — крикнул д`Эглиз Маруллу прямо в ухо, ибо шум был такой, что сенатор иначе его бы не услышал. — За Бразилию забили Амарильдо, Зито и Вава!
- И что же?
- Именно эта троица оформила три мяча в финале 62 года! И притом в таком же порядке!
Между тем, сравняв счёт, Селесао окончательно выдохлись и, похоже, решили засушить игру. Шла девяносто первая минута матча, Вава, подхватив мяч, увёл его к угловому флажку и, прикрыв корпусом, откровенно тянул время. Стадион огласил пронзительный свист трибун. — Да, нехорошо, — покачал головой Марулл, — а главное — зачем? Не корову ж проигрывают!
Тем временем Вава всё же упустил мяч после бешеного двойного прессинга Хенто и Зидана, и те немедленно наказали бразильцев стремительным прорывом, молниеносно протащив мяч через всё поле. Завершая атаку Зидан обошёл трёх заметно вымотанных защитников, вышел один на один, но не стал пробивать, а филигранно выкатил мяч на Криштиану, которого не было видно весь второй тайм, но оказавшегося, как всегда, в нужное время в нужном месте. — 4-3! Готовьтесь, Марулл, — прокричал д`Эглиз, — вот абонемент! Он и впрямь вытащил из кармана какой-то листок и помахал им перед носом Марулла. Вместо ответа сенатор красноречиво похлопал себя по левому запястью.
Время и впрямь ещё было. Шла девяносто четвёртая минута, однако у бразильцев, похоже, уже не было сил на атаки, и они бросили последние ресурсы на удержание обороны. Реал обрушил на штрафную Селесао шквал разнообразнейших атак и

терзал их то с флангов, то по центру, то опаснейшими навесами. Однако мяч никак не хотел идти в ворота. Сенатор заметил, что Коллина глядя на часы, уже берёт в рот свисток, как вдруг один из защитников, Мауро, пытаясь заблокировать опасный пас Хенто метрах в тридцати от ворот, влетел ему прямой ногой в голень. Хенто покатился по траве, открыв рот в отчаянном крике, не слышном в возмущённом рёве трибун. Испанец лежал на земле, к нему уже бежали футболисты обеих команд, начались толчки и крики в лицо друг другу, однако Коллина быстро пресёк готовую начаться потасовку, показал Мауро красную карточку и решительно отправил его в раздевалку. Тот беспрекословно подчинился, а Коллина спреем из баллончика нарисовал на земле точку и указал, где должна стоять стенка.

Хенто, тем временем, уносили с поля на носилках.

- К чему этот цирк? — поморщился Марулл — или братья Паласиос и травмы тут допускают настоящие?

- Разумеется, — ответил д`Эглиз. — Когда Хенто покинет стадион, у него, конечно, сразу всё заживёт, но поверьте, сейчас ему очень больно. Игра, впрочем, почти закончена, так что его отсутствие уже не скажется на результате. Полагаю сейчас последний штрафной, и всё.

- Интересно, кому доверят пробить? — спросил сенатор, чувствуя, что у него от волнения вспотели ладони.

- Шутите? — недоверчиво покосился на сенатора д`Эглиз. — Последние секунды матча и штрафной в тридцати метрах от ворот. Давайте подумаем, кто же будет пробивать?

- Конечно!! — воскликнул сенатор, хлопнув себя ладонью по лбу. — о, нет! Только не это, — проговорил он, с беспокойством глядя как к точке медленно подходит Роберто Карлос. Бразилец обстоятельно примял траву, долго осматривал мяч, крутя его в руке и наконец осторожно установил в нужном положении. Затем отошёл метров на пятнадцать и сосредоточенно замер, ожидая сигнала судьи. Зрители, разумеется, помнили знаменитый гол Роберто Карлоса англичанам. Расстояние и позиция сейчас были примерно те же. Трибуны смолкли.

Было заметно, что и бразильцы знают, как их соотечественник бьёт штрафные, и не собираются недооценивать опасность момента. — О, нет, простонал Марулл, — я не выдержу, если Карлос положит такой гол на последних секундах своим! Бразилии! Он просто не может так поступить!

Но Карлос смог. Как в замедленной съёмке Марулл увидел длинный, ускоряющийся разбег Роберто Карлоса и пушечный выстрел, пустивший мяч по неимоверной дуге в обход стенки. Это был удар — брат-близнец того, английского. В тот же угол. И вратарь, предугадав неотвратимое, стоял в правильном месте. Однако среагировать

на чудо-выстрел он всё же не успел. Взмахнув рукой, Жилмар лишь слегка коснулся пролетевшего мимо него снаряда перчаткой.
Вместо ожидаемого рёва трибун, воцарилась гробовая тишина. Затем зрители на трибунах поднялись и один за другим начали аплодировать.
- Надо отдать должное Роберто Карлосу, — сказал Марулл, тоже вставая в осознании величия момента и хлопая в ладоши, — он не празднует этот шедевр! И вправду, вид у Роберто Карлоса был невесёлый. Вместо того чтобы праздновать с Реалом, он внезапно побежал к северной трибуне, окрашенной в жёлто-зелёный цвет, приложил руку к сердцу и затем взглянул вверх, сложив ладони в молитвенном жесте. Попросив таким образом прощения у бразильских болельщиков, Роберто Карлос поклонился трибуне, развернулся, и побежал к центру поля. Финальный свисток уже был дан и футболисты обнимались, похлопывали друг друга по спине и менялись футболками. Так как после травмы Хенто игроков Реала на поле осталось на одного больше, одному из них не с кем было меняться своей футболкой и он, сняв её, подбежал к центральной трибуне и с размаху швырнул болельщикам.
- Вот кому-то повезло, — протянул Марулл завистливо.
- Не плачьте, дружище, если хотите, я вам отдам мою футболку и даже подпишу, если пожелаете, — утешил его д`Эглиз.
- А давайте! — Марулл похлопал графа по плечу, — повешу её на стену в гостиной, будет память о сегодняшнем вечере.
- Решено! Настаивать на ответной любезности не стану, — весело ответил д`Эглиз, бросив взгляд на помятую и пропотевшую рубашку сенатора, видневшуюся из-под пиджака.
- Ну что ж, 5-3. По итогам двух встреч выходит боевая ничья, 7-7, и я этому несказанно рад, — сказал Марулл, поглядывая на экран, на котором появился прихрамывающий Хенто, вернувшийся на поле, чтобы обняться с игроками команды-соперника.
Затем обе команды сделали круг по стадиону, останавливаясь против каждой трибуны и благодаря зрителей аплодисментами. После того как они побывали у сектора, где находились Марулл с графом, и сенатор смог увидеть легендарных футболистов вблизи, разглядеть этих людей, таких молодых, сильных, ровесников, которых при жизни на Земле разделяли многие десятилетия, сенатор почувствовал, что он уже вряд ли сможет вместить в этот вечер ещё хоть сколько-нибудь впечатлений и заозирался по сторонам в надежде увидеть приближающегося Лёню, которого они обещали дождаться прежде чем покинуть стадион.
Зрители тем временем гуськом потянулись к выходам. Атмосфера была радостная, футбольный праздник сегодня подарил зрителям эмоций больше чем можно было пожелать, белые и жёлто-зелёные формы смешались в одну большую толпу,

разделившуюся на маленькие ручейки, и стадион начал быстро пустеть.
Подошёл Лёня, как обычно, невозмутимый, однако сенатор с удивлением заметил, что его пиджак порван, а на щеке красуется свежая царапина.
- Лёня, дорогой мой, — воскликнул д´Эглиз, — что с вами? Вы подрались с разносчиком пирожков, защищая честь какой-нибудь благородной дамы?
- Нет, граф, вы ошибаетесь, — серьёзно ответил Лёня, — пойдёмте, я бы хотел побыстрее попасть домой, чтобы записать свои послематчевые выводы, пока они свежи в памяти.
У друзей не было возражений, они влились в поток уходящих со стадиона зрителей и вскоре оказались на улице.
Марулл достал из кармана брелок в форме “Фантома”, подошёл к свободному от машин месту у обочины дороги и, хулигански подбросив брелок в воздух, хлопнул в ладоши.
Красавец-кабриолет послушно образовался на том месте, где его хотел видеть сенатор и Марулл едва успел схватить за плечо д`Эглиза, двинувшегося было к водительской двери.
- Ну уж нет, д`Эглиз, — обратно я еду за рулём, забыли? — и Марулл решительно устремился к правому борту автомобиля.
- Не забыл, не забыл... Однако надеялся, что забыли вы, — с досадой сказал д`Эглиз,
- Ха! — Марулл любовно погладил руль, — я только что стал обладателем этой чудесной машины, и вы вправду думали, что я собираюсь вечно кататься пассажиром?
- Уважаемые спутники, прошу вас, поспешим домой, — напомнил о себе Лёня, усаживаясь на заднее сиденье.
- Нет возражений, поехали! — Марулл, поморщившись, возвратил в кокпит автоматическую коробку передач, мотор взревел, “Фантом” сорвался с места и понёсся по вечерним улицам Палассио-Сити.
- Ну что, Лёня, как у вас впечатление о матче? Концовочка-то, а? — спросил д`Эглиз, развалясь на переднем сидении.
- Качество игры оставляло желать лучшего, — пожал плечами Лёня, — от этих составов я ожидал большей мастеровитости. — Ни разнообразия командных атак, ни особого индивидуального класса показано не было. Особенно разочаровал в этом плане Мадрид. Вы обратили внимание, как скучно и предсказуемо они провели последние двадцать минут матча?
— Марулл, который не мог припомнить более напряжённой концовки, чем это было в сегодняшнем матче, недоумённо поглядел на Лёню в зеркало заднего вида.
- Простите, Лёня, — не выдержал он, — а можете ли вы положительно отметить чью-нибудь игру сегодня? Был ли по вашему мнению кто-то, кто сыграл достойно?

- Все сыграли неплохо, — сдержано ответил Лёня, — но действительно интересной игры показано не было ни одним из участников.
- А Зидан? — выпалил сенатор, — Как же прекрасный Зизу? А гол Роберто Карлоса со штрафного на последних секундах! Это же великий гол, Лёня!
Лёня вновь пожал плечами. — Роберто Карлос забил со штрафных 26 голов за один лишь “Реал” — сказал он. — Что же тут удивительного? Что нового? Что же касается Зидана — ну подставил два раза голову под мяч после углового. О чём тут говорить?
- А его проход через всё поле в концовке матча и голевой пас на Роналду? — вновь вступился Марулл за реноме француза.
Лёня задумался. Затем признал: — да, это было неплохо.
У сенатора потеплело на сердце. Лёнино “неплохо” дорогого стоило.
Вскоре они подъехали к уже знакомому дому. Марулл вышел и откинул сидение, чтобы выпустить Лёню из машины. Тот выбрался, поправил сумку на плече и протянул сенатору руку.
- Благодарю Вас за транспорт и за беседу в автомобиле, — сказал он, — до свидания, граф д`Эглиз, — и Лёня направился к дому.
- Погодите, — остановил его Марулл. Лёня, прошу Вас, скажите, что с вами случилось? С кем вы сражались и откуда царапины и порванная одежда?
- Ах, это… — Лёня бросил взгляд на пиджак. — Пришлось постараться, чтобы заполучить футболку Пирри, которую он бросил на нашу трибуну… — сказал, он, хлопнув ладонью по своей сумке.
И улыбнулся в первый раз за вечер.

ххх

Высадив Лёню, Сенатор с д`Эглизом некоторое время ехали молча. Сенатор вдруг остро ощутил потребность оказаться дома. Конечно, физически он не устал, однако ему, как обычно, бывает после яркого, полного впечатлений дня, захотелось покоя — быть может, сесть у камина, взять чашку горячего шоколада и смотреть на тихо потрескивающие дрова. Это желание было даже сильнее чем удовольствие, которое сенатор до сих пор испытывал, сидя за рулём своей прекрасной машины.
- д`Эглиз то ли разделял ощущения сенатора, то ли просто прочувствовал состояние друга.
- Ну что, старина, — сказал он, слегка усталым, как показалось Маруллу голосом, когда они пересекли зелёную границу и покинули Паласио-Сити, — Не пора ли нам баиньки?
- Да, да, граф, — ответил сенатор, — сейчас я вас довезу и отправлюсь к себе. — Не

сочтите за бестактность, я наслаждался и продолжаю наслаждаться вашим обществом, но немного устал… — Маруллу было очень неловко, но он всё же закончил, выдавив из себя: может быть, мы немного сократим дорогу до дома, если Вы конечно не против?
- Сколько прелюдий и экивоков, дружище, — отозвался граф, — давайте без этих расшаркиваний, — мы провели классный вечер, вы как обычно были очаровательны, но я тоже устал от Вашей физиономии — насчёт “сокращения дороги”, сделаем ещё проще, сенатор, — Вы, как обычно, забыли, где мы находимся и всё хотите усложнить.
— Бывайте, дружище, — я прямо отсюда отправляюсь к моей Бесс, — не дожидаясь ответа от Марулла, он дружески хлопнул его по плечу и исчез.
- И впрямь, — опять забыл, — досадливо подумал Марулл. — У него появилась мысль подобно д`Эглизу моментально оказаться дома возле камина, с уже запаркованным в гараже “Фантомом”, однако ему так уютно было ехать по ночной дороге, одному, в тишине, что Марулл решил ещё немного насладиться ездой. Кроме того, ему хотелось завершить вечер “по-настоящему”, — подъехав к дому, загнав машину в гараж, переодевшись и разогрев шоколад на плите. Вот тогда это будет и впрямь красивый и правильный финал, — подумал он. Он договорился сам с собой, что ехать ему ещё минут двадцать, и, сбавив скорость почти до нуля, закрыл крышу кабриолета. Маруллу не было холодно, но ему внезапно захотелось послушать музыку, и сделать это без посторонних звуков и шума улицы и мотора. По какой-то причине сенатор, который пару часов назад так скучал по своему всемогуществу, теперь хотел добиться тишины исключительно естественным путём.
В машине стало очень тихо, и сенатор задумался над тем, какую песню он хочет услышать. Песня пришла на ум сама по себе, — Марулл улыбнулся и кивнул в сторону стереосистемы. Из колонок раздались первые аккорды, сенатор с наслаждением прослушал вступление и затем, легонько постукивая по рулю пальцами в такт, тихо запел, вторя Элтону Джону:

When are you gonna come down?
When are you going to land?
I should have stayed on the farm
I should have listened to my old man

На сердце у Марулла отчего-то стало очень грустно. Его охватила какая-то пронзительная, щемящая тоска... Он вслушивался в голос певца и каждая строка этой песни, казалось, шла из самой глубины вселенной, отзываясь в его душе горько-сладкой полынью.

So goodbye yellow brick road
Where the dogs of society howl
You can't plant me in your penthouse
I'm going back to my plough

На последних словах голос сенатора задрожал и он почувствовал, как по его щекам покатились слёзы... Песня уже закончилась, но он продолжал снова и снова повторять:

Прощай, прощай, дорога, вымощенная жёлтым кирпичом…

Всё происходящее, прекрасно проведённый день, футбол, всемогущество, бессмертие… Всё вдруг показалось ему таким жалким, пустым, ненастоящим… Он отчего-то вспомнил как, будучи маленьким ребёнком, смотрел с отцом на Рождество волшебное, сказочное представление бродячего театра, а после финала случайно забрёл за кулисы и увидел, как нетрезвые грузчики разбирают на части чудесный, красочный мир и, отпуская похабные шутки, закидывают в тёмный, вонючий кузов старого грузовика замки, радугу, рыцарские доспехи и остальной реквизит, мгновенно потерявший всю свою сказочность и прелесть.

Прощай, дорога, вымощенная жёлтым кирпичом…- в последний раз медленно проговорил Марулл и смолк. Он вдруг понял, что теперь ему нужна другая песня. Он вытер мокрые щёки рукавом, на секунду прищурился, а затем до пола вдавил педаль газа и распахнул глаза, как бы бросая вызов, кинувшейся ему навстречу дороге. Под звуки органа, под первые аккорды своей любимой песни Queen, он мчался всё быстрее и быстрее, и, достигнув предела скорости “Фантома” они с Фредди запели:

Empty spaces, what are we living for?
Abandoned places, I guess we know the score, on and on
Does anybody know what we are looking for?

“Фантом” белой тенью мчался по пустой ночной дороге. Спидометр показывал двести шестьдесят. Сенатор счастливо засмеялся и вскинув левый кулак кверху, заорал, добавив системе громкости до максимума:

I'll top the bill
I'll overkill

I have to find the will to carry on
Ohhh with the show!!!

Последние звуки затихающего голоса Меркьюри умолкли, сенатор протянул руку и зачем-то выключил уже замолкнувшую стереосистему.

Что ж, сказал он, подняв голову к небу, — шоу должно продолжаться! И он сбросил скорость, подъезжая к своему дому. Ему уже не хотелось ни камина, ни горячего шоколада. Он остановил автомобиль прямо посреди дороги, вышел из него и направился к дому, не заглушая мотор и не закрывая дверь. Не глядя махнул рукой, и “Фантом” послушно исчез, растворившись в ночных сумерках.

ГЛАВА 7. ВЕЧЕРНИЙ ЭКСТРАКТ

Марулл в последний раз придирчиво оглядел себя в большом зеркале, поправил и без того сидящую идеально бабочку, осторожно пригладил набриолиненные волосы и, остался весьма доволен своим внешним видом. Несмотря на то, что в последнее время он сдавал позиции и всё реже пользовался счётом времени, одевался свободно и удобно, отправляясь в гости к Лиону, он всё же до сих пор облачался в смокинг или костюм. Его визиты тем самым были обставлены несколько торжественно и Лион, поначалу посмеивавшийся над Маруллом, последние несколько раз и сам принимал его в костюме, впрочем — вероятно умышленно — довольно неряшливом и постоянно топорщившимся. Ехать на машине у сенатора отчего-то не было настроения, так что он просто зажмурился и через мгновение открыл глаза, стоя уже прямо перед домом Лиона, — небольшим коттеджем посреди полей и лугов, сообразно характеру хозяина неряшливо заросшим плющом, так что видна была лишь входная дверь и окна.
Он ещё раз поправил бабочку и, взойдя на крыльцо, постучал.
Входите, входите, мой друг, — донёсся до него глухой голос Лиона из глубины дома и Марулл, толкнув дверь, оказался внутри.
- Проходите скорее в гостиную, — вновь услышал он Лиона, — простите, что не встречаю вас на пороге, но право, я так уютно расположился в кресле, что совершенно не расположен вставать. Марулл поймал себя на том, что ещё пару встреч назад серьёзно обиделся бы на подобную бестактность и столь откровенное в ней признание, однако теперь лишь порадовался про себя, что их отношения с Лионом становятся всё проще и искреннее.
- Добрый вечер, Лион, — проговорил сенатор, входя в комнату, — ничего страшного, я Вас прекрасно понимаю. Честно говоря, тоже с удовольствием готов провести этот вечер в кресле.

- В таком случае, присаживайтесь, друг мой, и позвольте угостить Вас замечательным виски. Маруллу не хотелось алкоголя, однако чтобы не обижать друга, он склонил голову и с благодарностью принял из его рук стакан, в который Лион плеснул из початой бутылки, стоящей прямо на полу рядом с его креслом.
- Мой дорогой сенатор, Вы простите мне, что я позволил себе ещё до Вашего прибытия начать дегустацию?
- Что Вы, Лион, это совершенно меня не смущает, если Ваш ум достаточно ясен для хорошей беседы.
- Если быть откровенным, — покачал головой Лион, — уже не совсем ясен, однако без пищи для ума я Вас сегодня не оставлю. Предлагаю вместе посмотреть выпуск новостей.
- Новостей? — удивился Марулл, — такое тут есть? И что, кому-то это надо?
- Представьте себе, — есть и пользуется весьма большой популярностью! Информационной ценности у таких программ, разумеется не много, однако развлекательной — вполне, особенно, если сделано одарённым и мастеровитым человеком!
- Что ж, любопытно, — сказал Марулл, закидывая ногу за ногу, — давайте ознакомимся.
Лион не стал по-пижонски щёлкать пальцами как д`Эглиз или закрывать глаза подобно сенатору. Он просто устремил взгляд на стену, которая моментально превратилась в большой светящийся экран, где шёл обратный отсчёт секунд под громкое тиканье.
Когда отсчёт дошёл до нуля, на экране появился худощавый человек, сидящий на фоне красивого камина и смотрящий в глаза зрителям строгим и внимательным взглядом серых глаз. Он был одет в яркий пиджак малинового цвета поверх чёрной рубашки, на шее его красовался шёлковый платок. На ведущего программы новостей он походил мало, — своим изящным облачением и аристократической осанкой он скорее напоминал какого-нибудь английского лорда. На каминной полке за его спиной виднелись разложенные в кажущемся беспорядке стопки книг, старый французский мушкет на подставке, какие-то каменные фигурки и пластиковый макет человеческого мозга, треснувший и небрежно склеенный изолентой. В общем, антураж весьма отдалённо напоминал программы новостей, к которым привык Марулл.
- Добрый вечер, — проговорил человек, чётко артикулируя каждое слово, — это “Вечерний Экстракт”, — программа, в которой я рассказываю о самых важных событиях произошедших за последнее, так сказать, время в нашем Чистилище. Экономя Ваше, — опять простите за это смешное слово, — время, я собираю действительно важные новости, отсеивая всякую шелуху и бесконечно однообразные, повторяющиеся события и поступки, которые приходят на ум особям, населяющим наш мирок.
Сенатору стало интересно. Он сел поудобнее и, воспользовавшись короткой паузой в речи ведущего, спросил Лиона, — кто это, друг мой?
Лион немедленно остановил изображение.

- Это... Хмм. Скажем так, — журналист, — ответил он, слегка подумав, — да, наверное, это самое правильное слово. Его зовут Алексей Неглядов. А это — его авторская программа новостей.
- Очень любопытно, — сказал Марулл, — только я ведь и так могу узнать всё, что захочу, для чего же мне программа новостей?
- Ну... — Лион пожал плечами, — во-первых, Неглядов помогает понять, что именно Вы хотите узнать, а кроме того, дорогой сенатор, полагаю, что программу он делает вовсе не для нас.
- А для кого же?
- Для себя в первую очередь, — ответил Лион, — вы очень скоро придёте к тому, что единственная осмысленная деятельность тут заключается в том, чтобы делать что-то полезное — и это то, что делает ваше собственное пребывание тут осмысленным. После этого вы, впрочем, сообразите, что служить другим и без всемогущества является единственным достойным занятием... В общем, Вам ещё придётся сражаться за возможность кому-то чем-то быть полезным.
- Хм... — недоверчиво поднял бровь сенатор, — полагаю, с этим можно поспорить... Впрочем, позже, давайте посмотрим программу дальше!
Лион согласно кивнул и позволил экрану вновь ожить.
- Итак, — продолжил Неглядов, расслабленно сидя в кресле, — Группа наивных романтиков, а точнее, энтузиастов с давно поехавшей крышей, называющих себя теологами и философами, не прекращают смешные в своей безнадёжности поиски смысла жизни. Сёрен Кьеркегор и Альбер Камю на недавней католической конференции, посвящённой смыслу страданий, вцепились друг другу в волосы на глазах всего научного сообщества в перерыве между докладами, и тем самым придали немного живости этому сборищу псевдоучёных с выпученными глазами, в пиджаках и сутанах.
Эти прекрасные люди, устраивая свой конгрессик, забыли, что вопрос пользы страданий уже множественно исследован на практике. Взять хотя бы опасных сумасшедших из ордена Опус Деи, которые и после смерти не дают сами себе покоя и посвятили своё нынешнее бытие всё более изощрённым самоистязаниям. Со снятыми ограничениями ресурса своих тел, они достигли в этом искусстве высочайших вершин, месяцами моря себя голодом, ночуя в сугробах, усаживаясь на кол, выжигая глаза и занимаясь другими занимательными вещами, которые я не буду подробно перечислять. Желающие могут ознакомиться с их развлечениями по собственному желанию, и в теории, и на практике. Набор открыт и орден в любопытствующих энтузиастах недостатка не испытывает.
Неглядов слегка откашлялся, элегантным жестом взял из воздуха стакан воды, отпил из него и вновь заставил исчезнуть, а затем невозмутимо продолжил:
Продолжая нежно любимую мной поповскую тему, должен отметить, что русское православие, разумеется, не уступает в идиотии католическому безумию, а напротив, во

многом его превосходит. Оставив за скобками бредовость того, что глава этого религиозного цирка, патриарх Курдяев, до сих пор проводит крестные ходы и заставляет паству праздновать Пасху и Рождество, изумляет то, что эти дурачки — точно такие же абсолютно всемогущие существа, имеющие доступ к любому знанию и любой информации, — в силу причин, которые ещё предстоит выяснять психиатрии, — продолжают целовать ручку потешным генералам духовного фронта и слепо доверять всей той мути, что от них слышат.

Тем самым мы можем окончательно отмести наивное предположение, что прогресс, развитие, знание со временем смогут победить человеческую тупость. Перефразируя известную фразу — заставь дурака Богу молиться — он, дурак, в церковь и пойдёт. И будет слушать поповскую ахинею до скончания времён, так что всякие адронные коллайдеры, википедии, интернет и даже безграничное знание тут абсолютно бессильны.

Неглядов вновь промочил губы. Сенатор взглянул на Лиона и восхищенно прицокнул языком.

- Он прекрасен, не правда ли? — тихо засмеялся Лион.

- Не то слово! В цинизме он даст фору даже нашему графу, — ответил Марулл и вновь с интересом обратил взор на экран.

- Продолжаем наблюдать за особенно интересными особями, ещё при своей никчемной жизни попавшими в круг моего внимания, — начал тем временем новую тему Неглядов, — поговорим о духовном прогрессе так называемых “Элит” — богатеев, миллиардеров, продажных чиновников авторитарных режимов, и прежде всего так называемых русских олигархах периода после перестройки. Эти люди, — впрочем, простите меня за оговорку, — эти одноклеточные инфузории, — особо показательны в анамнезе душевной пустоты, мерзости, совершеннейшего отсутствия морали, доброты и всего того, что мы называем человечностью. Напомню историю их духовного поиска после того как на них, — и при жизни обладающим огромной властью и богатством — свалилось всемогущество.

Вместо того чтобы медленно поджариваться на большой медной сковороде, шлёпая по кипящему маслу голыми пяточками, как того требовала бы справедливость и здравый смысл, они вдруг оказались после окончания своей никчемной жизни ещё более могучими, абсолютно здоровыми и, разумеется, бессмертными.

Как энтомологу со стажем меня, разумеется, заинтересовало, какие же мысли придут в голову этим достойным дамам и господам по поводу обустройства своей жизни в вечности, и они меня не разочаровали.

Ошалев от радости, начали они, как мы помним, с возведения дворцов, стадионов, отелей, яхт и замков — разумеется, один безвкуснее другого, зато всё больше, богаче и вычурнее, однако очень скоро даже самые тупоголовые из них сообразили, что находятся в месте, где каждый может иметь то же самое, и даже лучше, по щелчку пальцев, после чего ненадолго загрустили. Следующим шагом стали попытки заниматься тем, что они умели

делать лучше всего в своей земной жизни, — после воровства и вранья, разумеется, — а именно, пытаться нагадить друг другу и окружающим всеми доступными способами. Однако как мы понимаем, и тут вышла оказия, — испортить жизнь столь же всемогущим существам оказалось невозможным, поэтому следующим трендом стало создание ими собственных мерзеньких и отвратительных маленьких мирков с несчастными существами, которых они могли всласть мучить, пытать, издеваться над ними, и тут, по идее, они должны были себя почувствовать как дома и наконец обрести гармонию. Однако не тут-то было, повелевать раболепной толпой оказалось для них скучным и, позабавившись некоторое время, они наконец-то обрели счастье, собираясь кучками на шашлыки, удя рыбу и напиваясь вдребезги, с непременным мордобоем ближе к финалу. Занявшись этим, они наконец-то добрались до вершины своей эволюционной лестницы так что, не обманывайтесь, друзья, валяющийся где-нибудь в кустах с расквашенной физиономией и пьяный в Зюзю бывший миллиардер — это не несчастный нуждающийся в помощи человек, а напротив — достигший высшей стадии просветления хомо олигархиус.
Неглядов стряхнул пылинку с обшлага пиджака, и вновь обратился к зрителям:
Спортивные новости. Да-да, вы не ослышались, эти бессмысленные мероприятия всё ещё проходят и даже пользуются большим успехом. Небезызвестные шарлатаны братья Паласиос продолжают проводить то, что они называют “настоящим футболом”. На прошедшей неделе около ста тысяч мальчиков и девочек вновь собрались на шабаш, чтобы поглядеть как двадцать два суровых дядечки в маечках и трусиках два часа бегают за мячиком. Зрители радовались, хлопали в ладоши, пели замечательные футбольные песенки и млели от счастья. Радость от забитых одной командой голов перемежалась с горем от пропущенных. В конце все пообнимались, похлопали друг друга по плечам и разошлись по домам. Зрители тоже разъехались. Кадавры мадридского Реала одолели зомби сборной Бразилии — тут и сказке конец. Как мы понимаем, сие чрезвычайно важное событие, несомненно, изменит наши жизни в лучшую сторону. Ну, разумеется у тех, кто потратил кусочек вечности на просмотр этого потешного шоу.
- Это про нас с д`Эглизом, — шепнул Марулл Лиону, — это я млел от радости и хлопал в ладошки!
Впрочем, — самокритично добавил Неглядов, — мы все понимаем, что каждый развлекается как может и мой “Вечерний Экстракт” изменит вашу жизнь ничем не больше потных дядечек, бегающих за мячом. Так что, дорогие мои, так ли важно, кто и как заполняет то, что принято называть вечностью?
Я прощаюсь с Вами до следующего выпуска, разумеется, если до тех пор я не приму решения покинуть вас, создав себе уютный маленький мирок, где будет менее ощутимая концентрация идиотов, либо не дозрею до того, чтобы уйти через золотые врата. Кстати, со времени моего последнего выпуска ими прошли ровно восемь тысяч шестнадцать человек, и почти все они — люди весьма и весьма достойные. Так что количество разумных людей

тут у нас неуклонно сокращается и как знать, не окажемся ли мы с вами вскоре одни в компании сумасшедших попов, весёлых монахов-мазохистов из Опус Деи и пьяных олигархов, которые чувствуют себя тут превосходно.
Ну а до тех пор, пока запас мало-мальски адекватной публики ещё сохраняется — до встречи!
И Неглядов, кивнув зрителям, пропал с экрана.
Друзья некоторое время молчали, сенатор тихонько переваривал услышанное.
— Симпатичный джентльмен, — проговорил он наконец, — что ценю, так это возможность говорить то, что мы думаем, не боясь, как отреагируют другие... Кстати, что за “Золотые Врата” упоминал этот Неглядов?
- Что касается того, чтобы говорить, что думаешь, то он и при жизни был примерно таким же — ответил Лион, наливая себе немного виски в стакан. Марулл заметил, что льда в стакане не было, однако сам стакан был подёрнут тонкой корочкой инея изнутри и слегка дымился, будто его только что достали из морозилки. — А насчёт “Золотых Врат” — тема непростая, и, кстати, именно Неглядов — один из лучших специалистов по ней.
- Я бы с удовольствием с ним бы пообщался. — задумчиво сказал сенатор.
- Слушаю и повинуюсь, — отозвался Лион склоняясь в шутливом поклоне и сенатор слишком поздно сообразил, что он делает.
- Добрый вечер, — раздался за спиной сенатора голос, который он только что слышал с экрана.
- Марулл вскочил с дивана, на ходу машинально поправляя рубашку, кинул на Лиона гневный взгляд и обратил взор на стоящего посреди комнаты Неглядова. Тот стоял, одетый в тот же пиджак и рубашку, что и давеча на экране, и оглядывал обстановку.
- Здравствуйте, здравствуйте, Алексей Карпович, — спасибо, дорогой, что отозвались.
- Лион, друг мой, я всегда рад общению и крайне любопытен, вы же знаете, — ответил Неглядов, разглядывая Марулла, — а тут Вы, похоже, решили представить меня совершенно новому лицу, — это царский подарок, благодарю! — Я — Неглядов, степенно протянул он руку сенатору.
- Марулл, — ответил тот, пожимая руку. — Сенатор, — зачем-то добавил он... — Бывший.
- Хммм, неужели? — слегка удивился Неглядов, — тот самый сенатор Марулл? Римский?
- Нет, что вы... просто однофамилец...
— И коллега, выходит? — строго спросил журналист, однако в глазах у него Марулл углядел смешинку.
- Выходит, так, — обезоруживающе улыбнулся Марулл. — Вы правы, действительно был такой римский сенатор — Марулл. О нём ещё Иосиф Флавий писал. В “Иудейских Древностях”.
- Всё же я полагаю, что Вы не полный тёзка? — поинтересовался Неглядов, — или Вас тоже зовут Квинт Юний?

- Что вы, что вы, — смутился сенатор, — нет, меня зовут Джордж. Джордж Питер Марулл.
- Джордж? — удивлённо спросил Лион, подходя к ним поближе и болтая остатками виски в почти опустошённом стакане.
- Ну да, Джордж, — ответил сенатор, смутившись, — а что вас удивляет?
- Да просто я сообразил, что никогда не интересовался Вашим именем, — сам себе дивлюсь! — сказал друг сенатора. — А тут узнал, что у вас есть сразу два!
- Я чрезвычайно счастлив, что наша встреча уже начинает приносить плоды, — заметил Неглядов и оглянулся по сторонам, — друзья мои, давайте-ка вы меня усадите в удобное кресло и нальёте чего-нибудь выпить по вашему выбору. Работу я закончил и намереваюсь расслабиться в хорошей компании. Как я понимаю, вы посмотрели мой “Экстракт”, а значит я вас сегодня уже развлёк, так что теперь ожидаю ответной любезности! Я буду преимущественно молчать и слушать, а Вы — рассказывать. Не против?
- Так как вопрос был обращён к Маруллу, то ему и пришлось отвечать. — Разумеется, — сказал он, — я очень далёк от мастерского уровня Вашего красноречия, однако дам себе труд… Он запнулся, увидев, что Неглядов поморщился и неодобрительно смотрит на него. Впрочем, лицо его сразу смягчилось и он сказал довольно дружелюбно.
- Дорогой мой Марулл! Если бы я хотел поговорить с кем-нибудь вроде меня, я бы не мучился, а просто создал бы себе собеседника — такого же как и я. Кстати, я один раз так и поступил, — создал свою точную копию, которая знала всё то же что и я, мыслила как я, и выглядела столь же привлекательно.
- Ну, и... как? — спросил Марулл, подвигая Неглядову только что сотворённый одноместный диван-кресло “Рекамьер”
- Более отвратительного собеседника у меня в жизни не было, — ответил журналист, кивая Маруллу в знак благодарности, и степенно уселся в предложенное кресло, — Псевдо-Неглядов всё время умничал, постоянно перебивал, а главное — я прекрасно знал всё, что он мне хочет сказать. Кроме того, его раздражало во мне то же самое, и мы по обоюдному согласию, расстались уже через час, пообещав друг другу никогда больше не встречаться. Так что пришлось создать для него мир, полностью идентичный земному, снабдить деньгами, влиянием, отменным здоровьем, потом лишить памяти о тайне рождения, и он с тех пор проживает на этой Земле-2 и прекрасно себя чувствует, полагая, что настоящий Неглядов — это он. Ведёт в интернете видеоблог, даёт разные интервью, и вообще, пользуется большим уважением. А когда окончится срок его земной жизни он, в отличие от меня, сразу спокойно перейдёт в небытие.
- А что, разве мы можем создавать людей, также имеющих всемогущество? — заинтересовался сенатор.
- А что вас удивляет? — ответил Неглядов вопросом на вопрос.- Иначе получилось бы, что ваше всемогущество уступает способностям Творца. А по правилам игры, которые Он сам

столь неосторожно установил, создав нас по Своему образу и подобию — Вы умеете всё в той же мере, что и Он.
Сенатора неожиданно потрясла эта мысль... — Так значит... — вымолвил он, опускаясь на диван напротив Неглядова и беспомощно ища взглядом поддержку у Лиона, — так значит, мы — равны Богу? Мы все?
- Ну, как сказать, — спокойно ответил Неглядов... Вы же смотрели сегодняшний “Экстракт”? Валяющийся под кустом алкоголик и, скажем — я, — равны или всё же чем-то отличаемся, как по вашему?
- Разумеется, отличаетесь, — Марулл испытал некое облегчение от этой мысли.
- Разумеется, — подтвердил журналист, стряхивая пепел с толстой сигары в хрустальную пепельницу на изящном столике. И то, и другое, и третье появилось из воздуха только что по его желанию, — хотя мы в равной степени всемогущи, но между нами почти бесконечная разница, не так ли? Смею предположить и то, что между нами и нашим Творцом есть некоторые различия... И они лежат явно не в плоскости того, насколько велики наши способности. Как видите, Создатель воспользовался ими, чтобы сотворить прекраснейший мир, а некоторых хватает лишь на то, чтобы обустроить себе гарем и каждый вечер упиваться в хлам.
- Наш дорогой сенатор, кажется, начинает осознавать, что не всемогущество делает Бога Богом — великим Творцом, Создателем, началом всех начал и первопричиной всего, — подал голос Лион, который уже допил вторую порцию виски и наливал себе третью.
- Значит, — продолжил Марулл столь заинтересовавшую его мысль, — Бог должен быть... как бы… Эээ.
- Да, — помог ему Неглядов, всё таким же равнодушно спокойным тоном, — Он, по идее, должен быть весьма неплохим парнем… Да простят мне попы подобную бласфемию. Полагаю, сам Бог, если Он примерно таков, на меня бы вовсе не обиделся за этот эпитет.
- Не просто неплохим парнем, Алексей Карпович, — вновь подал голос Лион, — он должен быть абсолютно нравственным, прекрасным, добрым... Иметь чувство юмора. Вкус... Словом, всё хорошее, что мы когда-либо желали видеть в человеке. Он должен быть замечательным… — задумчиво проговорил Лион и взгляд его затуманился от каких-то очень глубоких, потаённых мыслей…
- Вынужден согласиться, — ответил Неглядов, — чтобы создать, скажем, кошек, лошадей, мадагаскарских лемуров, а также закатное небо, рисующее каждый вечер новые полотна, ну и наконец — не таких уж отвратительных существ как мы с вами — нужно обладать очень привлекательными внутренними качествами. Ведь заметьте — Он это всё творил с нуля, с чистого листа — не имея возможности брать где-то ассоциации... Вынужден признать, что с подобной по масштабам личностью мне встречаться не доводилось...
- А... хотелось бы? — осторожно спросил Марулл.
- Да, разумеется, — уверенно ответил Неглядов. — Встретиться с Богом я пытался много

раз, как говорится, и напролом, и хитростью и даже, признаюсь вам по секрету: униженными просьбами, весьма похожими на молитвы — вот уж никогда бы не подумал, что до такого докачусь, — они, впрочем, ушли в пустоту так же как и всё остальное. Бог не хочет общаться со мною и мне пришлось это принять и уважать Его свободу так как Он уважает мою. Впрочем, я могу Его понять, если вспомнить, какое удручающее впечатление произвёл сам на себя. Как вы помните, я долго не выдержал и совершенно не горю желанием повторной встречи.

- Вы думаете, мы настолько неприятны Богу? — спросил Марулл.

- Напротив, — ответил журналист, продолжая задумчиво пыхать сигарой... Полагаю, и даже более чем уверен — Он находит нас чрезвычайно симпатичными…

- Хм... — недоверчиво сказал сенатор, — находит симпатичными и не хочет общаться? Ни с кем из миллионов его созданий, попавших сюда?

- Отчего не хочет общаться — для меня пока что нерешённая загадка, — признался Неглядов, — Однако в то, что Он нас любит — в этом я не сомневаюсь, — поверьте старому цинику, лишённому всяческой сентиментальности. Об этом нам говорит простая логика.

- Как это?

- Очень просто. Раз уж мы признаём Его в высшей степени способным и умелым Творцом, то сложно поверить в то, что Он сотворил никчемных и отвратительных Ему людей, не так ли? Это означало бы, что Он не справился, или получил не то, что желал. А это, учитывая Его всемогущество и Всеведение, а также остальные результаты Его трудов, согласитесь, маловероятно.

- То есть, по Вашему, Он находит прекрасными тех самых пьяных олигархов под кустом? — спросил Марулл.

- Несомненно. Я полагаю, Он находит отвратительным их поступки и результаты этих поступков. Но алмаз, попавший в выгребную яму и тонущий в нечистотах, остаётся прекрасен для знающего его суть и природу. Так что, подводя наконец черту нашему, становящемуся довольно однообразным, диалогу — заключим, что Бог, разумеется, прекрасен, беда лишь в том, что у меня есть серьёзные сомнения, существует ли Он на самом деле.

Сенатор чуть не поперхнулся глотком воды, которую в этот момент отхлебнул из стакана.

— Как?? — воскликнул Он. — Вы не верите в то, что Он есть, после того как мы оказались тут, в Чистилище, а не сгинули в никуда?

- А что изменилось? — невозмутимо ответил Неглядов. — Мы выяснили лишь наличие жизни после смерти, и то — не точно… Может быть, это всё — он обвел взглядом воображаемый круг — лишь наша предсмертная агония и следствия затухания мозга, а на самом деле вы сейчас лежите где-то в подворотне с простреленным черепом и судорожно подрагиваете ножками, испуская последние хрипы.

Маруллу стало немного неуютно. Подобные мысли ему в голову ещё не приходили.
- Но... ведь Вы в это не верите всерьёз? — спросил он Неглядова с надеждой.
- Не верю, — ответил тот всё так же невозмутимо. — Слишком многие факторы говорят об обратном, начиная с продолжительности иллюзии и заканчивая полным сохранением памяти, осмысленности действий и способностей влиять на обстановку. Это всё позволяет более или менее исключить банальную посмертную симптоматику работы мозга. — Так что — нет, не верю, но полностью, разумеется, не исключаю…
Однако джентльмены, вы обманули меня, — прервал сам себя Неглядов, покачивая носком чёрного лакированного сапожка, — Вы, Лион, несмотря на мою просьбу так и не предложили выпивку, а хлещете её в одно рыло, а уважаемый сенатор, вместо того, чтобы развлекать меня беседой, как обещал, лишь задаёт вопросы. Мне может стать скучно, предупреждаю, и тогда я моментально отправлюсь в другую компанию, потому что я чудовищный невежа, которому будет совершенно всё равно, что вы двое обо мне подумаете.
- Ах да, Вы правы, — сенатор привстал и хотел даже схватить Неглядова за рукав пиджака, будто это могло его удержать, если бы тот подумал исчезнуть, — Алексей Карпович, позвольте последний вопрос, а затем я расскажу всё, что пожелаете.
- Всё, что пожелаю, я и так могу узнать, — строго сказал Неглядов, — нужно что-то, что пожелаете Вы, и это что-то должно попасть в настроение и заинтересовать, так что задача у вас непростая, Марулл. Справитесь — так и быть, задавайте ваш вопрос, ну а окажетесь скучным собеседником — не обессудьте...
- Это вызов, — улыбнулся Марулл.
- Конечно. Итак? — Неглядов ободряюще поглядел на сенатора, — не тушуйтесь, поразить меня у вас всё равно не получится, но этого и не требуется, просто постарайтесь рассказать что-нибудь неожиданное и более или менее интересное.
- Что ж...- проговорил Марулл с некоторой растерянностью... — Я попытаюсь… Хм... Сейчас… Лион, да налейте же нашему гостю виски, пока вы не выпили всю бутылку сами! Что ж… — повторил он, обрадовавшись пришедшей в голову идее, и вновь усевшись на диван напротив Неглядова, — рассказывать о себе я особого смысла не вижу, как и о других людях, — полагаю, вы всё про них знаете, а чего не знаете, сможете выяснить и без меня. Поговорим мы о человеке, которого вы знаете хуже всех.
- Любопытно, но сомнительно, — произнёс Неглядов, внимательно глядя на Марулла.
- Отчего же... Я расскажу вам о вас, уважаемый Алексей Карпович, — сказал сенатор и почувствовал, что вдруг коснулся каких-то важных струн в сердце собеседника.
Тот молча смотрел на Марулла. Доброжелательность во взгляде гостя медленно уступала место некоторой настороженности.
- Итак, Вы, дорогой товарищ журналист, человек чрезвычайно несчастный — неожиданно сам для себя начал Марулл.

- Я? — удивился Неглядов... — Что ж... похоже, Вам может удаться меня удивить. Продолжайте.
- Разумеется, по-своему несчастен каждый, — сказал Марулл, — и упомянутые вами монахи, и пьяные олигархи, и футболисты, возрождающие призрачную иллюзию, и зрители, пытающиеся в неё поверить... Но Вы, я думаю, несчастны, больше их всех.
- Отчего же? — спокойно спросил Неглядов.
- Оттого, что Вы чаще других задаёте важные вопросы и меньше других боитесь находить ответы, — ответил Марулл. — Вы постоянно ищете и открываете всё большую пустоту своего сердца, а значит, с каждой новой попыткой заполнить её, не можете не ужасаться её безграничности… И вы уже почти убеждены, что ничто не в силах её заполнить, ибо она не имеет конца и края.
— Довольно, — холодно прервал его Неглядов... — Благодарю, сенатор... Вы немного развлекли меня, но я не нуждаюсь в психотерапевте. На этом, пожалуй и закончим сегодняшний вечер.
Журналист встал, собираясь откланяться, но сенатор, тоже вставая, напомнил ему: дорогой Алексей Карпович, Вы также дали обещание, — я заслужил ответ на мой вопрос?
- Ах да… — Неглядов натянуто улыбнулся, — что ж, спрашивайте!
- Что за “Золотые врата” вы упомянули в вашей передаче? — спросил Марулл.
- Это и есть ваш вопрос? — немного разочаровано ответил журналист, — довольно странно, я полагал, что каждый знает про них, вовсе не обязательно обращаться за этой информацией ко мне.
Тем не менее Неглядов вновь уселся в кресло, намереваясь, видимо, ответить сенатору весьма обстоятельно.
- Золотые Врата, — сказал он, — это сооружение, удивительное тем, что никто не знает, как оно появилось и кто его создатель. Предполагают, — и, на мой взгляд, не без оснований, что их создатель — сам Бог.
- Отчего же вы так думаете? — спросил Марулл.
- Я не знаю наверняка, — ответил Неглядов, но посудите сами — зачем кому-то создавать что-то подобное? Эти врата — обычная дверь, на крыльце из нескольких ступеней. Войти в них — нельзя.
- Нельзя? — удивился Марулл.
- Да, это совершенно невозможно, — кивнул Неглядов, — а вернее — можно, но лишь один раз. И это не удаётся большинству людей, включая меня. Я пытался приблизиться к ним, — сказал он после небольшой паузы — Однако чёртова дверь всякий раз ускользала, отдалялась, когда я попытался подойти. И никакие усилия и всемогущество не дали мне возможности до неё добраться. А это, разумеется, значит — что она — часть чьего-то полигона. И кто-то определил правила, по которым в неё можно войти...
- Значит, всё же можно? — спросил Марулл.

- Да, и, как я и сказал, — ежедневно — если пользоваться привычным измерением времени, конечно — туда проходят тысячи людей, порой — десятки тысяч.
- А что с ними происходит дальше?
Отвечу Вам заезженной фразой земных атеистов, — усмехнулся Неглядов, — не знаем, ибо оттуда никто не возвращался! Войдя во врата, люди исчезают навсегда и больше здесь не появляются. Это — билет в один конец, сенатор, и логика подсказывает, что это может быть последним милосердным даром Божьим своим детям, — возможность умереть по-настоящему и погрузиться в вечное забвение. Однако меня ещё больше занимает, отчего некоторые, скажем прямо — довольно многие — могут войти, а я — нет... Вероятно, я ещё не совсем готов к окончательной погибели. — Впрочем, не исключено, что эти врата — чья-то глупая, а может быть, и весьма неглупая — шутка и никакой Бог тут ни при чём. Кто-то просто сотворил полигон, который может убить по-настоящему. Ну или делает что-то аналогичное с людьми, имеющими глупость туда полезть.
- Совершенно неясно, — вступил в разговор внимательно слушающий Лион, который так и не налил Неглядову выпить, — зачем они туда идут, зная, что никто не вернётся. Мол, все со временем осознают бессмысленностью бытия и тогда можно добровольно по-настоящему исчезнуть, перестать существовать?
- Полагаю, именно так и есть, — сказал Неглядов, — вижу в этом единственно логичное объяснение. Сюда попадают люди, упустившие шанс разделить вечность с Богом, и Он предоставил им всё, что есть у Него самого, дал всю власть, силу, могущество и бессмертие, однако, зная, что этого недостаточно для осмысленности бытия, в своём милосердии оставил возможность для нас прекратить своё существование. Полагаю, именно по причине, что это решение уже нельзя будет повернуть вспять, врата пускают лишь тех, кто решился окончательно и бесповоротно. Ну а у меня и многих других, похоже, жажда жизни всё ещё сильна, поэтому небытие и не принимает меня в свои милосердные объятия.
- Но постойте, — наморщил лоб сенатор, — ведь Чистилище, Лимб, где мы находимся — по крайней мере, в католическом понимании, — это место, откуда люди, очистившись, попадают в вечное блаженство?
- Либо в вечную погибель, — в тон ему сказал Лион.
- Совершенно верно, — подтвердил Неглядов, — возможно, войдя во врата, кто-то находит некое блаженство, а кто-то — долгожданный покой. Кто чего хочет. Что касается меня, то я, разумеется, если войду во врата, то только ради покоя, — как-то мне слабо верится в вечное блаженство в обществе всех этих сотен тысяч остолопов, которые уже использовали эти билетики в один конец. Благодарю покорно! Моя программа звучит так: побыть тут, пока окончательно не надоест, и отправиться на заслуженный, а впрочем, может и незаслуженный отдых. Это, кстати, наводит меня на мысль, что мне пора идти, господа, — честно признаться, собеседники вы слабые, хотя и особого отвращения не

вызываете. Мой опыт говорит мне, что лучше расстаться, пока мы окончательно друг другу не надоели, чтобы при следующей встрече можно было более или менее искренне обрадоваться. Нет, нет, не провожайте меня, прощаний тоже устраивать не будем! — и Неглядов, не дожидаясь ответа, мгновенно исчез.

ГЛАВА 8. ЗДОРОВЫЙ ДУХ В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ

Будильник противно тренькал на тумбочке около кровати, однако Маруллу совершенно не хотелось вставать. Планов на новый день никаких не было и сенатор оттягивал момент подъёма, уставясь в потолок и пытаясь придумать, чем бы заняться. Умные мысли не шли и сенатор начал раздражаться. — Вот тебе и всемогущество, — пробурчал он себе под нос, ворочаясь на кровати.

- Не говорите, Марулл! Полный беспредел! — раздался весёлый голос откуда-то из угла комнаты. Сенатор, вздрогнув, сел на кровати и увидел д`Эглиза, сидящего в халате в углу его комнаты со стаканом лимонада в руке.

- Граф, — вскричал он, натягивая одеяло до подбородка — что за бесцеремонность! Я бы попросил Вас…

- Не психуйте, старина, — миролюбиво ответил д`Эглиз и неспешно потянул из соломинки напиток, — во-первых, если бы Вы не желали меня видеть, то достаточно было просто пожелать, и я не смог бы нарушить ваше драгоценное одиночество.

- Обязательно это пожелаю, — возмущённо сказал Марулл, — мне просто не приходило в голову, что Вы способны на такую бестактность! Я мог быть занят, я мог спать, я мог быть… не один, в конце концов!

- Сенатор, это совершенно невозможно, — безмятежно ответил д`Эглиз, откидываясь на спинку кресла, — Вы опять забываете, где мы находимся. Я просто пожелал оказаться рядом с Вами в тот момент, когда это будет Вам удобно и Вы будете расположены к моему визиту, и, судя по Вашем жалостливым стенаниям о бессмысленности бытия — оказался тут как раз вовремя.

Марулл сообразил, что д`Эглиз и впрямь появился именно после жалоб Марулла на бесполезность всемогущества, а также вспомнил, что у него совершенно не было никаких планов, и немного смутился.

- Ладно, д`Эглиз, предположим, — сказал он, кутаясь в одеяло, — однако впредь попрошу Вас соблюдать хотя бы основные правила приличий и предупреждать о визитах.

- Хорошо, хорошо, сенатор... Впредь буду присылать к вам отряд швейцарских гвардейцев из Ватикана, чтобы нижайше испросить позволения на визит, — однако сейчас я уже тут, вы позволите мне остаться?

- Чем обязан посещением? — ворчливо спросил Марулл. Он хотел было потребовать у д`Эглиза выйти из комнаты, чтобы встать, одеться и привести себя в порядок, однако

вовремя сообразив, что можно обойтись без этого, коротко зажмурился и пожелал оказаться в другом кресле рядом с графом, в полном облачении, умытым и причёсанным.
- Браво, Марулл, — д`Эглиз картинно поаплодировал, — ну согласитесь, что так гораздо проще жить!
- Не знаю, не знаю, — мрачно ответил сенатор. — Предпочитаю всё же нормальный распорядок дня, а то у меня чувство, что я всё ещё сплю. Так какова причина Вашего визита? — повторил он, решив, что сегодня уже всё равно нарушил собственные правила и создал себе чашку ароматного кофе прямо в руку.
- Что значит — какова причина? — удивился граф, — вы разве забыли?
- Что забыл?
- Ну вы даёте! За вами должок, Марулл!
- Какой ещё должок, д`Эглиз? Выражайтесь яснее! — вновь начал раздражаться сенатор.
- Вы уникальный человек, — восхищённо проговорил д`Эглиз, болтая стаканом, — впервые вижу всемогущего и всеведущего человека, у которого отшибло память! Пари, сенатор, наше пари! Вы проиграли мне на футболе!
- Ах да... Точно… — сенатору стало немного неловко, — да, признаю…
- Ещё бы! — воскликнул граф, — попробовали бы вы не признать! — Очень кстати, что вы продолжаете счёт времени, — Вы мне должны год тренировок, сенатор! Это не так много по меркам вечности, так что не делайте такое кислое лицо! Кроме того, я теперь в курсе, что у вас нет на сегодня планов, так что никакие отговорки не прокатят. Собирайте шмотки и поехали!
- Как? Прямо вот сразу? — оторопел Марулл.
- Ну, я могу зайти через час. Через день. Через год. Какая разница?
Сенатор понял, что разницы и вправду никакой нет и, засопев, сказал: Ладно, д`Эглиз, я, разумеется, выполню свои обязательства. Позвольте мне всё же немного настроиться и собраться с мыслями.
- Нет проблем, дружище, подожду Вас в машине. — И д`Эглиз моментально исчез из кресла.
Сенатор подошёл к зеркалу и оглядел себя с ног до головы. Ехать в спортивный зал в деловом костюме? Хм... Впрочем, почему бы и нет? — Переоденусь прямо там, — решил Марулл и вышел из дома.
д`Эглиз стоял, опершись на своей любимой “Феррари” — кабриолете Mondial 1989 года, немного старомодной и, быть может, слегка угловатой на вкус Марулла, однако “Феррари” есть “Феррари” и сенатор всё равно залюбовался красным автомобилем.
- А чего не в смокинге? — спросил д`Эглиз, оглядев сенатора, — и галстук не надели! Какое непочтение к спортзалу!
- Очень смешно, — ответил Марулл, — а между тем, я не сомневаюсь, что работники зала оценят оказанное им уважение. Разумеется, я переоденусь перед тренировкой.

- Тогда вам нужно взять вещи с собой, — сказал д`Эглиз, запрыгивая за руль через борт, по обыкновению не открывая дверцу.
- Зачем это? Создам их прямо на себе в зале, — сказал сенатор, усаживаясь на сиденье.
- Э, нет, — засмеялся д`Эглиз, — старина Джо не позволит.
- Что значит “не позволит” — высокомерно спросил Марулл, — какой ещё Джо?
- Джо Гольд, основатель и владелец клуба, который он скромно назвал Golds Gym. Здесь он создал его точную копию. Это же был самый известный в мире зал! Неужели никогда не слыхали? Там Арнольд Шварценеггер снимал свой знаменитый фильм “Качая железо”!
- Не интересовался как-то, — ответил Марулл, — так и что за правила в его зале?
- Ну, всё просто, — д`Эглиз рванул с места так, что сенатора прижало к сиденью и ветер засвистел в ушах, — условия жёсткие, но оптимальные для занятий — никакого всемогущества на территории зала, исключительно земные законы физики, полное правдоподобие…
- Где-то я это уже это видел… — хмыкнул Марулл, — этот ваш Джо не дружит ли часом с братьями Паласиос?
- Дружит, конечно, — ответил д`Эглиз, — они тоже члены клуба. — Однако это — совершенно стандартная практика для всех залов тут. Иначе — смысла никакого нет. Вы начинаете тренировки и изменяете Ваше тело исключительно работая в зале.
- Ну, предположим, — сказал Марулл. — Однако, граф… должен признаться, я не совсем в форме и вообще никогда не занимался этим… Бодибилдингом…
- Не совсем в форме, — это вы поскромничали, — ободрил сенатора д`Эглиз, — глядя на вас, хочется обнять и зарыдать, я постоянно борюсь с желанием подать заявку в ЮНЕСКО, чтобы они взяли под защиту ещё одну старую развалину. Однако для того мы и едем в зал, — я вас там быстро поставлю на ноги!
- Ну уж нет, — запротестовал Марулл, представив себе, каково будет испытывать насмешки графа целый год, — я проиграл пари, но не обещал терпеть ваше общество в зале! Так что я пойду туда один!
- Что ж, нет вопросов, дружище! — вам там подберут хорошего тренера, — хотя, они там все хороши, — и я вам советую…
- Спасибо, — отрезал Марулл, — советов на сегодня достаточно, — высаживайте меня у клуба, — и до свидания!
- Ладно, — пожал плечами д`Эглиз, — я просто хотел вас настроить на тренировку.
- Будем считать, что настроили, — сенатор всё ещё дулся на графа, — вот, кажется, уже приехали. До встречи! И Марулл вышел из машины, едва она остановилась на парковке перед большим, исписанным графити зданием, на котором красовались облупленные буквы “Golds Gym”.
- Марулл Маруллович! — окликнул его д`Эглиз из машины, — а вещи?
- Ах да, — сенатор вспомнил, что в зале создавать себе одежду будет нельзя.

- Что б вы без меня делали, — и д`Эглиз кинул Маруллу розовую в цветочек спортивную сумку.
- Ага, благодарю, — сенатор демонстративно поменял цвет сумки на благородно-синий и, развернувшись к графу спиной, вошёл в двери клуба.

Помещение сенатору понравилось. Стены были выкрашены в весёлый светло-голубой цвет, на многочисленных аэробных тренажёрах покачивались дамы и мужчины с волевыми сосредоточенными лицами, преимущественно покрытые здоровым загаром, однако сенатор с удовлетворением отметил, что среди них попадались и весьма хлипкие экземпляры, а также довольно грузные, напоминающие сложением самого Марулла. Сенатор решительно вздохнул и подошёл к стойке, из-за которой ему приветливо улыбалась миловидная девушка в изящных очках.
- Добрый день... Мириам, — нарочито равнодушным голосом проговорил сенатор, скользнув взглядом по именной табличке на груди девушки.
Девушка улыбнулась ещё шире.
- Добрый день, чем могу вам помочь? — произнесла она казенную фразу, однако взгляд её был совсем не официальный, с весёлыми смешинками и даже, как показалось сенатору, немного дерзкий.
- Я хотел бы стать членом вашего клуба, — степенно проговорил сенатор, опершись локтями на стойку. Он пару раз видел, что граф именно в такой позе разговаривал с людьми за стойкой, это выглядело легко и непринуждённо, и Маруллу показалось, что это сейчас будет как раз к месту. Ему очень хотелось совместить своё достоинство с желанием казаться "своим" в этом клубе, где предстояло развивать личность духовно и телесно. Локти моментально начали болеть, потому что сенатор навалился на них всей своей массой, однако менять положение было несолидно и сенатор застыл, пытаясь незаметно перенести часть веса обратно на ноги.
- Это замечательное решение, надеемся, вам у нас понравится, — сказала Мириам, — Займите, пожалуйста, место вот за тем столиком, сейчас вами займётся Ральф.
- Благодарю вас, — сенатор с облегчением оторвал локти от стойки и, постаравшись придать взгляду степенное равнодушие, кивнул Мириам и сел за небольшой столик под искусственной пальмой. Маруллу здесь нравилось всё больше. Что-то было мотивирующее, придающее силы, было в этом помещении с голубыми стенами, в этих крепких целеустремленных мужчинах, а главное — появлялось желание делать с собой что-то хорошее. Здесь, казалось, нет места сомнению, что и ты станешь таким же как большинство прихожан этого храма физкультуры. Сенатор вдруг почувствовал непреодолимое желание поскорее взгромоздиться… Да хотя бы вот на этот велосипед и вдарить по педалям. Или сесть за один из вон тех загадочно поблёскивающих в глубине зала тренажёров, за которыми плавно и мощно качали спины и грудь несколько

быкообразных парней в облегающих футболках. Атмосфера дышала спокойной уверенностью, каждый, казалось, знает, зачем он здесь и, не торопясь, делает своё дело, не сомневаясь в результате. Сенатор глубоко вдохнул полной грудью, распрямил плечи и, дёрнув шеей, по-молодецки хрустнул позвонками. Ему не терпелось перейти к тренировке, однако было и неясное волнение, какой-то трепет перед всеми этими позвякивающими приспособлениями.

- Добрый день! — перед сенатором неожиданно нарисовался молодой человек с серьёзным, обрамлённым аккуратной бородкой лицом и здоровенными руками. Одну из них он протянул сенатору, одновременно присаживаясь за столик. В другой он держал лист бумаги, прикреплённый к специальной дощечке для записей.

- Сенатор пожал протянутую руку и, слегка откинувшись на спинку, произнёс: Марулл. Сенатор Марулл. И тут же почувствовал себя полным идиотом. "Бонд. Джеймс Бонд", — мелькнуло у него в голове. Сенатор раздражённо поёрзал на стуле.

- Ральф. Тренер Ральф. — без малейшей улыбки представился рукастый и записал что-то на листе бумаги. — Марулл или Морулл? — спросил он, не глядя на сенатора.

- Марулл, — проговорил сенатор, постаравшись придать голосу лёгкий сарказм, который не раз слышал в свой адрес в исполнении Лиона, — двойная "л" в конце.

- Угу, — неопределённо хмыкнул Ральф, положив дощечку прямо на колено и заполняя бланк.

- Очень неплохой подбор тренажёров у вас здесь, — снисходительным тоном знатока заметил сенатор, воспользовавшись паузой.

- Угу, — опять хмыкнул собеседник сенатора, продолжая чёркать в бумажке. — Вы в первый раз в фитнес-клубе? — спросил он буднично.

Сенатор почувствовал, что краснеет. — Нет, — соврал он. — Но я уже давно не был. Вот, решил тряхнуть стариной, — натужно усмехнулся он.

- Угу, — поддержал беседу Ральф и, опять вперившись взглядом в листок, поставил в нём какую-то закорючку. — Какую основную цель вы хотели бы поставить для занятий у нас в клубе? — спросил он, в первый раз взглянув на сенатора, — Упор на здоровье или на красивую фигуру? — пояснил он, заметив колебания Марулла.

- Здоровье, — выпалил сенатор и тут же, замявшись, добавил, — ну и фигура, немного, тоже.

Вместо ожидаемого угуканья, Ральф неожиданно улыбнулся сенатору. — Ну да. Почти все говорят то же самое. В основном люди приходят на фитнес, чтобы слепить хорошее тело. И это здорово, господин Марулл. Это здорово, что вам не все равно, как вы выглядите, хотя уже и не юноша. Классно, что вы к нам пришли. У вас обязательно все получится!

Сенатор почувствовал, что в его сердце как будто что-то растаяло. Ему было жутко приятно и вдруг захотелось крепко обнять этого приветливого здоровяка, который так почтительно и вместе с тем будто бы на равных говорил с сенатором. Даже та заботливая

снисходительность Ральфа, с которой он разоблачил маленькую хитрость Марулла, его вовсе не раздражала, но возбуждала уверенность, что уж под покровительством такого парня как Ральф, сенатор обязательно сделает себе плечи как у графа. Да что там, как у графа! Как у самого Ральфа, а то и еще шире. Сенатор вдруг обнаружил, что застенчиво улыбается и одёрнул себя. Ему вдруг расхотелось играть роль бывалого спеца, и подумалось, что, в общем-то не так уж и плохо иметь рядом профессионала, который разбирается в чём-то лучше, чем он сам. Другой вопрос, не будет ли это поводом для комплексов?

Решив поразмышлять над этим в ближайшее время, сенатор с облегчением улыбнулся и вдруг, неожиданно сам для себя, сказал: — Вообще-то я и впрямь в первый раз в фитнес-клубе. Это вы меня здорово раскусили! Но моя цель — действительно не столько красивое тело, сколько моё "внутреннее я", которое должно развиваться. — Сенатор вдруг почувствовал значительное облегчение, разоблачившись перед Ральфом. Силы вдруг рекой потекли по всему его телу, он бодро соскочил со стула и, отечески хлопнув Ральфа по широкому плечу, бодро сказал: "Ну, мой юный друг, я на вас рассчитываю! Надеюсь, именно вы будете моим тренером!"

- Увы, сенатор, — Ральф чуть виновато улыбнулся, — я занимаюсь лишь оформлением членства. Вами займётся Андреас. — Замечательный парень, поверьте, — поспешил добавить он, заметив разочарование на лице Марулла, — прекрасно знает своё дело. У него вы будете в надёжных руках!

- Но наверняка не в таких здоровенных, — пошутил сенатор, решив, впрочем, смириться.

- Что? А... да... Конечно, — Ральф вежливо улыбнулся, и, поставив очередную галочку в листик, жестом подозвал другого парня из-за стойки. Парень оказался Андреасом, о чём он сразу и сообщил сенатору, дружелюбно хлопнув его по спине так, что у того лязгнули зубы. В плечах он не сильно уступал Ральфу и, к тому же, прямо-таки пылал желанием действовать. Кивнув Ральфу, он жестом пригласил сенатора следовать за ним и устремился в глубину зала. Сенатор подхватил спортивную сумку и, со второй попытки закинув её на спину, вразвалочку пошёл за своим новым тренером.

- Здесь у нас тренажёры для разминки и для лёгкой аэробики, — прокричал сенатору через весь зал Андреас, ушедший далеко вперёд, — велосипеды, симуляторы лестницы, беговые дорожки. Сенатор ускорил шаг, и, догнав Андреаса, понимающе хмыкнул, оглядывая ряды тренажёров уже вблизи.

- А это — тренажёры для различных групп мышц, — Андреас сделал широкий жест рукой, — руки, ноги, грудь, голова.

- Голова? — Удивился сенатор.- Ах да, разумеется, голова, — спохватился он.

- Шутка, конечно, — Андреас с крейсерской скоростью двигался сквозь ряды тренажёров, отвечая кивками на приветствия и обмениваясь мимолётными рукопожатиями с разнокалиберными здоровяками. — Хотя, с другой стороны, вопреки стереотипам, увы,

сложившимся ещё там, — Андреас многозначительно указал глазами вниз, — бодибилдеру голова нужна при любых упражнениях, иначе вместо удовольствия и хорошего результата можно остаться чахлым рахитом, да к тому же еще и травмированным.
Марулл проглотил "чахлого рахита" и решил было не задавать вопросов, чтобы не попасть впросак, однако внезапно вспомнил о своём решении не комплексовать, пусть Андреас даже и мальчишка в сравнении с ним. Сенатору даже захотелось специально задать какой-нибудь вопрос, чтобы дать юному тренеру возможность попокровительствовать сенатору.
Однако Андреас, в очередной раз кивнув какому-то огромному парню, в здоровенных очках и с аккуратной профессорской бородкой, совершенно не вязавшимися с внушительной фигурой, тем временем уже подошёл к двери в конце зала, с надписью «Мужская раздевалка» и, распахнув её настежь, приглашающе махнул сенатору коротко стриженой головой. Это — мужская раздевалка, — пояснил он, пропуская сенатора впереди себя. — Да что вы говорите, — пробормотал Марулл вполголоса, кивнув Андреасу в ответ и проходя в дверь, поправил постоянно сползающую сумку, не теряя, впрочем, хорошего настроения, — а я думал это — мужская раздевалка!
Ощутив себя остряком, сенатор довольно улыбнулся и огляделся по сторонам. Ряды серых шкафчиков, с торчащими ключами, голые поблёскивающие зады переодевающихся членов клуба, запах дезодорантов, перемешанных, впрочем, к неудовольствию щепетильного сенатора, с ароматом свежетренированных тел. Впрочем, «взялся за гуж...» — вспомнилась сенатору одно из любимых выражений Лиона, — «не говори, что ингуш». Что такое «ингуш», сенатор, правда, не знал, а спрашивать постеснялся, но смысл поговорки уловил, и даже пару раз удачно вворачивал её в разговор.
Сенатор решил, что будет правильно не обращать внимания на раздражающие элементы, — в конце концов, он здесь с определённой целью, а запах носков... ну, что ж, пусть будет запах носков. Если это один из элементов платы за ширину плеч и, главное, ширину души... Марулл решил пойти на эту жертву.
- Где мой шкафчик?, — спросил он, и моментально покраснел, вновь уловив в своём тоне нотки завсегдатая пивбара, спрашивающего: «где моё пиво?» — Нет, надо определённо что-то с собой делать, — пронеслось у сенатора в голове. — Я выгляжу полным идиотом. Впрочем, с другой стороны, — успокоил себя Марулл — надо признать, что я довольно часто выглядел идиотом и то, что я сейчас начинаю это замечать, уже — первый шаг... Сенатор не успел додумать утешительную мысль.
- Выбирайте любой из тех, где ключ торчит. Да, здорово, Лукас, — Андреас махнул пятернёй вышедшему из душа средних лет мужчине, с жутким количеством волос по всему телу и нежно-розовой кожей, проглядывающей через редкие бреши в их зарослях. — Переодевайтесь и подходите к тренерскому столику. С этим напутствием Андреас

ободряюще улыбнулся сенатору и стремительно покинул раздевалку.
Сенатор подошёл к одному из свободных шкафчиков в конце зала, подальше от обнажённых тел и, скинув с ноющего плеча сумку, принялся за дело. Расстегнув молнию и глянув внутрь сумки, Марулл еле сдержал стон. — Ах, чтоб вас. граф! — Он бессильно заскрипел зубами, затем вытащил розовые шорты и сиреневую майку и принялся с отвращением натягивать их на себя.
Переодевшись в спортивную одежду, которая хоть и не отвечала эстетическому вкусу Марулла, зато оказалось ему точно по размеру и весьма удобной, сенатор сразу почувствовал комплексы. В раздевалке как назло повсюду были зеркала, затейливо развешанные так, что с одного места можно было видеть себя с разных сторон и, периодически заходившие в душ и обратно мужчины имели возможность по пути рассматривать себя в различных ракурсах, что они и осуществляли, делая, впрочем, вид, что зеркала их совершенно не волнуют. Это было непросто, потому, что те висели повсюду и каждому желающему не быть заподозренным в самолюбовании, приходилось на пути в душ глядеть прямо перед собой как лошадь в упряжке, что выглядело достаточно глупо. Сенатор тоже не собирался красоваться перед всеми, и поэтому поглядывая в ближайшее от него зеркало краем глаза, делал вид, что смотрит в шкафчик. Зеркало не порадовало Марулла хорошими новостями, хотя тот и втянул живот. Белёсое пухлое тело с дряблеными мускулами, вовсе не так плохо смотревшимися на фоне, скажем, ещё более грузной фигуры Лиона, внушало сенатору ужас после увиденных им только что тел загорелых парней. Досадливо крякнув, Марулл почувствовал, что желания взгромоздиться на тренажер поубавилось. — Ничего, первый шаг — то, что я это замечаю и хочу над этим работать, — утешил себя сенатор, закрыл шкафчик и, взяв полотенце и бутылку минеральной воды, направился в тренажёрный зал.
Андреас уже поджидал Марулла за стойкой. В руке у него был листок ярко-оранжевого цвета и карандаш. — Окей, друг мой, — громко сказал он, едва завидев сенатора, — начнём. Любая тренировка начинается… с чего?
- Ээээ…
— Правильно, с разминки, — без паузы ответил сам себе Андреас, ткнув карандашом в сторону сенатора.
- С разминки, — благоговейно повторил сенатор, подтягивая шорты. Конечно... С разминки.
- Для начала идите на эллипс, а я подойду через пару минут, — и Андреас начал усердно записывать что-то в листок.
Глядя на сосредоточенное и как бы даже одухотворённое лицо своего сенсея, сенатор проглотил готовый вырваться вопрос “а что такое эллипс?” и отправился на поиски чего-то, что у него бы вызвало ассоциацию с этим словом. Обойдя зал и не обнаружив ничего подходящего, сенатор краем глаза увидел, что. Андреас продолжает сосредоточенно что-то писать и Марулл выругался про себя, что струсил и не спросил у тренера про

тренажёр сразу. Теперь признаваться, что он понятия не имеет, что это за эллипс такой, Марулл был не в силах. — Ладно, разберёмся, — проворчал сенатор, украдкой достал мобильный телефон и задал в поисковике слово “Эллипс”.
“замкнутая кривая на плоскости, которая может быть получена как пересечение плоскости и кругового цилиндра или как ортогональная проекция окружности на плоскость.” — прочитал он и тихо выругался.

- Марулл, вы уже закончили с эллипсом?, — прогремел над ухом голос Андреаса. Сказать, что он его даже не смог отыскать, было выше сил сенатора, поэтому он сказал “да” и начал молиться про себя, чтобы Андреас не отправил его ещё на какой-нибудь диковинный тренажёр.

Замечательно, — обрадовался Андреас, — тогда продолжим, господин… Эээ… Марулл, — Андреас бросил мимолётный взгляд на свой листок и устремился к массивному тренажёру, стоящему, к неудовольствию сенатора, на самом видном месте, у прохода, — начинаем работу! Рост? Ваш рост? — уточнил он, увидев замешательство сенатора. — Сто восемьдесят... три, — зачем-то прибавил себе сенатор три сантиметра. События явно развивались слишком стремительно для него. Андреас зазвенел какими-то железками на тренажёре, видимо, подстраивая его под сенатора.
- Так, значит это — тренажёр для верхних ножных мышц, главным образом — квадрицепсов, — сказал он, ласково погладив железного монстра мощной ладонью. — Сейчас мы с вами начнём разминочную программу. Обойдём несколько тренажёров, на каждом из них будете делать по пятнадцать повторений.
- А сколько подходов? — решил проявить энтузиазм Марулл.
- Один. Вы ложитесь, ложитесь, — Андреас нетерпеливо похлопал по сидению, вернее, лежаку тренажёра. Марулл послушно лёг и, согнув ноги в коленях, упёрся подошвами в железную пластину.
- Так, прежде чем начнёте, убедитесь, что ноги в расслабленном состоянии согнуты под прямым углом. Поехали!
Сенатор толкнул пластину и она на удивление легко подалась вперёд. — Андреас, вы знаете, мне кажется, нужно прибавить весу, — сказал сенатор.
- Не нужно. — отрезал Андреас. — Упражнение следует делать медленно. Четыре секунды в одну сторону, четыре секунды держите напряжение, четыре секунды обратно. Вот... Правильно! Замечательно! — похвалил он сенатора, который и впрямь почувствовал напряжение уже после третьего повторения. — Всего пятнадцать раз! Четыре... Пять...

После восьмого повторения Марулл почувствовал, что его ноги дрожат мелкой дрожью, а тело покрылось первыми каплями пота.
- Девять...- услышал он голос тренера откуда-то издалека. После двенадцатого раза сенатору показалось, что у него в ногах сейчас что-то лопнет и он, испугавшись, решил остановиться. Однако в этот самый момент Андреас в очередной раз похвалил его и сдаваться сенатор счёл несолидным.
- Тринадцать...
Еще всего два раза, ещё всего два раза, — быстро бормотал про себя сенатор, не забывая считать до четырёх. Тяжелее всего давался обратный путь, который был медленным до невозможности. Ещё целых два раза! — раздался плачущий голос у Марулла в голове. Сердце в висках бухало как молот.
- Четырнадцать...
- Раз, два, три, четыре. Пауза. Раз, два, три, четыре. Назад. Раз, два, три, четыре. Есть!
Сенатор в изнеможении откинулся на лежак и закрыл глаза. Ноги болели так, как будто по ним проехался трамвай. Скосив глаза, и с удивлением обнаружив, что выглядят они вполне себе обычно, сенатор почувствовал себя победителем. Однако почивать на лаврах ему пришлось недолго.
- Идём дальше, — донёсся до Марулла голос Андреаса и он неохотно открыл глаза. — Следующий тренажёр на ту же группу мышц. Услышав эти страшные слова, сенатор поборол в себе желание жалобно взвыть, и горько вздохнув, вперевалочку отправился за Андреасом.
Оседлав следующего железного коня, сенатору подумал, что он не сможет сделать ни одного движения. Ноги продолжали ныть, но уже немного по-другому — так, как будто в них назабивали гвоздей.
- А можно паузу? — робко спросил сенатор.
- Можно, — равнодушно сказал Андреас и, облокотившись на тренажёр, уставился в пустоту.
- Нет, нет, я готов, — сенатор испугался столь великодушного разрешения, — только вот воды хлебну, — слукавил он, слегка подвигав ноющими ногами.
- Ок, поехали, — совершенно не удивившись сказал тренер, выждав, пока сенатор, не торопясь сделает несколько глотков и тщательно закрутит крышечку. — Следите за дыханием. На жим — выдыхаем, вдох — когда отпускаем.
Новый тренажёр отличался от первого конструкцией — здесь нужно было не толкать пластину, а, разгибая ноги в коленях, поднимать рычаг — однако Андреас не соврал насчет той же группы мышц и сенатору уже на пятом повторении показалось, что ноги сейчас отвалятся. Однако при счёте восемь, когда Марулл обнаружил, что судорожно цепляется в рукоятки по бокам от сидения, упражнение пошло вроде как легче. Он

дисциплинированно считал до четырёх и закончил совершенно неожиданно, — при счете "пятнадцать" ему показалось, что он запросто сделал бы еще столько же. Однако отпустив рычаг, Марулл почувствовал такую дикую боль, что поневоле скривился.

- Что, болит? — спросил Андреас.

- Болит, — стыдливо признался сенатор.

- Это хорошо, что болит, — порадовал Марулла тренер, переходя к следующему тренажёру. — Запомните, болит — значит растёт. Чтобы мышцы росли, нужно дать им работу, которая выводит их за предел комфортной зоны. Тогда организм понимает — мне не хватает ресурса, я нуждаюсь в большей мышечной массе. Результат — мышцы растут. Это, кстати, работает в любой области, — мимоходом обронил он, подстраивая сидение под сенатора.

- В смысле? — решил уточнить сенатор, усаживаясь на сидение и с облегчением установив, что ногами в нём, вроде бы, двигать не надо.

- Боль — условие для роста. Вот и всё. Ты хочешь расти — идёшь в тренажёрный зал. Качаешь мышцы — тебе больно. Продолжаешь качать — растёшь. Уходишь от боли — с тобой не происходит никаких изменений. Вот и всё.

- Уходишь от боли — в тебе не происходит никаких изменений, — повторил сенатор, берясь за рукоятки. Хм... Это интересно.

- Так, — не глядя на сенатора сказал Андреас, делая пометки на оранжевом листке, — как вы думаете, что это за тренажёр и что мы будем тренировать?

Сенатор осторожно потянул за рукоятки… — Ну, видимо, бицепс, — проявил он смекалку, я ведь сгибаю руки. Точно, бицепс!

- Нет, не бицепс, — огорчил Марулла Андреас. Вы действительно сгибаете в этом тренажёре руки, но наша задача — тренировать спину. Поэтому постарайтесь тянуть спиной, сводите лопатки, а руки старайтесь вообще не напрягать.

- Так, тянуть спиной, — повторил сенатор и последовал инструкции тренера. На пятом повторении ему показалось, что у него начало получаться тянуть именно спиной и он, кряхтя, спросил у Андреаса: Так хорошо?

- Так плохо, — безжалостно ответил тот, — вы опять чересчур напрягаете руки, посмотрите, как вы вцепились в рукояти. Марулл скосил глаза и увидел, что его пальцы и впрямь побелели от напряжения.

— Представьте себе, — сказал Андреас, — что у вас нет рук ниже локтей, — будто к ним привязаны верёвочки и вы тянете именно локтями. Предплечья и кисти вообще из работы выключаем.

- Сенатор послушно выключил кисти из работы, рычаги немедленно вырвались из его рук и пластины тренажёра с оглушительным грохотом обрушились вниз, заставив

несколько десятков людей обернуться на звук.
- Зачем Вы бросили рукояти? — строго спросил Андреас.
- Так Вы же сами сказали... — промямлил Марулл, сгорая от стыда
- Сказал грохнуть тренажёром на весь зал? — удивился Андреас.
- Нет, сказали выключить кисти! В чём же я виноват?
- Андреас запустил пятерню в густую шевелюру и задумчиво почесал затылок.
- Хм... Первый раз такая фигня, — сообщил он Маруллу. — Хорошо, я постараюсь объяснять более тщательно, — сказал он после паузы. — Короче, отпускать ручки тренажёра во время упражнения не нужно и грохотать весами тоже не нужно.
- Да я и не хотел отпускать, — беспомощно вскричал Марулл, — вы же сами…
- Ладно, — Андреас, похоже, решил не спорить с сенатором, — пойдёмте на свободные веса.
- Пойдёмте, — покорно согласился сенатор.
Андреас, казалось, моментально забыл о происшествии с тренажёром, так как к нему вернулся прежний энтузиазм, едва только они дошли до той части зала, где были расположены штанги, гантели, гири и ещё какие-то громоздкие штуки, названия которых Марулл не знал.
- Некоторые тренеры считают, — сказал Андреас, любовно поглаживая одну из штанг, — что заниматься со свободными весами новичкам не стоит. Сперва, мол, нужно на безопасных тренажёрах немного приучить тело к работе, укрепить сухожилия, набрать первую массу.
Но я считаю иначе. Именно свободный вес даёт сбалансированную нагрузку и у вас нет дисбаланса между, скажем, огромными трицепсами и чахлыми плечами. Вы же не хотите иметь дисбаланс? — спросил он сенатора.
- Нет, не хочу дисбаланс, — испугался Марулл.
- Тогда берём штангу, вернее, пустой гриф от штанги и начнём с приседаний.
- С приседаний? — с сомнением проговорил Марулл, бросив взгляд в зеркало, отражающее его довольно внушительный тыл и объёмные бёдра на фоне тощего торса и хилых рук, торчащих из лиловых рукавов футболки подобно двум белым спагетти. — Андреас, а Вы уверены, что стоит делать именно приседания? Мне кажется, прежде всего мне нужно подкачать… так сказать, верхнюю часть.
Андреас с изумлением уставился на сенатора, словно не веря, что тот осмелился усомниться в его рекомендациях.
- Хочешь бицепс — качай зад, — поделился он в конце концов тренерской мудростью.
- Как это? — спросил Марулл, дольше, впрочем, не сопротивляясь и не без некоторых усилий снимая со стойки гриф от штанги и водружая себе на шею.
- Так это! — охотно объяснил Андреас. — Гриф должен лежать не на шее, а на плечах,

— он слегка сдвинул груз.- Ноги на ширине плеч, пятки плотно стоят на земле и не отрываются. Теперь приседаем!
Марулл попытался присесть, однако пятки сразу оторвались от пола, что разумеется немедленно заметил всевидящий тренер.
- Значит так, — сказал он, — представьте себе, что вы хотите сесть на пенёк. Не сгибаете ноги, а как бы отводите таз назад, — Андреас встал к сенатору боком и продемонстрировал технику приседа. — А ну-ка!
Марулл с грузом на плечах попытался изобразить то, что показал Андреас, но чуть не завалился назад вместе с грифом.
- Я не представляю себе, как это можно сделать со штангой, — Марулл позволил себе лёгкое раздражение, — я всё время падаю!
Андреас вновь почесал затылок... — Хм… Ладно, давайте попробуем на Смит-машине, — решил он.
- Давайте, — покорно согласился Марулл. Что такое Смит-машина он не знал и опасливо заозирался по сторонам, подтягивая слегка сползшие после приседаний шорты. Та, впрочем, оказалась просто штангой, которую надо было двигать вверх и вниз по специальным желобкам, не дававшим ей падать назад или вперед. Под бдительным надзором Андреаса сенатор, кряхтя, присел шесть раз и почувствовал, что ресурс его веры в себя на сегодня иссяк. Впрочем, тренер тоже решил, что с сенатора хватит. Он в последний раз черкнул что-то у себя в листке, трубно шмыгнул носом и сказал: Ну что ж, на первый раз достаточно, следующую тренировку предлагаю сделать через два или три дня.
- Серьёзно? — спросил Марулл с плохо скрываемой радостью. Он полагал, что тренироваться придётся каждый день.
- Серьёзно, — ответил Андреас. Завтра и послезавтра вы будете не в состоянии тренироваться.
Маруллу стало обидно.
 — Отчего это не в состоянии? — сказал он, подбоченясь. — Нагрузка была не так уж и велика. Вы меня недооцениваете, мой юный друг!
Тренер со странной иронией посмотрел на сенатора, но спорить не стал. — Что ж, если хотите, давайте назначим тренировку на завтра, — пожал он плечами.
- Нет, нет, — давайте не будем форсировать события, — Марулл, испугавшись, сдал назад, — я полностью Вам доверяю, через три, так через три!
- Правила знаете? — спросил Андреас, и несмотря на утвердительный кивок своего ученика, растопырил пальцы и начал их загибать: Пока Вы член клуба — никаких манипуляций со своим телом, кроме естественных, не производить, — обезболивания не делать, медикаменты и анаболики только с разрешения Джо, — впрочем, для вас

как для новичка это не актуально. Нарушите правила — покидаете клуб навсегда. — Андреас улыбнулся, — впрочем, я не сомневаюсь, что настоящий джентльмен так не поступит. Если вам надоест тренироваться — просто скажите, договорились?
Сенатор подавил желание сообщить, что тренироваться ему УЖЕ надоело и вновь кивнул.
- Что ж, если у Вас больше нет вопросов, то залезайте на велотренажёр, и сорок минут покрутите педали в комфортном для вас режиме. А я прощаюсь, — и Андреас протянул свою лапищу Маруллу. Обменявшись с тренером рукопожатием, сенатор сел на указанный тренажёр и начал крутить педали.
Тренировка ему не особо понравилось, однако оказалась и не так ужасна, как он полагал. Годик можно и походить, — решил он, — смысла в плане внешности, конечно, никакого, захочу — сделаю себе фигуру как у графа и плевать я хотел на всяких там Джо. Однако... Может что-то и впрямь есть в том, чтобы заработать себе ширину плеч усилиями и дисциплиной, а не сделать щелчком пальцев? Сенатор даже начал жалеть, что смалодушничал и не назначил тренировку на завтра. Чувствовал он себя хорошо, никакого дискомфорта или боли не чувствовал... Надо будет сказать Андреасу, пусть увеличит мне нагрузку, — подумал он, — а то, что это за тренировка? Сделать всего по одному подходу, да поприседать немного… Тут Марулл вспомнил свои ощущения на первых тренажерах для ног и поёжился. Впрочем, сильно увеличивать может и не надо, — подумал он... Так, слегка…

ГЛАВА 9. ОТПУСК

Сенатор умирал… Боль волнами ходила по его телу, начиная от икр медленно шла вверх по бёдрам, долбила в поясницу, терзала живот, разрывала грудь и охватывала плечи с шеей при малейшем движении.
Марулл издал тоненький жалобный стон и попытался повернуться на бок. Это ему, как ни странно удалось, — сухожилия не лопнули, мышцы тоже вроде остались на местах, а кости не выскочили из суставов, хотя сенатор не сомневался, что произойдёт нечто подобное.
- О, Боже, — простонал сенатор. Он лежал у себя в постели, вцепившись руками в одеяло, и думал, что больше терпеть не в силах. Почти уже приняв решение облегчить боль в мышцах сверхъестественным способом, он вдруг представил себе Андреаса, грустно качающего головой. Из руки тренера медленно выпадал оранжевый листок, где он вёл записи во время тренировки Марулла. Затем воображаемый Андреас повернулся к сенатору спиной и, тяжело вздохнув, начал от него медленно удаляться.

— Ну уж дудки, — проскрипел Марулл, снова меняя позу. Помогло не сильно и сенатор уже решил попробовать чем-нибудь отвлечься от болевых ощущений, как вдруг из-за окна раздался пронзительный звук трубы, а затем грохот нескольких барабанов. — Этого ещё не хватало, — проворчал сенатор, пытаясь защититься от воя и грохота, с трудом засунув голову под подушку. Шум не умолкал и Марулл сообразил, что предназначен он, по всей вероятности, ему. Вставать с кровати никаких сил не было и он, шевельнув пальцем, сделал стену спальни прозрачной со своей стороны.

Его взору предстал отряд довольно нелепо выглядящих людей — судя по всему — военных. Они были одеты в оранжево-синюю форму и подпоясаны кожаными ремнями, а на головах их красовались серебристые шлемы с красным плюмажем. Двое из них что было сил дули в медные трубы, а ещё с десяток лупили в войсковые барабаны. Сенатор зажал уши руками и, будучи не в состоянии встать с кровати, перенёсся на газон перед домом прямо в халате.

- Что вам угодно? — заорал он, не убирая рук от ушей, так как грохот не утихал, — кто вы такие?

- Высоченный военный с самым пышным плюмажем сделал шаг вперёд и поднял правую руку, давая команду прекратить музыкальное сопровождение. К облегчению сенатора, шум в ту же секунду смолк, а худрук отряда картинным движением достал из-за спины огромный скрученный пергамент, медленно развернул его и, прочистив горло, огласил:

- Величайшего из всех сенаторов, мудрейшего и благороднейшего Марулла, славного героя и приятнейшего из всех собеседников смиренно умоляет о позволении на посещение его ничтожный друг...

- д`Эглиз! — воскликнул сенатор, впрочем, сразу об этом пожалев, так как выкрик немедленно отдался дикой резью в мышцах живота. — Как я не сообразил, — пробормотал он, вспомнив обещание графа прислать ватиканских гвардейцев перед своим следующим визитом. — Ну что за детский сад! Передайте, пусть заходит, — проскрипел он, морщась от боли и держась за левый бок, где ныло особенно сильно. Предводитель отряда склонился перед Маруллом в почтительном поклоне. Увидев, что барабанщики вновь занесли палочки над своими инструментами, сенатор в ужасе махнул рукой, заставив весь отряд испариться, после чего перенёсся к себе в гостиную в разложенное кресло и испустив вздох облегчения, закрыл глаза.

- Вам не угодишь, дружище, — услышал он через мгновение бодрый голос графа.

- Очень смешно, — выдавил из себя Марулл, не открывая глаз.

- Ну согласитесь, что и вправду смешно, — сказал д`Эглиз, подходя к креслу сзади и осторожно беря друга за плечи.

- Согласен, — через силу улыбнулся сенатор, — Я бы даже посмеялся над тем, как вы

меня подкололи, но мне очень больно это делать. Вы не представляете, как я себя чувствую! Как будто меня пропустили через мясорубку...
- Боюсь спросить, какой именно жизненный опыт подсказал вам подобную аналогию, — сказал д`Эглиз. — Но поверьте, старина, ощущения ваши мне вполне знакомы. После пятой-шестой тренировки они почти сойдут на нет, однако сейчас ваш организм и впрямь в шоке, — он судорожно пытается восстановить ваши мышцы, выгнать из них излишек молочной кислоты и подготовить для столь неожиданно свалившихся на старости лет нагрузок. Организм ведь не понимает, что вы хотите тренироваться — для него первая тренировка — огромный стресс и он изо всех сил будет пытаться адаптироваться. Если тренинг станет регулярным, организм привыкнет и вы начнёте получать удовольствие не только от самих нагрузок, но и от процесса восстановления после тренировки. Начнёте наконец-то чувствовать мышцы!
- Поверьте, я их и сейчас очень неплохо чувствую, — простонал сенатор.
- Знаю, сказал д`Эглиз, — Знаю, как вы страдаете, поэтому и пришёл за вами.
- За мной?
- Да, мой друг, мы с вами и с Лионом отправляемся на два дня в отпуск, где вы сможете спокойно восстановиться. Солнце, море, вода. Маленький необитаемый остров посреди океана. Всё, что нам будет нужно — создадим на месте.
- Чудесная идея, — признал сенатор, — спасибо, граф! Лежать под солнышком и ничего не делать — это то, что мне сейчас надо. — О, Боже, — простонал он, а я ведь собирался назначить на сегодня тренировку…
д`Эглиз весело засмеялся. — Что ж, друг мой, ещё не поздно. Договориться с клубом? Ладно, ладно, шучу... Вам нужно время на сборы?
Сенатор задумался: Наверное, нет, но…
- Прекрасно, — воскликнул д`Эглиз и Марулл почувствовал, что куда-то проваливается, а через секунду ему пришлось прикрыть рукой глаза, так как яркое солнце ослепило его даже сквозь сомкнутые веки.
- Добро пожаловать, дорогой друг, — услышал он добродушный голос Лиона, — я сделаю солнце чуть менее слепящим.
Марулл отнял руку от глаз и действительно смог без всякого дискомфорта оглядеть окрестности. Он находился в удобнейшем шезлонге, на берегу маленького острова, покрытого белым, идеально чистым песком. Чуть слышно шумели волны, накатывая на берег, возле самой воды чинно прогуливалась пара чаек. Пляж был довольно узкий, всего около ста метров и сенатор, оглянувшись, обнаружил позади реденький пальмовый лес. Рядом, в таких же шезлонгах, как и у него, лежали Лион и д`Эглиз. Граф подмигнул сенатору, а Лион лениво помахал рукой, после чего оба закрыли глаза и стали молча загорать. Сенатор тоже не был расположен к беседе, ему хотелось

просто спокойно полежать и, возможно, чуть позже окунуться в море, если позволит самочувствие. Опустив глаза, он обнаружил, что д`Эглиз не только перенёс его на пляж, но и лишил халата, облачив вместо этого в купальные шорты. Разумеется, они были розового цвета и усеяны изображениями героев диснеевских мультиков. Сенатор обречённо вздохнул, приводя шорты в нормальный вид и расслабился в шезлонге. Мышцы продолжали ныть, однако шум прибоя и ласковое солнышко отвлекли Марулла от боли, он расслабился и через некоторое время погрузился в дрёму. Мысли лениво текли у него в мозгу, он наслаждался жарой и покоем и думал, как всё-таки хорошо — жить. Ну, существовать, или как там назвать этот нынешний статус...
- Если это — ад, — думал он, — ну или, Чистилище, — то что же тогда — рай? Здесь я имею всё, что душа пожелает, я — всемогущ, здоров и, похоже, бессмертен. Что такого может быть там, что будет лучше, чем здесь? На этот вопрос у Марулла ответа не было и в слабых попытках отыскать его погружающимся в сон рассудком, он незаметно уснул.

Сколько времени он провёл в сладкой дрёме, Марулл не знал — может быть, несколько часов, а может — всего пару минут? Однако лишь захотев выяснить это точно, он узнал, что проспал ровно сорок четыре минуты и шестнадцать секунд по земному времени. Став счастливым обладателем этой информации, Сенатор, однако, не спешил открывать глаза, а невольно прислушался к диалогу, который вели граф д`Эглиз и Лион.
- А я говорю, — давайте просто попробуем! — говорил д`Эглиз, — ну нельзя быть настолько консервативным, Лион! Даже не консервативным, а упёртым! — Вы же знаете, даже если вы отравитесь, то за пару секунд сможете себя исцелить, — зато есть реальный шанс, что вам понравится вьетнамская кухня! Ну же, дружище!
- Разумеется, я это понимаю, граф, — степенно отвечал Лион, — мне даже и двух секунд не надо, — у меня просто очень неприятные воспоминания из земной жизни, — я был в Тайланде, вечером отужинал в отеле — причём неплохом — а на следующий день меня скрутило так, что я чуть не… В общем, мы чуть не познакомились с вами раньше чем нужно, граф… Справедливости ради, надо сказать, что может, дело было и не в еде, а в местной воде. Но ощущения были столь ужасными и боль в животе такой сильной, что я с тех пор зарёкся есть незнакомую пищу.
Я тоже думаю, что дело было в воде, — подал голос Марулл, щурясь на солнышке — помнится, посетил я по молодости Турцию, в отеле четыре звезды, олл инклюзив, так сказать. Но олл инклюзив — постольку поскольку... Бара на пляже не было, да и самого пляжа при гостинице не было, нужно было идти через другой отель, показывать сотруднику у входа такую специальную карточку — право на посещение пляжа, а тот

еще и нос воротил всякий раз, когда видел, что я не с его территории, делал вид, что меня не запомнил и каждый день требовал ему эту карточку заново предъявлять.
- Так вот насчет воды... — напомнил Лион, возвращая увлёкшегося сенатора в русло разговора.
- Ах да, так вот, в нашем затрапезном отеле можно было пить бесплатно все, кроме свежевыжатого апельсинового сока и всего, что было не на разлив, а в бутылках. Вы меня поняли, да? — улыбнулся Марулл. — В проспекте было написано именно так — можно пить всё, что на разлив, кроме свежевыжатого сока. А кроме свежевыжатого сока там почти ничего не было на разлив. Я в основном пил, конечно, этот самый сок, но он стоил недёшево, а я был бедным студентом, так что периодически пил напитки, входившие в этот самый олл инклюзив — там стоял автомат с двумя краниками, выдающий какие-то загадочные смеси. Один краник — с претензией на апельсиновый привкус, а другой вообще что-то очень экзотическое. Но прелесть была в том, что это было замешано на воде — не минеральной, разумеется, а из-под крана. Ну я и пил ее пару дней. А потом меня как скрутило...
- Ну, может быть это было всё же из-за кухни? — спросил Лион и, внезапно воспарив над шезлонгом, подставил обширное тело образовавшейся в паре метров над землей закутанной в паранджу женщине, которая начала натирать его молочком от солнца. Женщина была колоритной — средних лет, судя по рукам — единственному, что можно было увидеть из-под многочисленных накидок. Марулл с досадой поймал себя на мысли, что он наверняка призвал бы кого-нибудь помоложе для этих целей и обругал себя мальчишкой. Дело свое массажистка, видимо, знала хорошо, — Лион зажмурился и продолжил заметно потеплевшим голосом, — дорогой Марулл, не склонны ли вы предположить, что виной вашим проблемам была не вода, а знаменитые восточные приправы вроде шафрана или...
- Я вас умоляю, — вновь вступил в разговор д`Эглиз, — кухня в Турции во времена молодого Марулла уже была исключительно европейская. Именно по этим, кстати, причинам. д`Эглиз погладил себя по упругому, заросшему волосами животу. Турки так жутко боятся отпугнуть туристов, что кормят их исключительно тем, что эти самые туристы едят у себя на родине. Ах, шафран, шафран... — д`Эглиз мечтательно закатил глаза.
- Это точно, — подтвердил сенатор — был конечно и шафран, и еще штук пятнадцать разных приправ, только вот стояли они все на отдельном столике, можно было подходить и брать их.
— Ха! Приправы на отдельном столике, — усмехнулся д`Эглиз, — во-первых их все равно надо закладывать при готовке, во-вторых, надо знать, куда и сколько закладывать, а в-третьих... что в-третьих? на мгновение задумался граф, почесав

могучей рукой в затылке, — ах, да! В-третьих, класть шафран наугад в те блюда, которые вам подают в отеле, — грибной суп или там, лазанью — это все равно что... Хмм... вы сильны в метафорах, Марулл, продолжите мою мысль.
- Застигнутому врасплох, сенатору было, с одной стороны лестно, что граф призвал его на помощь в качестве специалиста по метафорам, однако придумать красивое сравнение за пару секунд было не так-то просто. Маруллу, однако, не хотелось ударить в грязь лицом. Все равно что... Хммм... протянул он. Класть шафран в грибной суп или в лазанью, — повторил он, лихорадочно придумывая остроумный ответ, — это столь же дурной вкус, как... есть рыбу с красным вином, — закончил он и густо покраснел, устыдившись своего корявого ответа.
- д`Эглиза, однако, сравнение, похоже, вполне устроило, так как он, протянув руку, дружески хлопнул сенатора по голой спине так что тот аж подскочил, и одобрительно хмыкнул. Сенатор обратил внимание, что и Лион уважительно поднял бровь. — А что, — подумалось сенатору, — и впрямь не такой уж и плохой образ. Кто же ест рыбу с красным вином? Похвала явно подействовала на сенатора, — он почувствовал, что довольная улыбка помимо воли появляется на его столь старательно выдержанном в солидных тонах лице. Он увидел, что и его друзья заулыбались сенатору и друг другу.
- Как же хорошо — просто сидеть вот так, — подумалось сенатору. Ему вдруг захотелось сделать всем что-нибудь приятное. Секунду подумав, он коротко закрыл глаза и вот — на столике рядом с д`Эглизом появилась вспотевшая бутылка его любимого “Швепса”, а в руку Лиону ткнулся вафельный стаканчик с мороженным.
- Вишневое, шоколадное, и... о, кажется, шампанское, — закончив сеанс массажа, Лион позволил даме в паранджe раствориться в воздухе и внимательно изучил три шарика. — Благодарю. Порадовали, Марулл, порадовали. Лион с видимым удовольствием принялся за угощение. д`Эглиз, по обыкновению отблагодарив друга коротким салютованием, наполнил стакан из бутылки и, сделав смачный глоток провозгласил: ну, а теперь, как говорят в восточной Европе, — от нашего стола — вашему столу!
Что-то коротко прошуршало в воздухе и на столике рядом с шезлонгом сенатора появилась не менее вспотевшая бутылка. — Конечно, "Аполлинарис", — сенатор с признательностью улыбнулся другу. — Отчего же так приятно-то?- подумал он, откупоривая подарок и наполняя стакан. Ведь ясно, что не в "Аполлинарисе" дело. Я могу сам себе столько минеральной воды создать, сколько захочу. Но ведь это будет не то. Не в том, видимо, дело, что твои желания исполняются, а в том, что рядом есть кто-то, кому они небезразличны.
- Так вот, возвращаясь к теме воды, — прервал воцарившееся благодатное молчание Лион. — До меня тут дошли слухи, мой милый Марулл, что наш друг-атлет совратил

вас на путь здорового образа жизни и даже загнал в спортзал. А вместе с тем вы, дружище, пьете минеральную воду, молчу уже о перегруженной хинином гадости, которую употребляет наш уважаемый граф!
- Ну, на совершенство я не претендую, — засмеялся д`Эглиз. — "Швепс" — это и впрямь моя слабость. Но что вы имеете против минеральной воды? Ведь это самое здоровое, что может быть!

В ейном соке, генерал,
Есть полезный минерал.
От него из генералов
Ни один не помирал, —

процитировал д`Эглиз четверостишие, видимо, из какого-то сатирического произведения. Минеральная вода, — она же содержит кучу всего полезного. Магний, например, необходим для эластичности вен, — это я точно знаю, а этот самый "Аполлинарис" - смотрите, сколько его содержит!
- Хм... — Лион довольно хмыкнул и потерев ладони, уселся в шезлонге поудобнее.
- Сейчас будет лекция, — понял сенатор и улыбнулся, незаметно переглянувшись с графом.
- Итак, мои друзья, — начал Лион торжественно, — позвольте провести маленький ликбез по анатомии и биологии. И химии, — добавил он чуть погодя. Человеческое тело и впрямь нуждается в различных категориях полезных веществ. Среди них есть белки, жиры… — Лион чуть заметно вздохнул, — углеводы, витамины и, как совершенно верно отметил граф д`Эглиз... что?
- Минералы, — хором сказали сенатор и граф, подыгрывая философу.
- Минералы, — кивнул Лион. Так вот, наше с вами тело действительно в них нуждается, — магний, как уже заметил граф, в первую очередь для эластичности сосудов, кальций, отвечающий главным образом за костные образования, а также калий, натрий, и вообще чуть ли не вся периодическая таблица. Сделав гамлетовскую паузу, и облизав начинающее течь мороженое, Лион продолжил:
- Как вам, возможно, известно из школьной программы, пища бывает органической и неорганической, и человеческий организм может воспринимать исключительно органическую пищу! К примеру, съедая яблоко, человек получает органическое железо, которое в нем содержится, и усваивает его. А вот если вы возьмете шуруп из вашего автомобиля и проглотите его, то, увы, это железо ваш организм не усвоит. Один мой друг рассказывал, что во время своих поездок в Африку он наблюдал за людьми, которые от голода ели землю и умирали в страшных муках. В земле, друзья,

содержится все, что нужно человеку, однако даже если вы будете есть чистый чернозем, вы, увы, также умрете от голода. — Лион все более увлекался, его лысина слегка вспотела и начала поблескивать на солнце. д`Эглиз с заботливым выражением лица попытался промокнуть ее только что созданным лиловым носовым платочком с крупно вышитыми словами "Великий мудрец Лион", однако тот, досадливо отмахнувшись, продолжил, обращаясь теперь исключительно к сенатору: — Но стоит посадить в этот чернозём, скажем, картофель, который это впитает, переработает, произведет новые вещества, а потом его съесть, то организм примет это и здоровые органические вещества забурлят, кровь потечёт, распределяя все по местам: куда нужно — крахмал, куда нужно — протеин... да перестаньте шутить, д`Эглиз, — сердито крикнул Лион, стряхивая с носа внезапно возникшее на нём профессорское пенсне. — Мы говорим о серьезных вещах!

- Друг мой, на несерьёзные вы никогда не разменяетесь, — засмеялся граф. — Пойдемте купаться!

д`Эглиз резво вскочил с шезлонга и, несколько раз пружинисто присев, легко сел на шпагат и начал, растягиваясь, наклонять торс из стороны в сторону.

- Благодарю, пожалуй я откажусь, — с ноткой недовольства проговорил философ. Сенатор почувствовал, что Лиону явно хотелось продолжить тему. Сам он против тоже ничего не имел.

- Спасибо, граф, я посижу с Лионом на берегу и посмотрю на вас. За вами мне все равно не угнаться, — сказал Марулл. — Кроме того, мне интересно, что рассказывает Лион — неожиданно для самого себя выдал сенатор истинную причину своей неохоты идти с графом.

- Так что там насчет минеральной воды? — тряхнул головой Марулл, отгоняя нахлынувшие было мысли. Он вновь расслабился и, откинувшись на спинку шезлонга, помахал в ответ отсалютовавшему д`Эглизу, резво забегающему в море — Вы сами до всего этого дошли, Лион?

- Что вы, друг мой! Чтобы дойти до всего этого самому, понадобился бы опыт многих поколений. Быть может, десятков или даже сотен. Так во всём — один человек изобретает за всю свою жизнь, скажем, колесо, его сын — телегу, внук — додумывается впрячь в неё лошадь, которую начал использовать в сельском хозяйстве сосед, а прапраправнук того внука, по имени, скажем, Адам Отто, решает заменить живую лошадь на механическую и изобретает...

- Двигатель внутреннего сгорания, — проявил эрудицию сенатор. Лион однако не воздал должное познаниям сенатора. Он настолько увлёкся собственным рассказом, что даже поставил на землю ноги, и продолжал уже сидя: Вы только подумайте, дорогой Марулл, насколько мы, люди, нужны друг другу! Мы так сотворены, что просто

не можем друг без друга жить. Не можем творить! Да, да, согласен, дорогой, друг, поспешное заявление, — умоляюще замахал Лион руками на сделавшего невольное движение сенатора, — поспешное и неверное, конечно же, заявление — можно творить и одному, — великий Леонардо писал в одиночку Джоконду, а Данте — в одиночку создал Божественную комедию. Но сенатор, если вдуматься, разве возможно ли было это без уже открытого ранее другими гениями? Где бы был Леонардо, если бы не изобрели краски? Чем смог бы выразить Данте бурю, бушевавшую в его душе, не будучи вдохновлён Эсхиллом, Гомером, Отцами Церкви, в конце концов? Вдохновлён и научен, позволю себе заметить!

- Я думаю, что гений нашёл бы средства, чтобы себя выразить, — сумел наконец Марулл вставить реплику и, заметив, что Лион переводит дух, уделяя внимание уже порядком подтаявшему мороженому, — каждому времени — свои краски. Вот, взять, например, статую Венеры — ею до сих пор восхищаются, хотя у скульптора, создавшего её, вряд ли были, скажем, лазерный резак, электронный отвес или что там скульпторам нужно. Я все же думаю, что и Данте, не читай он Эсхилла и Гомера, оставил бы после себя что-нибудь великое.

- Сенатор, вы ведь читали Божественную комедию? — спросил Лион после небольшой паузы.

- Не читал, — ответил сенатор и покраснел. Его вдруг одолело колкое беспокойство, Лион может подумать, что Марулл спорит лишь ради спора. — Не читал, но...

- Это нестрашно, — заметил Лион, — не беспокойтесь, дорогой друг, это не влияет на предмет спора, я вас внимательно слушаю и понимаю ваш аргумент. Философ улыбнулся в ответ на благодарный кивок сенатора. Однако позвольте все же с вами не согласиться. Когда вы прочитаете Божественную Комедию бессмертного Данте, вы увидите, что выразить глубину мыслей, которая там отражена просто невозможно меньшими средствами! Невозможно! — значительно повторил Лион, важно подняв палец. Возьмем футбол, — неожиданно сказал он. Вы слышали о Пеле?

- О Пеле? — сенатор с трудом удержался от хмыканья и справившись с самодовольным желанием переспросить "Это тот, который Эдсон Арантис ду Насименту?", ответил просто: Конечно, слышал.

- Так вот, Пеле, или Эдсон Арантис ду Насименту, — тщательно выговорил Лион, — был величайшим футболистом своего времени. Он превосходил коллег практически во всем: в скорости, владении мячом, силе и точности удара, видении игры. Так вот, быть может вы удивитесь, но современный средний футболист будет почти равен, а то и превзойдет Пеле по всем этим параметрам.

- Ну вот, это аргумент в мою пользу, — не удержался сенатор. Для своего времени он был гениальным, а родись он в наше время, он бы был и сильнее и быстрее... то есть,

мог бы быть... хм... я запутался, — немного помолчав, признался сенатор.
- Честно говоря, я тоже, — после небольшой паузы проговорил Лион. Друзья посмотрели друг на друга и, внезапно, оба рассмеялись.
- Простите, сенатор, меня, как иногда бывает, немного увлекло собственное красноречие и я уже не сильно помню, с чего мы с вами начали.
- Вы начали с минеральной воды, — раздался рядом бодрый голос вышедшего из воды д`Эглиза, — но я умоляю вас, не начинайте сначала, дорогой Лион. Вы очень умный человек, но с вами положительно нельзя долго общаться, а то можно стать мудрым как вы.
- Что же в этом дурного? — спросил Лион, откидывая голову назад, чтобы разглядеть графа.
- Что вы, что вы, решительно ничего, — д`Эглиз запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха, — это лишь отрицательно сказывается на фигуре. Ну-ну, шучу, не обижайтесь, дружище, — граф с разбегу запрыгнул на застонавший от натуги шезлонг. — Вода — сказка, друзья! Хоть и не Аполлинарис, но теплая, — он мечтательно закатил глаза и, с хрустом потянувшись, блаженно застыл под жаркими лучами. — Каждому своё, — сказал он через несколько мгновений, — каждому нужна для счастья немного другая смесь, верно, друзья?
- А вы счастливы? — спросил Марулл.
- Да, — уверенно ответил граф. Я нашёл свой рецепт. У меня есть солнце и море, когда я захочу, и у меня есть звёзды и снег, когда я не хочу солнца и моря. Кроме того у меня есть мудрость, — немного иная, чем у нашего друга Лиона, — улыбнулся граф, — мудрость осознавать, что жизнь — или как ещё именовать существование здесь, — это для меня не просто путь, а сама по себе цель. Я живу не для того, чтобы куда-то прибыть, я живу, наслаждаясь дорогой. Поэтому меня трудно разочаровать. Я не боюсь депрессий и раздумий о смысле жизни. Они есть часть этой самой дороги. Поэтому я предпочитаю достигать всего сам, — чем больше человек достигает сам, тем большим смыслом наполняется его дорога. Я достигаю — я меняюсь. В этом и есть смысл.
- Но ведь любая дорога куда-то ведёт, — заметил сенатор.
- Да, ведет, — согласился граф, все так же неподвижно лёжа с закрытыми глазами. — Раньше она вела сюда, вместо где мы с вами пребываем.
- А теперь? Ведь теперь что-то изменилось? Куда она ведет теперь? — продолжал спрашивать сенатор, чувствуя, что затронул что-то серьезное.
- Не знаю, дружище, предпочитаю об этом не задумываться, — ответил д`Эглиз, немного помолчав.
- Но ведь эти мысли — часть вашей дороги, д`Эглиз, — подал голос молчавший до сих

пор Лион.
- Поймали, — легко согласился граф. — Поймали, — повторил он через несколько мгновений и сенатору показалось, что во всегда весёлых глазах д`Эглиза мимолётно скользнула тоска. — Я не знаю, куда она ведет. Но это ведь не меняет её смысла, — быстро сказал он, и весёлые искорки опять заплясали в его взгляде, — смысл не в том, чтобы вести куда-то, а в ней самой.
- Но в ней самой как раз теряется всякий смысл, если она никуда не ведет, — горячо возразил сенатор, приподнимаясь на лежаке. — Это как... — он на секунду задумался, — как производящая бензин машина, работающая на бензине. Она работает для того, чтобы работать, чтобы поддерживать саму себя. Со временем она ветшает и разрушается... или еще хуже, как в нашем случае, она остается и вечно производит бензин для того, чтобы работать и производить бензин.
- Это не одно и то же, — граф говорил так же легко как и раньше, но сенатору показалось, что д´Эглиз вовсе не так уверен, как хотел показать Маруллу. Или самому себе... — Работая и производя бензин, машина остается машиной. Я же, живя свою жизнь здесь и совершенствуясь, получаю наслаждение от совершенствования. Жизнь приносит мне удовольствие. Какой еще нужен смысл?
- Тогда чем же вы лучше тех, кто даже не задумывается о смысле и просто щелчком пальцев делает себе плечи как у вас, никогда не бывая в тренажерном зале? — запальчиво спросил сенатор и, не дожидаясь ответа, продолжал: Они тоже наслаждаются существованием!
- Я не говорю, что я лучше, Марулл, не бейте меня, — шутливо поднял руки д`Эглиз, — у них просто своя горючая смесь для движения. Она их устраивает. У меня — моя — вот и все.
- Но ведь вы сами были таким как они?
- Был. Но я понял, что это не моя смесь.
- Тогда, быть может, настанет время, когда вы поймете, что и эта смесь вас уже не удовлетворяет?
- Возможно, — согласился граф, помолчав. — Возможно... Но это будет означать, что жизнь продолжается поиском новой смеси, — улыбнулся он. Так что, моя теория жизни ради жизни не так плоха, сенатор. Хотя, кто его знает. Может и она неверна. Но это не повод киснуть, дружище. Как говорил... хм... — д`Эглиз нахмурил лоб, — как говорил мудрец, — нашёлся он, не вспомнив имени мудреца и улыбнувшись самому себе, — унылый дух сушит кости! Спросите у Лиона, он вам это по-научному объяснит. Так что улыбайтесь, господа! — как сказал другой мудрец, а вообще, не сыграть ли нам в шахматы? — предложил он вдруг.
- Мы с Лионом ещё не закончили одну тему, граф — сказал Марулл, — начали с ним

обсуждать Пеле и “Божественную Комедию” Данте. Вот вы как считаете, они были гениями?
- Ну, про Пеле не скажу, может быть... А вот Данте — д`Эглиз фыркнул, — с чего бы быть гением этому бумагомараке?
— Что значит “с чего бы”? — возмутился Лион привставая на лежаке, — Данте повлиял на десятки поколений! На его произведениях выросли тысячи поэтов и писателей! Он оказал гигантское влияние на богословие, на…
- Ой, Лион, — д`Эглиз демонстративно зевнул, — всё, что сделал ваш Данте, — это записал какой-то свой бредовый сон, добавил в него конспирологии, каких-то глупых фантазий и сделал книжку, чтобы срубить деньжат, только и всего. Теперь-то мы с вами имеем возможность удостовериться, что всё так и было, не так ли?
- Ценность Данте, — запальчиво проговорил Лион, — вовсе не в том, что он всё правильно описал! Он писал не учебник, и не путеводитель...
- Вообще-то, именно путеводитель, — сказал д`Эглиз, лукаво улыбаясь.
- Его цель была не сообщить о том, как всё устроено в аду, а заставить людей задуматься, исправить какие-то вещи в своей жизни! И я уверен, кому-то это помогло лучше.
- Вы считаете, что помогло? — спросил д`Эглиз, — вот там вроде было что-то про чревоугодников, мучающихся в одном из кругов ада…
- Граф! — возмущённо воскликнул Лион, подскакивая на лежаке — я бы попросил вас без грязных намёков! — Данте Алигьери очень ценен для меня и оказал большое влияние на мою жизнь!
- Ага, оказал… То-то вы очутились в Чистилище, — пожал плечами д`Эглиз, — ладно, ладно, Лион, не кипятитесь, давайте лучше сходим искупаться, если вы не хотите играть в шахматы.
- Да, давайте, — поддержал его Марулл, огорчённый возникшим между друзьями напряжением — я постараюсь составить вам компанию, — он, кряхтя, слез с шезлонга и поковылял в сторону моря.

ГЛАВА 10. НЕМНОГО О ПОЛИГОНАХ

Вечером, — а вернее, когда д`Эглиз решил, что солнцу настала пора уходить за горизонт, Лион, блаженно растянувшись в шезлонге и глядя на закатное небо, предложил:
- А не сыграть ли нам, джентльмены, в картишки? Я вот, например, соскучился по чему-нибудь интеллектуальному вроде преферанса.

- Интеллектуальному? И это говорит человек, дважды отказавшийся составить мне партию в шахматы? — возмущённо фыркнул д`Эглиз.
- Не знаю, господа, — с сомнением протянул Марулл, — опять вместо игры сосредотачиваться на том, чтобы не наколдовать себе карты получше… — Честно говоря, желание играть у меня, кажется, надолго отшибло…
- Слова не мальчика, но мужа, — поднял палец Лион, — вы становитесь всё взрослее, дорогой друг.
- И это внушает нам огромное беспокойство — немедленно встрял д`Эглиз, с разбегу запрыгивая на свой шезлонг, — я вот например, собираюсь по возможности дольше оставаться не мужем, но мальчиком. Впрочем, мужем тоже быть неплохо и, кстати, я соскучился по моей Бесс. Никто не возражает, если она к нам присоединится?
- Да, разумеется… То есть, нет, разумеется… Не возражаем… — сенатор почему-то очень разволновался.
- Не переживайте вы так, Марулл, — я надену халат, а вы втянете живот и сразу будете комплексовать немного меньше, вот увидите.
- Я вовсе не… — начал сенатор, но с досадой махнул рукой на залившегося весёлым смехом д`Эглиза. — ну вот что с ним делать? — риторически спросил он у Лиона.
- Полагаю, ничего, друг мой, — философски ответил Лион, и развёл руками. На нём немедленно появился сиреневый шёлковый халат и Марулл поспешил создать себе такой же.
- О, прикрой свои бледные ноги! — продекламировал д`Эглиз, насмешливо наблюдая за манипуляциями Марулла, — что ж, друзья. если вы закончили прятать свои дряблые телеса, я вызываю Бесс. — Кто не спрятался, я не виноват.

- Добрый вечер! — раздался голос жены д`Эглиза откуда-то из-за спины сенатора. Марулл поспешил вскочить с шезлонга, что немедленно отдалось тупой болью в мышцах и заставило сенатора слегка скривиться. Бесс стояла в нескольких шагах от них. Марулл поглубже запахнул халат и чинно поклонился Бесс, ответившей ему ещё более широкой улыбкой.
- Здравствуйте, здравствуйте, друзья, очень рада вас видеть, — сенатор Марулл, философ Лион... Ну и, разумеется, мой любимый супруг, — она обняла подошедшего к ней д`Эглиза и поцеловала в щёку, чуть приподнявшись на цыпочки. — Спасибо за приглашение, я смотрю, ты вспомнил, что у тебя есть жена, и решил вывести меня в свет.
- Ну, свет весьма условный, дорогая, — улыбаясь ответил д`Эглиз подвигая Бесс свой шезлонг, — но лучшего общества чем эти два престарелых бездельника я и впрямь предложить тебе сегодня не могу.

— Вы, безусловно, немного обсчитались, сообщая Бесс количество бездельников, — протянул со своего шезлонга Лион, — добрый вечер, моя дорогая, извините, что не встаю, чтобы вас поприветствовать, но я уж очень удобно устроился.
- Ничего, ничего, мой дорогой, чувствуйте себя как дома, — Бесс легко рассмеялась и обратилась к д`Эглизу, — милый, спасибо за шезлонг, но погода не располагает. Солнышко уже почти не греет поэтому если нет возражений… И Бесс уселась в появившееся из воздуха большое уютное кресло.
- Ну, мальчишки, как вы провели вечер?, — спросила она через минуту, прервав затягивающуюся паузу, — понимаю, что в моём присутствии самое интересное вы обсуждать не станете, но неужели не найдётся ни одной темы, чтобы развлечь даму?
- Ах, дорогая, ты недооцениваешь ограниченность этих двух зануд, — лениво проговорил д`Эглиз, небрежным жестом доставая из воздуха огромный пробковый стакан с плавающими внутри листьями мяты, кусочками лайма и торчащим зонтиком, и протягивая его жене, не вставая с шезлонга, — способностей к импровизации у них не больше чем у этого мохито, но сей прекрасный напиток по крайней мере можно выпить и насладится его вкусом, а у Марулла с Лионом вкус полностью отсутствует, что становится очевидным, стоит лишь взглянуть на цвет их халатов.
- Но ты же всё равно их любишь, милый, — кротко заметила Бесс, беря стакан и весело подмигнула сенатору с Лионом.
- Что есть, то есть, — вздохнул д`Эглиз, — ах, эта вечная тяга противоположностей друг к другу...
- Позвольте, граф, — не выдержал наконец Марулл, нервно затягивая пояс на распахнувшемся халате, — кто это вам сказал, что мы не умеем развлекаться? И уж тем более абсурдно предполагать, что мы не сможем занять даму беседой!

- Вы уже её утомили Марулл, однако не останавливайтесь, ваш голос так хорошо убаюкивает, — д`Эглиз демонстративно зевнул, закладывая руки за голову и надвинув солнечные очки на глаза.
- Сенатор Марулл меня вовсе не утомил, — Бесс опять широко улыбнулась, — впрочем, ты это знаешь, и знаешь, что я это знаю, и это я тоже знаю, дурачок, — Бесс нежно погладила д`Эглиза по волосам, тот поймал её руку и запечатлел на ней долгий поцелуй, — сенатор, прошу Вас продолжайте.
Ободрённый сенатор откашлялся и взглянул на Лиона, ища поддержки. Он вдруг сообразил, что понятия не имеет, какой же беседой занять даму. Однако Лион вовсе не спешил поддержать друга, а лежал, прикрыв глаза, и дремал. Ну, либо делал вид, что дремлет.
Марулл ещё раз откашлялся, а затем решительно начал:

- Вот Вы знаете, Бесс, если честно, мне нравится ваш муж…
Бесс бросила нежный взгляд на графа и серьёзно посмотрела на сенатора.
- Ого, Марулл, зашли с козырей? — сказал д`Эглиз, приподнявшись и поглядев на сенатора поверх солнечных очков.
- Да, он очень мне нравится, — повторил сенатор, поймав, наконец, нить разговора, который собирался начать, — и я узнал графа достаточно хорошо, чтобы никакие шпильки не могли заставить меня забыть, какой он добрый и внимательный друг…
Марулл замолчал. Молчали и остальные.
На лице д`Эглиза после этих слов проступил румянец, заметный, несмотря на загар.
- Марулл… Ну что вы за человек, — прервал он наконец паузу… Шах и мат... Вот ведь негодяй. Даже не знаю, как мне после этого над вами подшучивать.
- Подшучивайте на здоровье, граф, — ответил Марулл с улыбкой, — я вас раскусил, — вы — хороший человек!
- Милый, вот видишь, я же тебе говорила, — воскликнула Бесс, ловя руку д`Эглиза своей ладонью, — а ты мне не верил! Ты — очень хороший и добрый человек.
- Спасибо, спасибо, не надо оваций, — д`Эглиз пытался безуспешно скрыть смущение, — но я-то уж знаю, какой я человек.
- Ну и каким же вы себя видите? — заинтересовался Лион, внезапно вступая в разговор с живостью, говорящей, что он вовсе не дремал.
- Ой, Лион, я вас умоляю, давайте без сеансов психотерапии, — я — обычный. Как и любой другой. А вернее — необычный, как любой другой, как вы или Марулл. Точно такой же, только, разумеется, привлекательнее внешне и стройнее.
- И скромнее, — добавил Лион, укладываясь на лежаке поудобнее.
- Чрезмерная скромность есть не что иное, как скрытая гордыня, — наставительно проговорил д`Эглиз, — так говорил Андре Шенье!
- Тот, который окончил жизнь на гильотине? — с деланной наивностью уточнил Лион.
- Это несущественно, — ответил граф, — главное, афоризм красивый и правильный, — если я красив и строен — чего прибедняться?
- А ещё всемогущ — добавил сенатор Марулл.
- А вот тут как раз гордиться нечем, — пожал плечами д`Эглиз, — всемогущество даровано нам кем-то, а вот плоский, крепкий живот и сильный трицепс — это исключительно моя заслуга.
- Дорогой, а откуда у тебя вообще изначально взялся твой живот и трицепс? — лукаво спросила Бесс.
- Всё, всё, сдаюсь, родная... — д`Эглиз поднял руки кверху. — Этого у Творца не отнять — Он действительно меня создал и тем самым уже оправдал Своё существование на все сто.

- Если Он есть, — наставительно поднял палец кверху Лион, — я бы поостерёгся над Ним подшучивать.
- Я убеждён, что у Него отменное чувство юмора, — ответил д`Эглиз, вытягиваясь на шезлонге, — ведь Он сотворил и Вас, дружище!
- Милый, перестань, — Бесс шутливо шлёпнула д`Эглиза ладошкой по макушке, — после комплиментов сенатора тебе уже не удастся притворяться закоренелым циником как раньше.
- Да? Очень жаль, — зевнул д`Эглиз, — эта роль мне весьма к лицу, ты не находишь?
Бесс только ласково улыбнулась мужу и легонько поцеловала на голове графа то место, которое только что шлёпнула.
- Ладно, продолжайте, сенатор, — милостиво разрешил д`Эглиз, — у вас замечательно получается льстить, похоже, вас не зря в своё время сделали сенатором.
- Ну уж нет, — ответил Марулл, — вы всё испортили и хвалить я вас на этом перестану, — а вот про Бога поговорю с удовольствием. Вот скажите — он обратился к Бесс, — вам сейчас хорошо?
- Да, — улыбнулась супруга д`Эглиза, — мне хорошо. Со мной любимый, я молода, здорова, красива…
- Вот! — сенатор возбуждённо щёлкнул пальцами и, встав с шезлонга, начал расхаживать взад-вперёд. — Вот! И мне тоже хорошо! Мне даже прекрасно! Я тоже молод, здоров, мне не угрожает никакая опасность, позволено всё, что я захочу! Мои друзья тоже в полной безопасности. Они всегда рядом по моему желанию. У нас нет нехватки времени, мы можем заниматься всем, чем бы не захотели!
- Теперь должно последовать некое “но”, — улыбнулся Лион.
- Да… — Марулл остановился, внимательно глядя на друзей, — да… Огромное “но”. Очень непонятное “но”...
- Ну-ну, — ободрил сенатора его друг.
- Если всё так замечательно и прекрасно, отчего Творец не создал нас прямо здесь? Прямо сразу с этим всем — бессмертием, всемогуществом, властью! Зачем были эти мучительные пятьдесят шесть лет на Земле? Для чего это всё? Мучения, сомнения, боль, страх, болячки? Ведь идеальный мир — он существует, вот он — прямо здесь! Вот так как сейчас я бы и хотел жить всю жизнь!
- То есть, по вашему, то, где мы находимся — идеальный мир? — спросил Лион.
- А разве нет? — вскричал Марулл. — Разве нет, друзья? — Бесс, разве вот так как мы живём сейчас — это не есть высшее счастье, больше которого и придумать нельзя? А если будет можно придумать, то я в мгновение ока могу сотворить это самое “лучше”! Для чего, для чего же Творец начал с этого ужасного пролога, именуемого жизнью?
- Не сомневаюсь, что вы бы всё придумали гораздо умнее, — посмеиваясь сказал

д`Эглиз, вновь потягиваясь на своём ложе.
- Да! Да! — сенатор всё больше волновался. Он подошёл к спокойно лежащему д`Эглизу и посмотрел на него сверху вниз, — я действительно придумал бы умнее!
- Ну так придумайте и сделайте, чего вы так раскудахтались? — позёвывая сказал д`Эглиз. — Полагаю, вы вполне доросли до вашего первого полигона. Ну, вернее второго.
- Второго? — недоумённо спросил Марулл.
- Ну конечно. Первый — это ваш скучный особняк с садом — розовой мечтой нимфетки. Если бы не ваш клён, я вообще бы оставил всякую надежду, входя в ваш сад…
- Так о каких полигонах вы тогда говорите, д`Эглиз?, — спросил сенатор.
Сенатору внезапно ответила Бесс:
- Настоящие полигоны, сенатор Марулл, — это то, к чему рано или поздно приходят очень многие из тех, кто здесь живёт, — сказала она, глядя на сенатора серьёзным взглядом серых глаз, — не просто дом для себя, футбольный стадион или фитнес-клуб со своими правилами. А миры, которые создают, населяя их собственными созданиями. Миры, которым положено быть лучше и совершеннее того, что сотворил Господь…
- Ага! — воскликнул сенатор, — так выходит, возможно создать мир лучше и совершеннее!
- Конечно, конечно, — подал голос д`Эглиз, — только вот пока никто долго не смог выдержать в этом своём совершенном мире…
- Погодите, погодите, — сенатор уселся на шезлонг и задумался. — Значит, люди уже пытались создавать совершенный мир, но у них не получалось?
- Не просто пытались, а, в общем-то, большинство только этим и занимается, — фыркнул д`Эглиз.
- Вас это, кажется, сильно смешит? — вскинулся Марулл.
- Друг мой, — в разговор вступил Лион, приподнявшись в шезлонге и примирительно выставил вперёд руки, видимо, почувствовав напряжение, возникшее между друзьями, — полагаю, графа это вовсе не смешит, тем более, что он сам, несомненно, прошёл через этот период… Вероятно, идея создать мир лучше чем Бог просто кажется ему наивной. Как и всем нам, — вздохнул он, вновь принимая горизонтальное положение.
- Что ж, я пожалуй, готов попытаться, — Марулл почувствовал некий азарт. Идея создать собственный мир, избавленный от недостатков, казалась ему всё более привлекательной, — у меня ведь есть всемогущество как у Бога, так ведь? Так почему у меня не получится то, что и у Него? Бьюсь об заклад, у меня получится как минимум не хуже!

- Всемогущество Бога, сенатор — печально улыбнулся Лион — это не синоним выражению "делаю что хочу". Подобным могуществом действительно мы с вами обладаем: можем делать всё, что можем себе представить. В какой — то момент, впрочем, оказывается, что наша фантазия весьма бедна и всемогущество сводится к достаточно прозаичному прислуживанию собственным похотям, — Лион вновь грустно улыбнулся, — да, сенатор, одно из самых больших откровений для меня оказалось, что ад — это вовсе не место, где собрались отъявленные негодяи, насильники, убийцы и прочие отбросы общества. Здесь живут вполне нормальные люди, артисты, художники, врачи, религиозные деятели. И глядя на их существование здесь, вы можете посмотреть, на что тратят эти люди свое всемогущество. Вся наша сила и безграничная мощь, увы, свелись к служению самим себе, вернее всего лишь похотям нашей плоти и желаниям нашей души.
- Желаниям нашей души — это вовсе не так уж плохо, — буркнул сенатор, искоса поглядев на внимательно слушавшую их диалог Бесс, — в моей душе не такие уж и плохие желания. Я бы с радостью занялся например, благотворительностью, или чем — то в этом роде, но в этой дьяволовой дыре это совершенно никому не нужно. Каждый может сам исполнить свои пожелания в полной мере. Желание кому-нибудь помочь есть, однако я при всем своём всемогущество, похоже, не могу его исполнить.
- Отчего же, сенатор, — прищурился Лион, — со временем вы научитесь многим приёмам, открывающим новые горизонты: Вы сможете, например, создать действительно нуждающихся людей, которые будут невероятно благодарны за вашу помощь. Многие так и поступают. Повторяю вам, сенатор, здесь далеко не сборище беспринципных негодяев. Вот, например, доктор Бергинс. Он тоже решил попробовать себя в роли благотворителя. Однако так как творить добро было некому, он сотворил себе чумного больного и три месяца ухаживал за ним. Бедняга выздоровел, как и планировалось и боготворил Бергинса, днями и ночами сидевшего у его подушки.
- И что? — заинтересовался сенатор, наклонившись вперед.
Лион бросил на Марулла насмешливый взгляд и промолчал.
- Что вы на меня смотрите, Лион? Отвечайте!, — не выдержал сенатор.
- Ах, мы ведь прекрасно знаем, что против нашего желания здесь ничего произойти не сможет, — подала голос Бесс, задумчиво глядя на горизонт.
- Хм... Этот замечательный доктор мог исцелить его в любую минуту и бедняга не мучался бы три месяца? — сообразил Марулл, — то есть, это были три месяца фарса, в котором пострадал, в сущности единственно тот, кого доктор хотел облагодетельствовать?
- Вот и подумайте, Марулл, может ли принести хоть каплю удовлетворения подобное благодеяние. Ибо учинить беду можете с человеком лишь вы сами, — Лион отхлебнул

"Аполлинариса" и откинулся на спинку кресла, насмешливо глядя на Марулла, — более того, друг мой, если помыслите на шаг вперед, то поймете, что уже сам факт создания существа, всем вам обязанного и обреченного исполнять вашу волю, отнимает любую возможность получить удовлетворение от добрых дел.
- Почему? — спросил Марулл, уже догадываясь об ответе.
Лион иронично взглянул на сенатора, но всё же ответил:
- Потому что, дорогой сенатор, в этом случае получается, что вы можете создать человека счастливым или несчастным по вашему выбору. Однако вы намеренно создаете его несчастным, чтобы затем лишь с вашей помощью он стал счастливым. И тогда вы осознаете, что вся ваша благотворительность — сплошная липа.
- Но я могу сразу создать человека счастливым, — не сдавался Марулл. — Я могу создать его счастливым и с полным осознанием того, что этим счастьем он обязан именно мне!
- Что ж, в этом случае вы пойдете по стопам Тони Бэкрелла, бывшего Грин Писовца. Он заселил целый город счастливыми людьми, которые не знали болезней, ссор и распрей, растили здоровых детей и за все благодарили Тони. Он засадил город прекрасной зеленью, населил животными, не причиняющими людям и друг другу никакого вреда.
- Ну и?, — вновь не вытерпел сенатор, — хотя постойте, — рассмеялся он, — через пару недель это все начало так раздражать Тони, что он наслал на город небесный огонь и обратил все свои замечательные творения в прах?
- Почти. С парой недель вы немного не угадали, однако судя по рассказу Тони, он вскоре почувствовал себя столичной примой на гастролях провинциального театра. Его превозносили, ему были искренне благодарны и, очевидно, было за что, однако он выдержал лишь полгода.
Согласитесь, дорогой друг, что и мы порой представляли себе Бога примерно таким… Когда, конечно, вообще брали на себя труд о Нём думать…
- Да, таким как Беркинс, — кивнул сенатор, — вероятно, именно поэтому я так и не смог в Него поверить. То, что я слышал о Боге от верующих родственников, действительно приводило меня именно к этому образу — Создателя, сотворившего нас в качестве неких домашних зверьков и дарующего благо или боль по Своему разумению и настроению... Что ж, мне интересно, какой же выход нашёл Бог: варианты создания счастливых и несчастных людей по своему выбору — выходит, тупиковые…
- Сенатор потянулся к столу и извлёк из появившейся там табакерки сигару с позолоченным наконечником. — Да, я курю сигары, нервно обратился он к Лиону. — Потому что мне нравятся сигары, причем именно гаванские, — с вызовом сказал Сенатор, повысив голос — и мне нравится, когда сигары хранятся в красивой

табакерке из красного дерева, и когда у них золотой наконечник, — Марулл почти кричал, — и часы с боем, висящие дома мне нравятся, хотя здесь и нет никакого времени! Но я создам время, чтобы они били не просто так, а со смыслом, слышите, Лион? д`Эглиз?... Бесс?... Ответьте мне, здесь хоть в чем нибудь есть смысл? Хотя бы в единственной вещи или понятии, в самом существовании, — есть хоть капля смысла? Какая несправедливость, какая жуткая подлость со стороны Бога, что все эти ответы, да и сами вопросы приходят лишь сейчас, когда уже ничего не сделать. Почему, Лион, отвечайте, почему?

Лион сочувственно глядел на Марулла, потом вздохнул и пожал плечами:

- Боюсь, поставить Богу в вину наше незнание тоже не получится. На все вопросы мы могли иметь ответы и при жизни. У нас просто не было ни времени, ни желания спрашивать.

- Да, я знаю, Лион, я виноват. Да, я виноват, Лион, — воскликнул сенатор, обращая голову вверх. — Я ведь не знал как это важно. Но Он-то знал, Лион! Если Он знал, что меня ждет здесь, если знал, как это невыносимо, почему не принудил, не заставил меня получить эти ответы, Лион?

Лион вновь пожал плечами:

- Почему не заставил быть счастливым? Как это сделал Тони? Вы бы вправду предпочли это? Нет, Марулл, у вас и вправду был выбор. Настоящий выбор. Честный выбор без всякого принуждения со стороны.

- Что я слышу, — подал вдруг голос д`Эглиз, — это вправду стенания человека, который десять минут назад утверждал, что существование здесь — это верх блаженства? — И он лукаво взглянул на сенатора.

Марулл покраснел…

- Ну… В принципе и впрямь — верх блаженства, — смущённо сказал он. — Но…- он попытался вспомнить, что именно внесло такой перелом в его настроение, — но моё существование здесь должно иметь какой-то смысл, а? Больший, чем просто наслаждаться солнцем, морем и общением?

- Конечно, — легко согласился д`Эглиз — ещё футбол, Роллс-Ройс…

- Граф, вы невыносимы! — взвился Марулл, — я говорю о чрезвычайно важных вещах!

- Так мы ж не спорим, сенатор, — примирительно поднял ладони кверху д`Эглиз, — хотите сделать лучше чем Бог — кто ж против? Я первый перееду жить в ваш мир, если у вас получится. Только вот у вас не получится, — вздохнул он.

- Отчего это вы так уверены? — язвительно спросил Марулл, — если у вас не получилось, не значит, что у других не получится!

- У других тоже не получилось… — после еле заметной паузы сказал д`Эглиз тихо и так серьёзно, что у Марулла внезапно пропала охота спорить и появилась некая

неуверенность.
- Дорогой мой, — мы вас не отговариваем, — подал голос Лион со своего шезлонга, — мы просто уверены, что это абсолютно бесперспективно.
- А чего тогда вы такие грустные? — с обидой спросил Марулл, — может у меня всё получится.
Лион и д`Эглиз еле заметно быстро переглянулись. Ответила Бесс.
- Они оба слишком хорошо знают, сколько боли это приносит. — И улыбнулась сенатору, сочувственно и тепло.
- Ничего, полагаю, я в состоянии пережить эту боль, — проворчал Марулл, впрочем, не очень уверенно.
- Вы — да… — тихо проговорила Бесс и, замолчав, вновь устремила взгляд на линию горизонта.